ДЕНИ ВЕРАС

ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией
академика
В. П. ВОЛГИНА

MCMLVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДЕНИ ВЕРАС

ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ

Перевод с французского
Е. ДМИТРИЕВОЙ

Комментарии
Ф. Б. ШУВАЕВОЙ

Вступительная статья
В. П. ВОЛГИНА

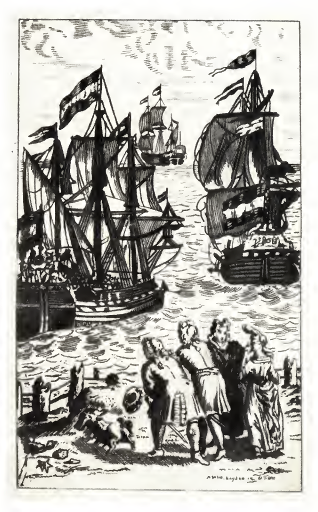
MCMLVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва

D. VAIRASSE

HISTOIRE DES SEVARAMBES,

PEUPLES QUI HABITENT UNE PARTIE DU TROISIÉME CONTINENT COMMUNÉMENT APPELÉ LA TERRE AUSTRALE

Фотография из „Истории севарамбов“,
изд. в Амстердаме в 1702 г.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИСТ XVII в.

I

XVII и особенно XVIII века — время необычайно пышного расцвета во Франции так называемого утопического романа. Нигде и никогда ни раньше, ни позже утопический роман не занимал в литературе такого места, как во Франции этого периода. Большое число и большой успех произведений этого типа отражали несомненно социальные моменты глубокого исторического значения: широко распространенное недовольство масс общественным порядком и отсутствие в социальной действительности материальных условий, необходимых для преобразования общества в интересах недовольных. Утопической литературе, о которой мы говорим, присущи уравнительные или социалистические тенденции; утопические изображения идеального общественного строя отвечали неясным еще чаяниям эксплуатируемых — городской и деревенской бедноты. Буржуазия искала и находила другие способы выражения своего недовольства и своих пожеланий — более конкретные и более прямые.

У истоков французской утопической литературы мы находим два романа, вышедшие в конце XVII столетия и оказавшие на все последующее развитие жанра громадное влияние: «Историю севарамбов» Вераса и «Телемак» Фенелона. На протяжении целого века эти романы находили читателей и подражателей. Первый образец французского утопического романа с четкой коммунистической тенденцией — «История севарамбов» — в то же время едва ли не лучший его образец. Независимо от ее художественных достоинств,—хотя и в этом отношении «История севарамбов» стоит выше большинства последующих французских утопий — она выделяется среди них свежестью мысли и своеобразием построения.

Автор «Севарамбов» был, повидимому, человеком весьма незаурядным. К сожалению, мы имеем о его жизни лишь скудные данные. Известно, что он принадлежал к протестантской семье. Но мы не можем даже сказать с уверенностью, была ли это дворянская или буржуазная семья. Свою жизненную карьеру Верас начал в рядах армии, приняв участие очень юным в военных действиях в Италии. Затем, покинув военную службу, он обратился к изучению права. Возможно, что этот переход свидетельствует о связи семьи Вераса с «дворянством мантии». Во всяком случае, судебное поприще, как и военная служба, не смогло надолго удержать этого беспокойного молодого человека. В 1665 г. мы находим Вераса уже в Англии — в странной роли не то

преподавателя французского языка, не то «доверенного» переводчика, не то фактотума в свите известного английского вельможи и политического деятеля Бекингема.

За время своего пребывания в Англии Верас приобрел, повидимому, довольно широкую известность и доверие в руководящих политических кругах. Он имел возможность познакомиться с рядом выдающихся английских культурных деятелей, в том числе с Локком, близость с которым он сохранил и после своего возвращения во Францию, где Локк провел ряд лет — с 1675 г. по 1679 г. В Англии же Верас задумал свой роман, первая часть которого была им издана на английском языке в 1675 г. Возвращение Вераса во Францию было как будто не вполне добровольным: этот иностранец принимал, повидимому, очень деятельное участие в английских политических интригах, и политические неудачи английских деятелей, которых он обслуживал, вынудили его вернуться на родину. Но как бы мы ни оценивали поведение Вераса в Англии с политической стороны, Верас, во всяком случае, должен быть с полным основанием причислен к той небольшой группе французских писателей и деятелей (по преимуществу гугенотов), через которых в XVII в., задолго до Вольтера и Монтескье, устанавливалась живая связь между английской и французской культурой.

По возвращении во Францию Верас поселился в Париже, где занимался главным образом преподаванием английского и французского

языков, истории и географии. Плодом этих занятий явились выпущенные им французская грамматика (1681) и руководство к французскому языку для англичан (1683). После отмены Нантского эдикта Верас, как и многие другие гугеноты, эмигрировал в Голландию, где и умер. Год его смерти, как и год его рождения, неизвестен.

В парижский период своей жизни Верас издал «Историю севарамбов» на французском языке в двух частях. Первая часть вышла в 1677, вторая — в 1678—1679 гг. Более ранний английский вариант почти лишен того социального содержания, которое делает для нас интересной книгу Вераса. Один из новейших исследователей * выражает даже сомнение в том, что английский текст написан Верасом. В дальнейшем изложении мы имеем в виду, конечно, французский вариант «Севарамбов». Именно этот вариант многократно переиздавался в течение первой половины XVIII в. Именно им определяется место Вераса в истории утопического социализма.

В предисловии, озаглавленном «К читателю», Верас заявляет, что его книга есть описание общества, действительно существующего на «южном континенте». Он просит читателя не смешивать публикуемое им произведение с такими измышленными, фантастическими по-

* G. Atkinson. The extraordinarv voyages in French Literature before 1700. New York, 1920, pp. 169—170.

строениями, какие даны в «Республике» Платона, в «Утопии» Мора и в «Новой Атлантиде» Бэкона. Несомненно, что он хорошо знал перечисленные книги и считал их своего рода образцами утопической литературы.

Как мы увидим ниже, круг произведений, оказавших большее или меньшее влияние на автора «Севарамбов», можно значительно расширить. Но вряд ли возможно оспаривать, что влияние Мора, при всех отличиях строя страны севарамбов от строя Утопии, было одним из основных влияний,— влияний решающих в отношении принципов социальной характеристики идеального государства. Вероятно, рядом с «Утопией» можно поставить в этом отношении лишь приобретшее в XVIII в. самую широкую известность описание в книге Гарсиласо де ла Вега,— «Le Commentaire royal»,— «коммунистических» порядков в государстве инков в Перу. Книга Гарсиласо сыграла в XVII—XVIII вв. немалую роль в процессе распространения коммунистических идей. В рассказе Гарсиласо даже Дидро видел убедительное доказательство возможности применения принципов коммунизма в реальной действительности. Весьма возможно, что именно «перуанские порядки» служили образцом для изображаемых Верасом порядков в стране севарамбов.

«История севарамбов» во всяком случае не является простым подражанием «Утопии». Ее отличает от «Утопии» и со стороны формы, и

со стороны содержания ряд черт весьма оригинальных, отражающих не только иные литературные вкусы, но и иную социальную обстановку. Верас не занимает в истории социалистических идей такого места, как Мор или Кампанелла; все же он занимает в ней с в о е место и потому заслуживает изучения.

Читатель, знакомый с «Утопией» и «Городом солнца», развернув «Историю севарамбов», сразу почувствует стиль иного времени. Он не найдет у Вераса традиционной, унаследованной Мором и Кампанеллой от античных авторов формы диалога. «История севарамбов» — связный рассказ от первого лица, будто бы воспоминания путешественника о пережитом. В этом рассказе гораздо большее внимание, чем у первых утопистов, уделено перипетиям путешествия, всякого рода приключениям, взаимоотношениям путешественников, описаниям природы, городов, охоты, рыбной ловли и т. п. Социальные идеи автора и черты социальных отношений описываемой страны вкраплены в занимательный рассказ.

«История севарамбов» близка, по своей форме, к тому типу литературных произведений, которые именуются «романами путешествий», тогда как «Утопия» и «Город солнца» — рассуждения, облеченные в повествовательную форму. Не надо забывать, с одной стороны, какое развитие получила во Франции ко времени Вераса форма романа (Сорель, Скаррон и др.), с другой стороны, как были распространены в 50—60-х годах XVII в.

пользовавшиеся громадным успехом во Франции — в связи с ростом ее колониальных интересов — описания путешествий (не вымышленных). В смысле литературной техники Верас, несомненно, опирается на развитие обоих этих жанров и использует разработанные ими средства. Иногда он идет дальше и заимствует для отдельных частей рассказа готовую схему изложения. Так построена вступительная часть «Истории севарамбов», изображающая путешествие, кораблекрушение и пребывание на южном материке до встречи с туземцами.

II

Канва «Истории севарамбов» очень проста. Это — рассказ путешественника, потерпевшего крушение в южном море. Европейцы, спасшиеся от гибели на неизвестном берегу, тщетно ждут помощи. Постепенно они все глубже проникают в неведомую им страну и, наконец, сталкиваются с туземцами-севарамбами. Оказавшиеся очень культурными и гуманными, туземцы увозят европейцев в свою столицу. Уже по пути европейцы начинают знакомиться с своеобразными порядками страны. Дальнейшая жизнь в стране дает возможность рассказчику лучше узнать и оценить по достоинству хозяйственную и политическую систему гостеприимных севарамбов. Беседы и чтение книг севарамбов позволяют ему восстановить историю возникновения этого своеобразного общественного порядка.

Томас Мор уделяет очень мало внимания происхождению утопического строя. Мы знаем лишь, что утопическое государство, по Т. Мору, возникло в результате завоевания, что туземцы, покоренные основателем Утопии, были «народ грубый и дикий» и что стараниями основателя, Утопа, они были подняты на весьма высокую ступень культуры и образованности *. Коммунизм Утопии дан, так сказать, статически, в своем завершенном виде. Верас проявляет в своей «Истории севарамбов» гораздо больше «исторического» вкуса. Он достаточно подробно говорит о том, как жили туземцы до преобразования, проведенного просвещенным правителем Севарисом. Эти страницы Вераса представляют большой интерес, так как мы находим здесь уже ряд черт, характерных для коммунистических и эгалитарных теорий XVIII в. и чуждых ранним утопиям нового времени.

Народ севарамбов образовался из сочетания двух туземных народов — *престарамбов* и *струкарамбов* — и пришлых *парси*, иммигрировавших из Персии. Туземные народы происходили от одного корня и отличались друг от друга лишь частностями, несмотря на постоянные раздоры. Они жили в условиях примитивного коммунизма, большими семьями, каждая из которых представляла самоуправляющуюся единицу. Каждая семья, или община (communauté), выбирала вождя и его помощ-

* Т. Мор. Утопия. М., 1953, стр. 108.

ников для ведения хозяйственных дел семьи, для отправления правосудия, для командования в случае войны. Эти вожди обладали самыми широкими полномочиями как в отношении имущества, так и в отношении отдельных членов семьи,— вплоть до права жизни и смерти. Вождь имел при себе совет (повидимому, состоявший из должностных лиц и стариков), приказам вождя все должны были беспрекословно повиноваться *. Для общей охраны и для других общих дел большие семьи избирали общего вождя, при котором состоял совет из представителей отдельных семейств; в распоряжение этого общего вождя семьи выделяли из своего состава определенное число мужчин для военных надобностей.

У одного из этих народов — струкарамбов — общность являлась принципом не только имущественных, но и брачных отношений. Внешне у них существовала моногамная семья: женщина имела одного мужа, который считался отцом ее детей. Но, по существу, каждая женщина принадлежала (или могла по праву принадлежать) любому из мужчин — членов большой семьи. Лишь половые сношения с мужчинами из других семей считались преступлением и карались смертью. Обычно браки заключались в пределах одной и той же семьи: это считалось наиболее достойным. Иногда брали

---

* История севарамбов, настоящее издание, стр. 241—242.

женщин из соседних семей; но мужчины из своей семьи никогда не выходили *.

Основным занятием этих первобытных народов являлись охота, рыбная ловля и собирание диких плодов; однако они знали уже зачатки земледелия в форме огородничества: они питались кореньями и овощами, которые сами культивировали.

Представление о строе первобытных народов, как строе коммунистическом, мы встречаем уже у некоторых античных авторов. Известно, что в древней Греции была достаточно широко распространена легенда о «золотом веке», когда царила «общность благ». Известно, что греческий историк Эфор нашел образец примитивно-коммунистических отношений у скифов. Эти представления отразились и в греческом утопическом романе Ямбула, где дано изображение коммунистических общин типа большой семьи **. Скудость биографических сведений о Верасе не позволяет нам сказать с определенностью, был ли он знаком непосредственно с указанной литературой. Но Верас мог усвоить эту традицию и из более близких к нему произведений, которые, наверное, были ему известны. Идея начальной общности была достаточно широко распространена и в его время. Мы знаем, что Верас изучал право. Мы еще будем иметь возможность убедиться в том, какое место занимает в его построении идея

* История севарамбов, стр. 241—242.
** Diodori Siculi lib. II, 57—59.

естественного права. Конечно, он не мог не знать крупнейших и известнейших теоретиков естественного права XVII в.— Гроция и Пуффендорфа. Ни Гроций, ни Пуффендорф отнюдь не были по своим социальным тенденциям коммунистами. Но концепция начальной общности в той или иной форме присуща им обоим *.

Однако и у Гроция и у Пуффендорфа характеристика естественного состояния носит не столько конкретно-исторические, сколько абстрактно-юридические черты. Схема естественного коммунизма заполнена у Вераса материалом, взятым, очевидно, из других источников. Вряд ли можно сомневаться в том, что этот материал доставила ему литература путешествий, как мы уже указывали, чрезвычайно распространенная в его эпоху и содержавшая ряд этнографических наблюдений. Эти первые этнографические данные были весьма неточны, их научная ценность в большинстве случаев сомнительна. Тем не менее их не может отвергнуть en bloc даже наша современная наука. Для XVII в. рассказы светских и духовных путешественников (миссионеров) о далеких странах и обитающих в них народах имели гро-

* «Бог непосредственно после сотворения мира дал человеческому роду в целом право на все, что находится на земле; он возобновил этот дар при обновлении мира после потопа. Все было тогда общим». («Le droit de la guerre et de la paix 1729», I, p. 265. Цит. A. Lichtenberger. Le socialisme au XVIII-e siècle. Paris, 1895, p. 12).

мадиое научиое зиачение, расширяя в небывалых до того размерах социальный кругозор и опрокидывая укоренившиеся традициоииые представления. Само собой разумеется, что этнографический материал не только восприиимался рассказчиками под определеииым углом зрения, но зачастую сознательно обрабатывался ими в духе определеииой общественной коицепции. Мы не можем сказать иаверное, получил ли Верас свой материал уже в таком обработаином виде. Во всяком случае, картииа первобытных отношений, какую мы находим в «Истории севарамбов», не есть простое перенесеиие в фаитастическую страиу этнографической характеристики какого-то реального иарода; это — характеристика, стилизованная в духе учеиия о коммунизме как естественном состояиии человечества.

Из двух туземиых народов, сливающихся затем в единую нацию севарамбов, Верас ставит выше престарамбов. Это народ мириый, гостеприимиый *; одиако и струкарамбы, более грубые по своим нравам, по природе одареиы и благородиы **. Если у струкарамбов иекоторые обычаи и вызывают порицаиие Вераса (иапример, беспорядочиость половых отиошений внутри семьи), то возиикновеиие этих обычаев Верас объясияет как порчу прежних добрых нравов в результате деятельности иекоего лжеучителя ***.

* История севарамбов, стр. 222.
** Там же, стр. 241.
*** Там же, стр. 243.

Итак, по Верасу, дикари живут в условиях естественного коммунизма. Они лишены просвещения, и потому ложные законодатели могут свести их с правильного пути. Для всякого знакомого с социальными теориями XVIII в. ясно, что построение Вераса содержит уже в себе все основные элементы наиболее популярной в XVIII в. концепции. С известными вариациями мы находим эти элементы и у Руссо, и у Мабли, и у Морелли *. Верасу в разработке и популяризации теории естественного состояния должно быть по праву отведено одно из первых мест.

Если лжеучителю легко обмануть невежественный народ и свести его с пути, предначертанного природой, то для истинного, разумного законодателя народ, живущий еще в естественном состоянии, представляет наиболее благодарный материал. Мудрый законодатель руководствуется в своей деятельности принципами естественного права. Те же принципы, хотя и не осознанные, лежат в основании строя естественного состояния. Понятно, что законодателю севарамбов, персу Севарису, который поставил себе задачу построения общества, согласного с естественным правом, не было трудно убедить туземцев принять законы, не очень удаляющиеся от исконных обычаев народа, жившего общинами и почти не имевшего

* В. П. Волгин. Очерки по истории социализма, изд. 4-е, стр. 163—165, 187—190, 199—201.

частной собственности *. Характерно, что в противоположность туземцам более культурные персы, иммигрировавшие вместе с Севарисом, стояли за раздел земель, за частную собственность, за классовую структуру общества **. Движение в пользу частной собственности, вспыхнувшее через несколько лет после реформ Севарнса, также возглавлялось персами ***.

Этот ряд мыслей дает еще большее основание видеть в Верасе предтечу и учителя коммунистических писателей XVIII в. Во всяком случае, мы находнм эти давно уже высказанные Верасом мысли в развернутом виде у крупнейшего коммунистического мыслителя дореволюционной Франции — Морелли в его «Кодексе природы». Соответственные страницы «Кодекса природы» представляют как бы комментированное изложение в теоретическом плане кратких замечаний Вераса, данных им в форме романа. Морелли считает возможным осуществление коммунизма в современных ему обществах, испорченных частной собственностью. Но гораздо проще и легче установить коммунистические порядки среди таких людей, какими их сделала природа, а не среди таких, какими они стали и продолжают быть у

* История севарамбов, стр. 262: «Его законы... немногим отличались от обычаев туземцев, ибо... эти народы жили общинами и не имели почти никакой собственности».

** Там же, стр. 264.

*** Там же, стр. 278.

народов, подчиняющихся законам*. И для того, чтобы показать, как легко это сделать, Морелли посылает своего гипотетического «мудрого законодателя» в Америку, к «диким народам», живущим еще в естественном состоянии. Этот законодатель обучает дикарей новым способам добывания себе пропитания, новым искусствам, правильной организации труда,— сохраняя в неприкосновенности общность имущества и общность труда для удовлетворения общих нужд. Все будут приветствовать его начинания, утверждает Морелли, все обстоятельства окажутся благоприятными для его планов **. Можно подумать, что, составляя этот раздел своего рассуждения, Морелли имел перед собою рассказ Вераса о просвещенных коммунистических реформах Севариса.

III

Северис прибыл в страну, которую ему было предназначено облагодетельствовать своими реформами, из имеющей высокую и старую культуру Персии, после многолетних странствий по странам Запада и Востока (Италия, Греция, Египет, Индия, Япония, Китай) ***. Его разнообразные наблюдения дали ему возможность оценить критически не только осо-

* М о р е л л и. Кодекс природы. М., 1947, стр. 82—83.

** Там же, стр. 22—23.

*** История севарамбов, стр. 217—220.

бенности каждой страны, но и общие основы их строя. Мы не можем, конечно, ожидать от писателя XVII в. глубокого экономического анализа этих основ. Напомним, что «История севарамбов» вышла на много лет раньше книг Буагильбера («Détail de la France», 1695) и Вобана («Dîme royale», 1707), в эпоху, когда буржуазная экономическая мысль закладывала лишь первые камни фундамента будущей классической политической экономии. Критика Вераса — как, впрочем, и значительно более поздняя критика писателей XVIII в. (Морелли, Мабли) — носит моральный характер. Исследуя причины раздоров, войн и других бедствий, поражающих народы, Севарис пришел к заключению, что они проистекают главным образом из трех источников: гордости, корыстолюбия и праздности. Первый порок питается существованием наследственных сословий; второй и третий — богатством и частной собственностью. Именно эти соображения побудили Севариса решительно отвергнуть выдвинутый его современниками и товарищами персами проект классового устройства общества *.

Размышляя о наилучшем общественном порядке, Севарис исходит из природных свойств человека: природа, — говорит он, — создала всех людей равными **. Категорически воспрещая своим преемникам вводить какие-либо новшества, противоречащие установленным им основным законам, он приравнивает эти законы

* История севарамбов, стр. 258 и след.
** Там же, стр. 259.

к естественному праву *. На природе человека строится коммунистическая аргументация уже у Томаса Мора. Жизнь, согласная с велениями природы, является для него основным принципом как индивидуальной нравственности, так и социального порядка. Но формулировки Вераса более отчетливы: они предвосхищают и здесь, как во многих других пунктах его изложения, формулировки, получившие позже, в XVIII в., весьма широкое распространение в рационалистических — уравнительных и коммунистических системах.

«Естественное равенство» людей требует для своей реализации «общности». Севарис лишил частных лиц прав собственности и установил, что все земли и богатства народа принадлежат государству, которое распоряжается ими а б с о л ю т н о. Никто из граждан не может получить ничего из этих богатств, кроме того, что ему отпустит соответственное должностное лицо **. Верас не предусматривает, таким образом, никаких различий в отношении собственности между средствами производства и предметами потребления. Ничто не может считаться объектом частной собственности. Эта нерасчлененность более всего сближает Вераса с Кампанеллой, который в своем «Городе солнца» провозглашает такую же универсальную общность в очень сходных выражениях ***.

* Там же, стр. 262.

** Там же, стр. 260.

*** К а м п а н е л л а. Город солнца. М., 1954, стр. 56.

На той же точке зрения стоит в этом вопросе и Т. Мор, требующий «совершенного уничтожения частной собственности» *. Лишь Морелли — впервые в истории социалистической мысли — выделяет из общности «те вещи, которые каждый употребляет для удовлетворения своих потребностей, для удовольствий или для своего повседневного труда» **.

Отнесение в одну категорию с предметами потребления также и орудий личного труда отражает, конечно, господство в окружающей действительности и в сознании Морелли ремесленной техники. Но расчленение объектов частной и общественной собственности само по себе является в развитии социалистической концепции фактом весьма значительным. Оно знаменует перемещение центра тяжести проблемы собственности из области потребления в область производства. Для Вераса основное в его построении — организация производства и распределения, отнюдь не организация потребления. Тем не менее, в вопросе о собственности он остается еще целиком на старых позициях.

Основная ячейка общества севарамбов носит название «осмазия» ***. Осмазия — это прежде всего большое четырехугольное здание, в котором обитают севарамбы ****. Но все обита-

* Т. Мор. Утопия, стр. 97.

** Морелли. Кодекс природы, стр. 202.

*** Верас переводит это слово на французский язык как communauté, т. е. община. История севарамбов, стр. 245.

**** Там же, стр. 265.

тели осмазии составляют хозяйственную и политическую корпорацию. В «Утопии» Т. Мора функции такой первичной корпорации несет рационализированная семья *. Этот семейно-ремесленный строй связывает Утопию со средневековым городом. Разрывая пуповину, соединяющую хозяйство с семьей, Верас делает, несомненно, большой шаг вперед, отражая разрушительные для ремесла сдвиги в экономической действительности XVII в. Известно, что время Людовика XIV было для Франции временем не только развития мануфактуры, но и роста крупного производства в цехах, их капиталистического перерождения. В осмазии можно видеть прототип разнообразных форм общественных мастерских, трудовых ассоциаций, коммун и т. п., характерных для социалистических построений XVIII и первой половины XIX в.

Конечно, понятие осмазии как производственной организации не разработано Верасом с достаточной четкостью. Он говорит иногда об осмазиях, так сказать, специализированных. Так, осмазии, находящиеся в сельских местностях, занимаются главным образом сельским хозяйством **. Таким образом, противоположность между городом и деревней у Вераса сохраняется. У него нет гениальной смелости Мора, превращающего в «Утопии» сельское хозяйство в общую повинность всех

* Т. Мор. Утопия, стр. 16 (В. П. Волгин Историческое значение Утопии).

** История севарамбов, стр. 292.

граждан и фактически упраздняющего деревню в ее старом виде. Имеются также осмазии-школы *. Но, с другой стороны, в одной и той же осмазии могут жить и работники разных специальностей **. Вообще, процесс производства в осмазии, по описаниям Вераса, трудно представить детально. Мы знаем лишь, что члены осмазии образуют дюжины и что трудом каждой дюжины руководит бригадир (duzenier) ***.

Осмазия не является самодовлеющей хозяйственной единицей. Каждая из осмазий в своем производстве имеет в виду не удовлетворение потребностей своих членов (по типу фаланг Фурье), а удовлетворение нужд всего общества в целом. Во главе каждой отрасли производства стоит особое должностное лицо, которое Верас называет префектом. Префекты обязаны блюсти общегосударственные интересы. Они берут необходимый для данного производства сырой материал у тех осмазий, которые его добывают или изготовляют (например, металл, кожу, шерсть, хлопок, шелк), доставляют этот материал туда, где он получает дальнейшую обработку. Обеспечивая снабжение промышленности сырьем, они заботятся также и о снабжении граждан продуктами промышленности, распределяя их по различным районам государства. Это распределение производится через систему магазинов — центральных и ме-

* История севарамбов, стр. 293.
** Там же, стр. 292.
*** Там же, стр. 197.

стных, имеющихся в каждой осмазии. Сельскохозяйственные осмазии оставляют в своих магазинах лишь то, что необходимо для пропитания их членов, и весь излишек сдают в магазины центральные *. Хозяйственная система севарамбов, таким образом, является системой строго централизованной.

Труд составляет в стране севарамбов обязанность всех граждан, как мужчин, так и женщин. Женщины занимаются лишь более легким трудом — пряденьем, ткачеством, шитьем **; наравне с мужчинами они несут даже воинскую службу ***. От труда освобождаются лишь больные, старики и инвалиды. Государство требует от граждан труда на общественные нужды прежде всего потому, что оно обеспечивает удовлетворение их потребностей, снабжая их всем необходимым. Но у Вераса есть еще и другой, моральный мотив: труд, упражняя тело и занимая душу разумным делом, предохраняет от многочисленных пороков и изнеженности, которые являются результатом праздности. Такое моральное значение может иметь труд, когда он полезен и умерен. Чрезмерный труд, который несут бедняки, чтобы добыть себе средства существования, есть результат неравенства. Верас считает возможным, в условиях равенства, значительное сокращение времени труда. Однако он в этом вопросе более реалистичен, чем Мор или

* Там же, стр. 291—292.
** Там же, стр. 299.
*** Там же, стр. 183.

Кампанелла; в «Утопии» введен шестичасовой день, в «Городе солнца» — даже четырехчасовой. У севарамбов день разделен на три равные части, из которых одна, восемь часов, посвящается труду, вторая — удовольствиям, третья — отдыху. Верас, несомненно, первым провозгласил эту трехчленную формулу, ставшую столь популярной в XIX в. (восемь часов для труда, восемь — для отдыха, восемь — для сна) *.

Такая система всеобщего труда граждан не может еще, однако, по мнению Вераса, обеспечить удовлетворение всех потребностей. Дополнением и коррективом к ней является у него рабство. Для выполнения грязных работ при каждой осмазии имеются рабы **. Мы знаем, что рабство для тех же целей сохраняется и в «Утопии» ***. Но у Мора рабство — форма наказания, заменяющая смертную казнь. Мор не считает возможным обращать в рабство даже военнопленных, он не признает наследственного рабства. Рабство у Вераса гораздо ближе к своему реальному прототипу и по своему источнику, и по характеру использования рабов. Верас без всякого возмущения рассказывает о том, как севарамбы, победив своих врагов, налагают на них ежегодную дань девушками и юношами, которые становятся затем рабами у севарамбов ****.

* История севарамбов. стр. 261.
** Там же, стр. 293.
*** Т. Мор, Утопия, стр. 167—168.
**** История севарамбов, стр. 283.

Он с полным сочувствием рассказывает о наложницах-рабынях и о том, как снабдили такими временными наложницами его спутников в первом же городе, в который они прибыли *. Это более чем терпимое отношение к рабству в его самых отвратительных проявлениях резко выделяет Вераса среди ранних утопистов. Повидимому, здесь сказалось в первую очередь влияние на Вераса того отношения к рабству, которое было в его время широко распространено в кругах, связанных с колониальными интересами.

Как мы уже говорили, государство снабжает граждан всем необходимым. Оно снабжает их непосредственно продуктами. Деньги воспрещены основным законом государства **. Их употребление считается пагубным. Это абсолютное отрицание денег как олицетворения богатства и орудия эксплуатации свойственно всем ранним социалистам. Но системы безденежного распределения могут быть различны по своим принципам. Возможно распределение равными пайками, возможно распределение по потребностям, возможно распределение, учитывающее в той или иной форме общественные заслуги. Верас провозглашает распределение по потребностям. Всякий гражданин, имея в чем-либо нужду, обращается к соответственному должностному лицу и всегда получает удовлетворение ***. Однако при применении

* Там же, стр. 126.
** Там же, стр. 282.
*** Там же, стр. 260.

этого принципа принимаются во внимание соображения иерархического порядка. Должностные лица заслуживают большего вознаграждения и получают его в соответствии с положением, которое они занимают в республике (proportionnées au rang qu'ils tiennent dans la République): они имеют лучшие жилища, лучшее питание, лучшую одежду, чем простые граждане; им разрешено иметь больше жен и содержать лично при себе рабов (как правило, рабы прикреплены к осмазиям)*. Отметим, как любопытное перенесение в утопию черт французской действительности, что правом охоты, по крайней мере в некоторых лесах, пользуется только губернатор **.

Иерархия вознаграждения дает дополнительный стимул к труду на пользу общества. Основным стимулом является «благородное соревнование» (une noble émulation), которое рождается из справедливого желания похвал, вызываемых добрыми делами ***. Но стремление завоевать любовь и уважение граждан поддерживается и укрепляется соображениями материального порядка. Верас старается, очевидно, показать, что коммунистический строй не требует для своего существования людей особого, более высокого морального уровня. У севарамбов те же желания, те же цели, что и у европейцев. Различие социальных укладов сказывается в другом — в том, что средства,

* История севарамбов, стр. 287.
** Там же, стр. 254 и след.
*** Там же, стр. 261—262.

которыми севарамбы пользуются для достижения этих целей, честны и законны, тогда как у европейцев они сплошь и рядом низки и преступны *.

В республике нет богатых бездельников, нет людей, которые облечены властью, хотя они недостойны ее и неспособны к ней. С другой стороны, среди севарамбов нет бедных, никто не испытывает нужды в необходимом, все принимают участие в общественных удовольствиях: «им принадлежат все богатства государства, и каждый из них может считать себя столь же счастливым, как самый богатый в мире монарх» **.

Основным условием, обеспечивающим это всеобщее богатство, Верас считает правильную систему распределения у севарамбов. Проводя параллель между европейскими странами и страной севарамбов, Верас замечает: «все это, в сущности, одно и то же, но способ распределения благ различен» ***. Однако Верасу не чуждо представление о том, что коммунистический строй создает также исключительные возможности для роста производства. У него в большей степени, чем у Мора, заметен вкус и интерес к техническим достижениям и усовершенствованиям, хотя большой изобретательности он в этом отношении и не проявляет. Для нашего народа нет ничего невозможного,— говорит один из севарамбов у Вераса,—

* Там же, стр. 287—288.
** Там же, стр. 260.
*** Там же, стр. 293.

ибо у нас все принадлежит обществу *. Интересно, что описываемые Верасом грандиозные сооружения, облегчающие труд человека и содействующие росту изобилия, относятся к путям сообщения и сельскому хозяйству. Верас вообще отводит промышленности подчиненное место, считая сельское хозяйство и строительное дело «более полезными». Мы узнаем у него о туннелях, сокращающих горные дороги **, о подъемных машинах ***, о системе орошения и осушения земель при помощи каналов, об особых способах превращения песчаных почв в плодородные ****. Во второй половине XVII в. Верас оказывается еще не в состоянии предугадать технический переворот в области промышленности и рост ее значения в общественной экономии.

IV

Принципиальные основы хозяйственного строя страны севарамбов те же, что в «Утопии» Т. Мора, — равенство граждан, общность имущества. Но исходя из этих основ, Верас дает своеобразное построение, отличающееся весьма существенными чертами. Не менее своеобразен и политический строй его утопии. Сам Верас характеризует его двояко. Рассматриваемый с точки зрения религиозной, этот строй является деспотической монархией, ибо верховным главой государства и собственником

* История севарамбов, стр. 175—176.
** Там же, стр. 175.
*** Там же, стр. 169—170.
**** Там же, стр. 204—205.

всего национального имущества севарамбы считают бога-солнце. Об этой религиозной стороне дела нам еще придется говорить ниже. С точки зрения светской организация управления представляется Верасу соединением деспотической монархии с аристократией и демократией *. Однако и это определение не соответствует тому, что изображено в романе.

Источником власти является у севарамбов народное избрание. Народ в каждой осмазии избирает ее руководителя — осмазионта (повидимому, в выборах участвуют все граждане). Осмазионты составляют основное ядро так называемого общего совета (conseil général). Так как число осмазий, а следовательно и осмазионтов, непрерывно растет, то постепенно из этого общего совета выделился малый совет (conseil ordinaire). Сначала в малый совет входило по одному члену на четыре осмазии, затем — по одному на шесть, наконец — по одному на восемь. Старейшие члены малого совета (по времени избрания) в числе двадцати четырех человек составляют коллегию сенаторов или высший государственный совет (grand conseil d'état). Когда в этой коллегии освобождается место, оно заполняется следующим по старшинству членом малого совета. Высший государственный совет намечает из своей среды четырех кандидатов на пост правителя государства, вице-короля, который окончательно избирается путем жребия. Совет помогает (assiste)

* Там же, стр. 284.

вице-королю во всей его деятельности, дает ему советы. Из его состава назначаются губернаторы важнейших частей государства, генералы армии и префекты важнейших отраслей (строительства, съестных припасов, школ, общественных празднеств и т. п.) *.

Власть верховного правителя, вице-короля, отнюдь не является неограниченной. Он, повидимому, не может предпринять никаких важных мер без поддержки государственного совета. Так, мы узнаем из рассказа Вераса про четвертого вице-короля, что его завоевательные планы встретили сопротивление со стороны совета, и он вынужден был от них отказаться **. Законодательные предложения вице-короля требуют утверждения общего совета, членам которого проект предварительно раздается ***. Общий совет может отстранить вице-короля от исполнения обязанностей, повидимому, по инициативе высшего государственного совета. Если вице-король проявит склонность к тирании, если он пожелает нарушить основные законы, старейший из сенаторов созывает общий совет; в случае согласия последнего вице-король лишается власти, и из числа сенаторов по жребию избирается опекун (tuteur), который и правит, «пока божество не соблаговолит вернуть утраченный разум» вице-королю ****.

* История севарамбов, стр. 285—286.
** Там же, стр. 279.
*** Там же, стр. 289.
**** Там же, стр. 290.

Ясно, что изображаемый Верасом режим весьма далек от «деспотической» монархии. Мы не знаем другого произведения второй половины XVII в., которое стояло бы в столь резком противоречии с господствующими политическими доктринами эпохи Людовика XIV. Революционное «Завещание» Мелье написано почти на полстолетия позднее «Истории севарамбов». Известный подпольный трактат «Вздохи порабощенной Франции», хотя и сочувствует принципу выборности короля, проникнут реакционно-аристократическим настроением. Даже «Письма пастыря» Жюрье, вышедшие, как и книга Вераса, из протестантской среды, в своих практических пожеланиях не идут дальше современной им английской конституции.

Трудно представить себе, чтобы Верас при его юридическом образовании искренно считал политический строй севарамбов «монархией последовательной и деспотической». Вернее предположить, что своим определением он стремился скрыть от бдительного, но не всегда проницательного взора королевской цензуры свои «неблагонамеренные» политические взгляды.

Нет в системе севарамбов и аристократии в том смысле, в каком этот термин употребляется обычно в политической литературе. Мы уже знаем, что Верас — решительный враг каких-либо наследственных сословий и связанных с ними прав и привилегий. Только личные заслуги дают гражданам права на выполнение общественных функций. У севарамбов никто

не может попрекнуть других их низким происхождением, никто не может чваниться своим высоким родом. Очевидно, Верас, говоря об элементах аристократии у севарамбов, имеет в виду прямой смысл этого слова — господство лучших. Верас считает несомненным, что одни рождены для того, чтобы повелевать, другие — для того, чтобы повиноваться; для него естественно, что одни работают головой, другие — руками *. Таким образом, разделение физического и умственного труда у него вытекает из свойств человеческой природы и, следовательно, является вечным. Аристократию в этом смысле — аристократию умственного труда — мы можем найти и у предшественников Вераса — Мора и Кампанеллы. У последнего она принимает очень отчетливую форму правления ученых-священников, родственного платоновскому правлению философов. Но и Мор убежден в том, что должностных лиц и главу государства утопийцы должны выбирать из «сословия ученых» **. В условиях относительно весьма низкого уровня развития производительных сил в XVII—XVIII вв. даже самые радикальные и самые прозорливые критики социальной действительности не могли еще подняться до великой мысли о полном исчезновении порабощающего человека подчинения разделению труда, а вместе с тем и противоположности умственного и физического тру-

* История севарамбов, стр. 239—294.
** Т. Мор. Утопия, стр. 52—54.

да *. Представление об этой противоположности как о чем-то незыблемом создавало объективные предпосылки для возникновения идеи «аристократии умственного труда». Социальное положение творцов первых утопических систем, их вкусы и настроения, обусловленные принадлежностью к интеллигентским группам, делали для них такое решение проблемы управления субъективно наиболее привлекательным.

Как мы могли убедиться, обоснование политического и социального идеала у Вераса может служить примером последовательно-рационалистической аргументации. Игнорируя совершенно историческую традицию, отправляясь от «природы», он логически конструирует свою систему как максимально разумную и целесообразную при данной «природе». Но эта разумность, это соответствие «природе» представляются ему, повидимому, недостаточными для устойчивости системы на практике. Так, рядом с «природой» появляется в системе «бог», рациональный строй получает религиозную санкцию. Практическое служебное значение религии показано в «Истории севарамбов» весьма откровенно. Стремясь приобрести и закрепить нужный ему для преобразований авторитет, великий реформатор Севарис широко использует средства религиозного воздействия, не брезгуя и прямой мистификацией. Тотчас же по прибытии в страну Севарис,

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 275.

выдавая привезенные им пушки за небесный огонь, убеждает туземцев в том, что он послан к ним богом-солнцем *. Случайно найдя месторождение хорошего строительного камня, он выдает эту находку за божественное откровение **. Когда его избирают королем, он испрашивает совета у бога-солнца, заранее подготовив комедию ответа: по окончании обращения Севариса к божеству в храме раздается музыка, как бы приближающаяся издалека, а затем невидимый голос сообщает пораженным туземцам волю бога. Верас весьма одобряет эту ловкую инсценировку. Другие законодатели, — говорит он,— просто утверждали, что их законы — воля бога. Севарис же заставил народ поверить, что воля бога сообщена ему непосредственно голосом с неба ***.

В соответствии со служебным назначением религии большое внимание уделяется Верасом ее внешней стороне. Севарис и его преемники тратят много сил и средств на постройку и украшение храма, обставляют большой торжественностью общественные моления по разным поводам, в этом отношении отнюдь не пренебрегая опытом христианства. Но внутренняя сущность религии севарамбов чрезвычайно проста. Это — «естественная» рационалистическая религия, «опирающаяся, — по словам Вераса, — более на доводы разума, чем на от-

* История севарамбов, стр. 227 и след.
** Там же, стр. 239.
*** Там же, стр. 253—254.

кровение» *. Несмотря на сдержанность этой формулировки, откровение, несомненно, совершенно чуждо мировоззрению Вераса и вызывает в нем ироническое отношение.

Верас — один из самых ранних проповедников «естественной религии». Напомним, что «История севарамбов» вышла раньше соответственных произведений Локка и Толанда (1685, 1696). Идея религии, основанной на разуме, вполне соответствует общему рационалистическому настроению Вераса. Наиболее вероятным учителем Вераса в этом вопросе был Боден, которого Верас, конечно, знал как юриста и диалог которого о религии наверное читал. Возможно, что он был знаком и с книгами Герберта Чербери, в XVII в. достаточно широко известными.

Севарамбы признают невидимого, великого и бесконечного бога **. К этой вере севарамбы пришли от первоначального поклонения солнцу, которое в более примитивных формах было распространено среди туземцев до преобразований Севариса. Сам Северис был в Персии первосвященником солнцепоклонников. Почитание солнца осталось и в религии севарамбов. Солнце заняло в ней место второго порядка, место видимого слуги невидимого бога; через посредство солнца люди получают все блага

---

* Histoire des Sevarambes, II, p. 109; «tenant plus du raisonnement humain que la révélation et de la foy».

** Там же, стр. 110.

жизни, и ему они непосредственно поклоняются, воздавая невидимому богу лишь внутреннее, духовное почитание. Солнце правит миром, в котором мы обитаем, оно дает этому миру движение, свет и жизнь. Души людей и животных бессмертны, они составляют эманацию солнца, к которому в конце концов и возвращаются. Севарамбы верят также в возмездие после смерти за добрые и злые дела: это возмездие выражается в том, что душа переселяется в новое тело, более или менее близкое к солнцу. Религия предписывает людям выполнение трех основных обязанностей: по отношению к невидимому богу, по отношению к богу-солнцу и по отношению к родине *.

Как мы уже упоминали, бог-солнце считается верховным главой государства; поэтому действительный правитель носит лишь титул вице-короля. Избрание вице-короля путем жеребьевки из четырех намеченных советом кандидатов является, с точки зрения религии, как бы проявлением воли бога-солнца, таким способом выбирающего себе помощника. Такой порядок был установлен Северисом опять-таки по практическим соображениям. Фикция правления солнца должна создать правительству бо́льшую прочность и внушить к нему большее уважение. Вице-король, как непосредственный выразитель воли божества, являющийся и светским и духовным главой государства, может рассчитывать на большее почитание и по-

* Histoire des Sevarambes, II, pp. 105—118.

вииовеиие, чем правитель, получающий свой авторитет только от людей *. И покидая власть, Севарис еще раз виушает иароду, что в избрании правителей провидеиие играет бо́льшую роль, чем люди, что иа них иужно смотреть как на «живое воплощеиие божества» **.

В изображеиии религии севарамбов Верас проявляет мало самостоятельиой выдумки. Сочувствеииый иитерес к «религии солица» как рациоиальиой религии довольио широко распростраиеи в литературе XVII в. Одиим из источиков этой коицепции была уже упомяиутая иами выше кнuга «Le Commentaire royal», Гарсиласо, в 1633 г. появившаяся во фраицузском переводе. Но вряд ли можио говорить о прямом заимствоваиии Вераса у Гарсиласо ***, ибо Гарсиласо был отиюдь ие едииствеииым автором, популяризировавшим в XVII в. «религию солица». Мы иаходим ее, между прочим, и у одиого из ближайших предшествеиииков Вераса в пропагаиде коммуиистических идей, у Кампаиеллы ****. Граждане его идеального государства почитают единого вышнего бога. Но они «созерцают и позиают бога под видом солица, иазывая солице образом, ликом и живым изваяиием бога, от коего иа все иаходящееся под иим истекают свет, тепло,

* История севарамбов, стр. 254—255.

** Там же, стр. 274.

*** G. Atkinson. The extraordinary voyages in French, pp. 108—119.

**** Кампанелла, Город солнца, стр. 109.

жизнь, живительные силы и всякие блага» *. Так как наибольшим почетом у них пользуется солнце, то и страна именуется «государством солнца» (civitas solis). Близость Вераса к Кампанелле как бы подчеркивается тем обстоятельством, что то же наименование — Etat du soleil — дают своей стране и севарамбы **.

При сочувственном отношении Вераса к религиозной мистификации в политических целях не всегда легко отделить то, что он искренно считает естественной, рациональной религией, от элементов, привнесенных в нее из практики положительных религий по чисто политическим соображениям. Ясно, что он не верит в голос с неба, утверждающий конституцию севарамбов; ясно, что он не верит в божественное происхождение власти вице-короля. Он считает лишь, что теория божественного происхождения, которую использовали до сих пор во вред народу, может и должна быть использована, когда просвещенный правитель ставит себе целью благо народа. Конечно, это — уступка господствующим политическим доктринам, но уступка, логически вытекающая из того, как представляет себе Верас способ осуществления идеального общественного строя. Он не видит в обществе внутренних сил, способных преобразовать его в коммунистическое общество. Он, как Мор и значительное число социалистических писателей XVIII в., возлагает поэтому задачу реформирования общества на «мудрого

* Кампанелла. Город солнца, стр. 110.
** История севарамбов, стр. 194.

правителя», на идеализированного представителя просвещенной монархии. Народ,— даже фантастический народ, живущий в условиях примитивного коммунизма,— способен лишь сочувственно повиноваться реформам. Естественно, что, не особенно веря в прочность поддержки Севариса народными массами, Верас обеспечивает его поддержкой высших неземных сил.

Возможно, что такой же политически-утилитарный смысл имеет у него учение о бессмертии души и о загробном возмездии. Верас рассказывает, что наряду с изложенным выше официальным учением среди севарамбов распространены и другие теории. Часть ученых вовсе отвергает бессмертие. Другие считают, что душа материальна и что о ее бессмертии можно говорить лишь в том смысле, в каком это приложимо к материи: она может менять форму, но не может быть уничтожена *. Верас весьма осторожно сопоставляет эти три теории, его собственное отношение к ним остается скрытым. Большинство же севарамбов предпочитает теорию бессмертия по мотивам мало убедительным: во-первых, она кажется им более правдоподобной и приятной (!), а во-вторых она освящена авторитетом Севариса, заветы которого севарамбы склонны беспрекословно соблюдать **. Общее впечатление от всех рассуждений Вераса по религиозным

* Histoire des Sevarambes, II, p. 117.
** Там же, pp. 116—117.

вопросам таково, что сам он в своем рационализме гораздо более радикален, чем его севарамбы.

Изображение религиозной жизни севарамбов служит у Вераса еще одной цели — весьма завуалированной критике религиозной жизни христианских стран. Он очень осторожен. Утверждая, что религия севарамбов «наиболее соответствует человеческому разуму», он сейчас же оговаривается, что она тем не менее не самая истинная, ибо ей следует предпочесть «небесный свет Евангелия». Но без этого «божественного откровения» мнения севарамбов о божестве пришлось бы признать правильными *. В стране севарамбов есть небольшая группа христиан. Они пробовали вести пропаганду. Но их число не возрастает. Интересно, как излагает Верас причины этой неудачи. Севарамбы,— говорит он,— слишком полагаются на человеческий разум. Они считают странными святые таинства нашей религии и смеются над всем, что превосходит их «затемненное понимание». Они издеваются над чудесами, объясняют все явления естественными причинами, убеждены в том, что все в природе происходит в установленном порядке, согласно естественным законам **. В конце концов, христианские священники пришли в отчаяние, решив, что только большое чудо, «смирив разум» этих неверных, могло бы привести к их обращению. Очевидно, Верас рассчитывал, что найдутся

* Histoire des Sevarambes, II, p. 110.
** Там же, стр. 123—124.

читатели, которые поймут преимущества рационалистической логики севарамбов над христианскими доводами, опирающимися против разума на откровение. А в то же время, с точки зрения цензуры, его изложение было как будто вполне христианско-благонамеренным.

Существование государственной религии солнца в стране севарамбов не исключает весьма большого разнообразия религиозных мнений. Верас сообщает нам, что у них господствует «полная свобода совести» (pleine liberté de conscience) *. Правда, все другие публичные культы, кроме культа солнца, воспрещены. Но всякий вправе высказывать и защищать свои взгляды по религиозным вопросам. Организуются даже общественные диспуты, на которых можно выступать с любым мнением, не боясь ни кары, ни порицания. Эта свобода, утверждает Верас, чрезвычайно содействует общественному спокойствию; страна севарамбов не знает религиозных раздоров и войн, несмотря на различие мнений и споры. Свободе религиозных убеждений Верас противопоставляет порядок, господствующий в «других странах», где религия часто служит предлогом для самых бесчеловечных и нечестивых деяний. Самое замечательное в этом рассуждении Вераса не в том, что он, выросший в гугенотской семье во времена очень тяжелые для гугенотов, выступает в защиту свободы совести; поистине поразительна та политическая проницательность, которая приводит его к мысли, что религия в

* Там же, II, p. 105.

«религиозных» распрях и войнах является лишь предлогом (prétexte) *. Это — тщеславие, жадность и зависть, прикрываясь религией, ослепляют несчастных людей до того, что они теряют всякое чувство гуманности, которое им внушает эта самая религия. Так самая святая вещь превращается в самую жестокую и пагубную. У севарамбов это невозможно. И опять-таки Верас понимает, что религиозные распри немыслимы в стране севарамбов не только потому, что они свободно и спокойно обсуждают проблемы развития религии, как в Европе обсуждают проблемы философии. Основная причина — в социальном строе севарамбов: у них никто не может приобрести никаких богатств и почестей ложной видимостью притворного благочестия; никто не может угнетать ближнего и нарушать естественное право, прикрываясь религией **.

Любовь к родине и уважение к ее законам укрепляются не только религией, но и системой воспитания ***. Очень интересно, что Верас отнюдь не разделяет примитивно-оптимистической оценки человеческой природы («человек по природе добр»), свойственной некоторым утопистам (Кабе: братство, любовь, доброта — инстинкты; пороки — результат социальной организации). Он не считает также, что в моральном отношении человек — tabula rasa, приобретающая как положительные,

* Histoire des Sevarambes, II, pp. 108—109.
** Там же.
*** История севарамбов, стр. 296 и след.

так и отрицательные качества в зависимости от социальной обстановки (концепция большинства просветителей XVIII в.). Нет, людям по природе (naturellement) свойственны склонности к пороку наряду с семенами добродетели; и дурные склонности, укрепляясь, чаще всего заглушают добрые. Это представление о прирожденной греховности человека — одна из немногих черт, сохранившихся у Вераса от христианского миросозерцания. Тем важнее и серьезнее задача воспитания, которое должно предупредить развитие пороков и содействовать развитию добродетелей.

Само собой разумеется, что в коммунистическом государстве севарамбов и система воспитания носит общественный характер. До семи лет ребенок находится в семье; с семи лет он переходит в общественную школу, и родительская власть над ним прекращается. В течение первых четырех лет детей учат чтению, письму, употреблению оружия и, самое главное, повиновению законам. Затем детей посылают на три года в сельские местности, где они тратят по четыре часа на продолжение занятий и по четыре — на работу в сельском хозяйстве. С четырнадцати лет начинается обучение ремеслам; дети, которые проявляют к ремеслу способности, остаются затем работниками ремесла; прочих направляют на работу в качестве хлебопашцев и строителей *. Дети, которые выделяются особыми умственными способностями,

* Там же, стр. 298.

переводятся для обучения в особые школы, где они совершенно освобождены от физического труда. Таким образом, соединение обучения с трудом не является у Вераса лишь результатом общепедагогических и социально-политических соображений, но преследует совершенно конкретную цель подготовки для государства соответственных категорий практических работников. Специальное обучение работников умственного труда вполне гармонирует с отмеченным уже нами выше представлением Вераса о «естественной» аристократии.

Женщины получают такое же образование, но в специальных школах для девочек. Мы уже говорили, что женщины принимают наравне с мужчинами участие в труде и в обороне страны. Однако подлинного равноправия женщин у севарамбов нет. Мы не видим женщин на каких-либо руководящих постах. Величайшая честь для женщины — любить своего мужа и воспитывать детей. Почет воздается ей или за большое число детей, или за заслуги мужа *. При нормальной моногамной семье закон допускает многоженство. Однако многомужество вызывает у севарамбов самое резкое осуждение **. Общий тон отношения Вераса к женщине свидетельствует о том, что женщина для него — существо неравноценное мужчине.

Несмотря на отсутствие частной собственности и на систему общественного воспитания, греховные инстинкты людей проявляются

* История севарамбов, стр. 300 и след.
** Там же, стр. 137 и след.

иногда у севарамбов в форме преступлений. Из рассказа Вераса мы узнаем о двух видах преступлений: убийство и нарушение законов о браке (половые связи до брака, нарушение супружеской верности) *. Характерно, что кары, налагаемые за то и другое преступление, одинаково суровы: это долголетнее тюремное заключение и телесное наказание. При изображении сцены телесного наказания Верас проявляет известную сентиментальность (связанную, впрочем, с восхищением перед красотой преступницы). Но в справедливости и целесообразности такого наказания он, повидимому, не сомневается **.

Государство севарамбов представляет собою замкнутую систему, изолированную от других государств. Сношения с европейско-азиатским континентом воспрещены. Причины этого воспрещения — не хозяйственного характера. Эта сторона — вне поля зрения Вераса. Его и здесь интересует моральная проблема — охрана нравов севарамбов, которые могут быть испорчены проникновением к ним пороков, свойственных другим странам ***. Выезд за границу для ознакомления с тем, что там имеется ценного, разрешается лишь специально командированным лицам из числа готовящихся к ученой, а следовательно, и правительственной карьере.

Как мы могли убедиться, утопический роман Вераса носит на себе немало отпечатков того

* Там же, стр. 147 и след.
** Там же, стр. 151—152.
*** Там же, стр. 178.

общества, в пределах которого он возник (божественное происхождение власти, аристократия ума, неравноправие женщин, рабство и т. п.). И тем не менее, отталкиваясь от строя общественного неравенства и растущих капиталистических отношений, от абсолютной монархии «короля-солнца», от христианской религии, Верас, несомненно, опережает свое время. Во французской литературе XVII в. он совершенно одинок. Этот малоизвестный писатель, предрасположенный к оппозиционности своим гугенотским происхождением, повидимому непоседливый и любознательный, выделяющийся, несмотря на свое скромное занятие учителя языков, большой широтой культурного горизонта, сумел аккумулировать в своем сознании едва еще зарождающиеся общественные настроения, ярко выявившиеся лишь в социальной литературе XVIII в. Хотя первый перевод «Утопии» Мора на французский язык появился еще в XVI в. (1550), но до «Истории севарамбов» социальная теория великого англичанина не находила отклика во французской литературе. В конечном счете, причина этого отставания лежит в более медленном темпе развития элементов капитализма во Франции, в более медленном темпе формирования кадров предпролетариата. Разумеется, задача, стоявшая перед Верасом как перед пионером утопического романа во Франции, была много проще, чем у Мора. Верас имел уже в своем распоряжении готовый, прекрасно разработанный образец. Это не умаляет, однако, прав Ве-

раса на внимание с нашей стороны. «История севарамбов» интересна для истории социализма и как самостоятельная разработка, самостоятельный, хотя и не первый вариант коммунистической утопии, и еще более — как весьма важное связующее звено между «Утопией» Мора и социализмом XVIII в.

Перевод «Истории севарамбов» сделан с амстердамского (французского) издания, содержащего более полный текст романа. Мы даем в нашем издании лишь первый том книги Вераса, представляющий наибольший интерес для истории утопического социализма. Второй том, перегруженный анекдотическим материалом, почти ничего не прибавляет к характеристике социального строя севарамбов. Содержащиеся во втором томе замечания о религии использованы во вступительной статье.

HISTOIRE
DES
SEVARAMBES,
PEUPLES QUI HABITENT
une Partie du troisiéme Continent, communement appellé

LA TERRE AUSTRALE.

Contenant une Relation du Gouvernement, des Mœurs, de la Religion, & du Langage de cette Nation, inconnuë jusques à present aux Peuples de l'Europe.

PRÉMIÉRE PARTIE.

A AMSTERDAM.
Aux dépens d'ESTIENNE ROGER, Marchand Libraire, chez qui l'on trouve un assortiment général de toute sorte de Musique.
M. D. C. C. II.

Титульный лист „Истории севарамбов", изд. в Амстердаме в 1702 г.

4*

ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ,

НАРОДОВ,
ОБИТАЮЩИХ НА ТРЕТЬЕМ
МАТЕРИКЕ, ОБЫЧНО НАЗЫВАЕМОМ
АВСТРАЛИЙСКОЙ ЗЕМЛЕЙ,

*содержащая сообщение
о государственном строе, нравах,
религии и языке этой нации,
до сих пор неизвестной
народам Европы*

К ЧИТАТЕЛЮ

Если вы читали «Республику» Платона, «Утопию» шевалье Мора или «Новую Атлантиду» канцлера Бекона,— произведения, являющиеся лишь плодами богатой фантазии их авторов,— вам, быть может, покажется, что предлагаемые рассказы о вновь открытых странах, где есть много чудесного, представляют собой нечто в таком же роде. Я не смею осуждать благоразумную осторожность тех, кто не сразу верит всему, лишь бы они соблюдали умеренность; но было бы столь же большим упорством отбрасывать без разбора все необыкновенное, сколь недостатком сообразительности принимать за правду все сказки, сплошь и рядом рассказываемые о дальних краях.

Тысячами известных примеров подтверждается то, о чем я только что говорил: многое, представлявшееся когда-то непреложной истиной, в более поздние века было разоблачено и оказалось искусной выдумкой. Многие вещи, которые очень долгое время считались баснями и даже отвергались как нечестивые и противоречащие религии, в дальнейшем при-

знавались за столь неопровержимые истины, что каждый, кто осмеливался выразить сомнение, казался невеждой и нелепым глупцом.

Ведь нельзя же сказать, что по своему грубому невежеству Вергилий, епископ кельнский, рисковал быть лишенным жизни по решению властей, когда он заявил, что существуют антиподы, и когда лишь торжественный отказ от этих слов помог ему спастись от пыток, приготовленных ему опрометчивым усердием ханжей его времени.

Так же мало было оснований к тому, что Христофора Колумба считали мечтателем в Англии, а затем и Португалии, потому что он сообщил, что на западе находится еще один материк. Совершившие с тех пор кругосветные путешествия убедились, что Вергилий был прав, а открытие Америки подтвердило рассказ Колумба; таким образом, теперь перестали удивляться рассказам о Перу, Мексике, Китае, считавшимся ранее сказками.

Эти далекие страны и открытые с тех пор многие другие были неизвестны народам Европы в течение многих веков и большею частью сейчас также мало известны. Наши путешественники ограничиваются посещением более близких земель в морях, где они занимаются торговлей, и мало интересуются местами, куда не заходят их корабли. Ибо они почти все — судовладельцы, путешествующие с целями наживы; часто они проезжают мимо островов или даже материков, не обращая на них никакого внимания, разве только из-за необходимости

избежать их на своем пути. Отсюда вытекает, что обычно всеми сведениями, имеющимися у нас об этих землях, мы обязаны случаю: почти никто не был настолько любознателен или не обладал необходимыми средствами, чтобы совершить далекое путешествие, не имея других целей, кроме открытия неизвестных стран, и никто не был способен сделать об этом хорошие и правдивые сообщения.

Было бы желательно, чтобы благодатный мир дал возможность всем государям подумать о подобных открытиях и позаботиться о деле, столь похвальном и полезном, о деле, которым без больших затрат они могли бы принести пользу всему миру, возвеличить свою родину и достигнуть бессмертной славы. Действительно, если бы они пожелали употребить часть своих излишков на содержание некоторого количества способных молодых людей и на посылку их в дальние края для наблюдений, чтобы после они рассказали правду о виденном ими, то они достигли бы верной славы. Это послужило бы хорошим примером для других великих людей, увековечило бы их память в глазах потомков и, быть может, принесло бы много других преимуществ, способных с избытком вознаградить за затраты, понесенные в достойных похвалы мероприятиях. Не следует сомневаться в том, что рассказы людей, предназначенных для этой цели и посвятивших себя наукам и математике, были бы значительно точнее, чем рассказы купцов и матросов, в большинстве случаев людей невежественных, у

которых нет ни времени, ни удобств для наблюдений и которые часто подолгу живут в какой-нибудь стране, не замечая ничего из того, что не имеет отношения к их торговле.

Это особенно ясно видно на примере голландцев; они обладают большим количеством земель в Восточной Индии [1], путешествуют еще в тысячах других мест, куда призывает их торговля, а тем не менее имеются лишь краткие и недостаточные сведения о тех местах, где они обосновались или мимо которых ежедневно проходят их корабли. Зондские острова и в особенности Борнео, нанесенный на карты как самый большой остров в мире и находящийся на пути от Явы к Японии, почти неизвестны, и я никогда не читал никакого сообщения о них. Многие огибали берега третьего материка, называемого неизвестными австралийскими землями, но никто не потрудился туда поехать и рассказать о нем. Правда, на картах имеется описание берегов, но столь несовершенное, что можно получить о них лишь весьма смутное представление. Никто не сомневается в том, что существует такой материк, ибо несколько человек его видели и даже высаживались на берег, но, не осмеливаясь продвинуться в глубь страны и попадая туда чаще всего против своего желания, они могли дать лишь весьма поверхностные описания этого материка.

История, которую мы предлагаем публике, во многом восполнит этот пробел. Она написана настолько просто, что, я надеюсь, никто не

будет сомневаться в правдивости ее содержания, и читатель может свободно заметить, что она обладает всеми признаками описания действительно происшедшего события. Все же я думаю привести несколько обстоятельств, могущих придать ей больше веры и веса.

Автор этой истории, капитан Сиден, прожив в этой стране пятнадцать-шестнадцать лет, о чем он сам здесь сообщает, выбрался оттуда способами, о которых он рассказывает в своей истории, и попал, наконец, в Смирну, анатолийский город, где он погрузился на корабль голландского флота, готового к возвращению в Европу. Это был тот самый флот, на который в Ламанше напали англичане, что послужило поводом к началу войны, последовавшей тотчас же после этого. Все знают, что голландцы храбро защищались и что было много убитых и раненых с обеих сторон.

В числе других в этом столкновении был смертельно ранен капитан Сиден, и после своего ранения он прожил всего лишь несколько часов. На том же корабле находился ехавший вместе с ним врач, с которым он познакомился до отъезда. Так как они оба были людьми опытными и учеными, они много беседовали в пути, после чего они почувствовали друг к другу уважение и подружились. Капитан Сиден, до тех пор скрывавший ото всех свои приключения, потому что он не хотел, чтобы кто-либо, кроме него, опубликовал их в Европе, рассказал почти все врачу, начиная со своего отъезда из Голландии и кончая прибытием в Смирну.

Однако господь не дал ему жизни, чтобы довести до конца его намерение опубликовать в Европе свои приключения, и, увидев, что смерть близка, он оставил все вещи своему другу и завещал ему свои записки со следующими словами:

«Мой дорогой друг, раз господь не желает, чтобы я прожил столько, сколько могла бы позволить природа, я безропотно подчиняюсь его божественной воле и готов вручить в его руки свою душу, ибо он мой создатель и бог и имеет право располагать ею, как ему будет угодно. Я надеюсь, что благодаря его бесконечному милосердию он простит мне грехи мои и даст возможность раствориться в его вечной славе. Я при смерти и скоро расстанусь с тобой, но, раз мне еще остается несколько минут жизни, я хочу воспользоваться ими, чтобы сказать, что я умираю твоим другом, и в подтверждение своей дружбы я оставляю тебе все, что я имею на корабле. Ты найдешь большой сундук, в котором находятся все мои вещи, немного денег и кое-какие драгоценности. Все это стоит недорого, но, как бы то ни было, я отдаю тебе все это от чистого сердца. Кроме вещей, денег и драгоценностей, ты найдешь там большое сокровище — описание всего того, что со мной случилось с тех пор, как я выехал из Голландии в Индию, о чем я тебе уже не раз говорил. Эти записки в большом беспорядке, они почти все написаны на отдельных листках и на разных языках, они требуют пояснений и должны быть подобраны по порядку, согласно

плану, который я составил. Однако господь мне это выполнить не дает, и я предоставляю тебе заботу об этом и уверяю тебя со всей искренностью умирающего, что в моих записках нет ничего, что было бы неправдой. Все это, быть может, со временем будет на опыте подтверждено».

Это были последние слова автора, который через несколько часов, попрежнему с безропотной и достойной подражания покорностью, отдал богу душу. Он, по свидетельству врача, его наследника, был хорошим человеком, очень остроумным, поступки которого отличались благоразумием, большой честностью и искренностью.

После его смерти врач познакомился с его записками и увидел, что они были написаны по-латыни, по-французски, по-итальянски и на провансальском наречии, что привело его в немалое смущение, потому что он не знал всех этих языков, а передать записки в чужие руки он не хотел. Эти трудности и многие дела, которыми ему пришлось заняться, послужили причиной того, что он временно оставил это дело без внимания.

Приехав же из Голландии в Англию после заключения мира между этими двумя нациями, некоторое время тому назад он оказал мне честь и оставил мне эти записки для приведения их в порядок и перевода их на какой-нибудь один язык. Я тщательно просмотрел их и нашел их содержание столь необыкновенным и чудесным, что я не мог успокоиться, пока не

разобрал их и не привел в ясность, в которой они нуждались, прибегая к помощи и совету того, кто мне их вручил.

Впрочем, есть много других доказательств, подтверждающих правдивость этого рассказа. Некоторые лица из Голландии после смерти капитана Сидена сообщили врачу, которого он сделал своим наследником, что приблизительно в то время, какое указано в этой истории, он покинул Тексель [2] на новом судне, называемом «Золотой Дракон», направлявшемся в Батавию с пассажирами, нагруженном деньгами и другим грузом; и очевидно оно потерпело крушение, потому что с той поры о нем ничего не было слышно.

Имея в своих руках эти записки, я, прежде чем начать что-либо писать, сам отправился к адвокату Индийской компании [3], господину Ван-Дам и к одному из комиссаров, командированных штатами Голландии заключать торговый договор с Англией, и спросил у них, что им известно об этом корабле. Они мне подтвердили все, что рассказывали в Голландии моему другу, но доказательство, особенно ясно подтверждающее правдивость этой истории, вытекает из письма, написанного одним фламандцем одному французскому дворянину относительно судна под названием «Золотой Дракон». Это письмо мне было передано получившим его дворянином, и я думаю, что было бы неплохо привести его здесь, сказав предварительно, по какому поводу оно было написано.

Дворянин рассказал мне, что, когда он однажды гулял с автором письма и заговорил об Индии, где он сам долго жил, тот поведал ему, как когда-то бурей его пригнало к берегам Австралийской Земли, где он подвергся большой опасности и чуть не погиб, если бы благодаря помощи бога он счастливо не избегнул гибели. Год или два спустя после этого рассказа наш дворянин попал в общество, где говорилось о неизвестных землях, и он привел историю, рассказанную ему фламандцем. Не успел он окончить своего рассказа, как один савойский дворянин с большой поспешностью стал задавать ему вопросы. Но он был лишен возможности ответить на все его вопросы, так как он мог сказать лишь то, что сам слышал. Тогда савойский дворянин попросил его написать фламандцу, чтобы получить у него все возможные сведения. Затем он добавил, что любопытство его объясняется тем, что он интересуется этим кораблем, поскольку на нем находился один из его родственников, о котором, несмотря на все попытки что-либо узнать, не было никаких вестей. Этот родственник, распродав бо́льшую часть своих имений, оставил клочок земли, и его родные затеяли тяжбу из-за наследования, не дождавшись в течение долгих лет его возвращения. Итак, по просьбе савойского дворянина француз написал фламандцу и получил от него следующий ответ, написанный по-французски. Я привожу его здесь дословно, не желая в нем ничего изменять.

Милостивый государь,

В соответствии с Вашим желанием и для удовлетворения Вашего друга, я могу сказать, что когда я был в Батавии в 1659 г., фламандский матрос, по имени Принц, услышав, что я побывал на берегах Австралийской Земли, рассказал мне, что несколько лет тому назад он потерпел крушение на новом судне, вышедшем из Голландии, под названием «Золотой» или «Зеленый Дракон», на котором находился денежный груз, предназначавшийся для Батавии, и около четырехсот человек, спасшихся на Австралийской Земле. Среди них сохранились там те же порядки, что и на борту судна. Бо̀льшую часть съестных припасов они спасли. Из обломков судна они соорудили шлюпку и, бросив жребий, выделили восемь человек, одним из которых был указанный матрос; эту шлюпку они отправили в Батавию для сообщения генералу Голландской компании о постигшем их несчастье, чтобы тот послал им корабль для вывозки высадившихся там людей. После долгих мытарств шлюпка, наконец, прибыла в Батавию, и генерал тотчас же снарядил фрегат, который, прибыв к этим берегам, отправил шлюпку и своих людей на берег в указанное место. Они не только никого там не увидели, но не нашли и признаков их пребывания. Они приставали к берегу в нескольких местах, во время непогоды, часто бывавшей у этих берегов, потеряли там шлюпку и нескольких человек и вернулись в Батавию

ни с чем. Генерал послал еще один фрегат, также безуспешно вернувшийся обратно.

Говорят, что внутри этой страны живет народ высокого роста, не дикий, и они уводят с собою всех, кто попадает им в руки. Я уже почти достиг двадцать седьмого градуса широты, как после внезапного затишья, которое захватило нас ночью и спасло от крушения, набежала буря, заставившая меня изменить решение, и я счел себя счастливым снова выйти в открытое море. Вот все, что я могу Вам сказать. Ваш друг может более подробно узнать о корабле под названием «Дракон» у Голландской компании, во главе которой в то время стоял генерал Метфуикер, являющийся и сейчас генералом в Батавии. Я же знаю об этом только от матроса. Почва этой страны красноватая, бесплодная, а берега как бы заколдованные, настолько трудно к ним приблизиться изза частых бурь. Поэтому эти фрегаты потеряли там свою шлюпку и имущество и не сумели пристать к берегу, не найдя нужного места. Мне думается, что это происходило на двадцать третьем градусе в 1656 или в 1657 г.

Остаюсь, Милостивый государь, Вашим покорным слугой,

Томас Скиннер.
Брюгге,
28 октября
1672 г.

Читатель, если пожелает, может сравнить это письмо с рассказом автора и судить после этого сравнения, может ли он при столь мало

известном материале иметь более веское доказательство правдивости этой истории.

Что же касается стиля и построения этого труда, то об этом предоставляется судить читателю, я же ограничусь тем, что скажу, что в нем почти ничего не изменено и сохранен стиль автора — очень простой и очень естественный. В произведениях этого рода, когда содержание привлекает к себе все внимание читателя, достаточно того, чтобы это внимание не было отвлечено стилем.

Во второй части автор несколько более углубился в подробности при описании законов и нравов севарамбов, государственный строй которых, по-моему, является наиболее совершенным образцом из когда-либо существовавших.

Но пусть каждый свободно судит об этом согласно своему пониманию; я желаю только того, чтобы читатель получил удовольствие от чтения этой чудесной истории, первая часть которой является чем-то вроде исторического журнала, как в конце называет ее сам автор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Еще с детства пристрастием моим были путешествия. Эта врожденная склонность с годами все увеличивалась; я чувствовал, как с каждым днем во мне росло желание повидать другие страны. С невероятным увлечением читал я книги о путешествиях, о чужеземных странах, рассказы о новых открытиях. Хотя желание родителей, предназначавших меня в судьи, и отсутствие необходимых средств для того, чтобы предпринять долгое путешествие, были большой помехой к исполнению моих желаний, я все же чувствовал, что ничто не может воспрепятствовать тому, что предназначено судьбою. Едва мне исполнилось пятнадцать лет, меня отправили в армию в Италию, где я пробыл около двух лет, а когда смог вернуться на родину, то сразу же был вынужден снова отправиться в Каталонию с бо́льшим отрядом, чем я имел до тех пор. Я воевал в течение трех лет [4] и не бросил бы службу, если бы не неожиданная смерть отца, заставившая меня вернуться для того, чтобы вступить во владение оставшимся после него имуществом, и если бы не просьбы матери, которая в мое отсутствие не могла утешиться от такой тяжелой утраты. Эти соображения вынудили меня возвратиться домой, и воля матери заставила

меня сменить меч на мантию судьи. Пришлось заняться изучением права, и за четыре-пять лет я достиг таких успехов, что получил звание доктора. Затем я был зачислен адвокатом при Верховном суде — должность, с которой обычно начинают, желая достигнуть более высоких чинов. Вначале я учился говорить речи на выдуманные мною самим темы, а затем выбирал себе настоящие дела и выступал не без успеха. Своих сил я не жалел и довольно хорошо справлялся со всем этим, стараясь достигнуть некоторого уважения. Иногда мне нравились эти упражнения, в которых молодые люди любят блеснуть умом и красноречием совершенно независимо от того, какое они получают вознаграждение за них. Но как только дело дошло до практики в суде, то она оказалась такой нечистоплотной и требовала такого низкопоклонства, что за короткое время мне окончательно опротивела. Разумеется, я любил красоту и радость жизни, я был откровенен и честен и настолько мало способен к этой должности, что готов был как можно скорее ее покинуть. Пока я раздумывал о том, как от нее избавиться, умерла моя мать; ее смерть дала мне возможность располагать самим собой и имуществом, да к тому же и горе мое было настолько велико, что все мне сделалось невыносимым, и, не раздумывая, я решил надолго покинуть свою родину! Я привел свои дела в порядок для того, чтобы выполнить это намерение. Я отделался от всего имущества, за исключением клочка земли, оставленного на слу-

чай необходимости, и передал его одному верному другу, который мне всегда давал отчет, когда ему удавалось получать вести обо мне.

После этого я объездил почти все провинции французского королевства, посетил знаменитый город Париж, пребывание в котором настолько очаровало меня, что я незаметно прожил там безвыездно около двух лет. Но желание путешествовать снова овладело мною, когда мне представился случай поехать в Германию, где я пробыл довольно долго. Итак, я побывал во всей Германии, и при дворе императора, и при дворах имперских князей. Оттуда я проследовал в Швецию и Данию, затем в Нидерланды, где и закончились мои путешествия по Европе и где я отдыхал до 1655 г. Там же я сел на корабль, отправлявшийся в Восточную Индию.

К этому тяжелому путешествию меня побудили любознательность и бывшее у меня всегда горячее желание повидать новую страну, о которой говорилось столько чудесного. Еще повлияли на меня настойчивые уговоры друга, имевшего в Батавии собственность и направлявшегося в эту страну, а кроме того, должен чистосердечно признаться, что надежда извлечь выгоду из этого путешествия окончательно склонила меня. Эти мысли настолько овладели мною, что, приготовившись к этому путешествию, я со своим другом погрузился на вновь построенный и снаряженный корабль «Золотой Дракон», отправлявшийся в Бата-

вию. На этом судне, грузоподъемностью приблизительно в шестьсот тонн, было тридцать две пушки, четыреста человек матросов и пассажиров и громадная сумма денег, принадлежавшая моему другу Ван-де-Нюи.

12 апреля 1655 г. мы снялись с якоря у Текселя и под свежим восточным ветром быстро и благополучно, насколько того можно было желать, прошли канал между Францией и Англией и так дошли до открытого моря. Далее наш путь лежал на Канарские острова; иногда мы испытывали на себе непостоянство и изменчивость ветра, но без бурь. Мы запаслись на этих островах теми продуктами, которые сумели найти и в которых могла встретиться нужда. Затем мы пошли к островам Зеленого Мыса; мы увидели их издалека и подошли к ним без труда и особых приключений. Правда, по пути мы видели морских чудовищ, летающих рыб, новые созвездия и другие вещи этого рода, но так как они обычны, были уже описаны и уже несколько лет как потеряли прелесть новизны, то не стоит говорить о них и увеличивать размер этой книги бесполезными рассказами, которые могут исчерпать терпение читателя и мое. Итак, достаточно будет сказать, что мы благополучно продолжали наше путешествие до 3° южной широты, куда мы прибыли 2 августа того же 1655 г. Море, которое до тех пор нам благоприятствовало, начало показывать нам свою изменчивость. Около трех часов дня небо, бывшее ясным и чистым, покрылось густыми тучами, за громом и молнией

последовали сильные порывы ветра, дождь с градом и буря. При виде грозы лица наших матросов побледнели и осунулись. Хотя у них было время на то, чтобы закрепить паруса, укрепить пушки и привести все в порядок, но, тем не менее, предвидя надвигающийся ураган, они опасались его ужасной силы. Море начало волноваться, и ветер, быстро меняясь, менее чем за два часа прошел через все точки компаса. Наше судно бросало самым ужасным образом, с одного бока на другой, то вверх, то вниз; ветер нас бросал то вперед, то назад; мачты, реи, снасти были снесены, буря была настолько сильна, что бо̀льшая часть наших моряков заболела и не могла слышать команды, не то что ей повиноваться. Всех пассажиров заперли в трюме; мой друг и я лежали у грот-мачты в самом угнетенном состоянии и оба раскаивались: он в своем желании наживы, а я в безумной любознательности. Нам тысячу раз хотелось быть в Голландии, и тысячу раз мы отчаивались увидеть не то что эту страну, а землю вообще, так как в нашем положении всякая страна была бы хороша. Но тем временем наши матросы не спали и делали все, что могли, для нашего спасения; они употребили всю свою силу и ловкость: одни работали у руля, другие у насосов и всюду, куда их призывала необходимость. Таким образом, с благословения бога, они своими усилиями спасли корабль от неистового урагана, превратившегося в особый ветер, который нас понес к югу с такой силой, что было невозможно изменить

направление. Мы были вынуждены покориться стремительности этого ветра и плыть туда, куда нас влекло. После двухдневного плавания ветер несколько изменился и отнес нас к юго-востоку, и в течение трех дней мы плыли в таком густом тумане, что едва могли различать предметы на расстоянии пяти-шести шагов. На шестой день ветер слегка ослабел, но продолжал дуть на юго-восток до полуночи. Подконец вдруг мы почувствовали такое спокойствие, как будто наше судно попало в пруд или в мертвое море, что нас очень удивило. Два-три часа спустя небо прояснилось, и мы увидели несколько звезд, но по ним ничего нельзя было определить. Вообще нам казалось, что мы находимся недалеко от Батавии и по крайней мере за сотни лье от Австралийской Земли, но спустя некоторое время мы узнали, что очень ошибались в своих предположениях. На седьмой день продолжалось то же спокойствие, мы смогли отдохнуть, осмотреть все части нашего судна, и оказалось, что оно почти не пострадало, так как было настолько крепко построено, что выдержало напор волн и не дало никакой течи. На восьмой день поднялся умеренный ветер, двинувший нас на восток к великой нашей радости, потому что он не только приближал нас к цели нашего путешествия, но избавил нас от боязни долгого штиля. В тот же день около полуночи небо потемнело, появился туман, и ветер настолько усилился, что мы снова стали опасаться шторма. На девятый день туман продолжался, на-

бегали причудливые шквалы, и мы находились в большой опасности. К двенадцати часам ночи ветер изменился, усилился, и снова нас с силою понесло на юго-восток, а туман все более и более сгущался. Приблизительно в полночь, в то время как ветер дул со страшною силою и наше судно шло с большою скоростью, мы вдруг сели на мель в тот момент, когда меньше всего этого опасались, и так прочно, что судно совершенно не двигалось, как будто пригвожденное. Вот когда мы подумали, что окончательно погибли, и каждую минуту ждали, что наше судно силою ветра и под напором волн разнесет на куски. Видя, что никакие человеческие силы спасти нас не могут, мы обратились за помощью к богу и молили его, чтобы он в своем бесконечном милосердии услышал нашу молитву и помог нам найти спасение там, где мы ждали лишь погибели. Когда наступило утро и туман несколько рассеялся на солнце, мы увидели, что сидим на мели около какого-то неизвестного нам острова или материка. Это открытие превратило наше отчаяние в надежду, потому что хоть земля эта была нам неизвестна и мы не знали, найдем ли мы там облегчение наших бед, но всякую землю радостно было видеть людям, которые в течение нескольких дней носились по волнам между жизнью и смертью. К полудню погода прояснилась, и стало жарко, солнце рассеяло туман, ветер полегчал, и море также стало спокойнее.

Около трех часов пополудни наступил отлив, и наше судно оказалось сидящим на или-

стом песке как бы в рамке глубиною не более пяти футов. Это было на расстоянии мушкетного выстрела от берега, довольно высокого, но на который можно было взобраться. Мы и решили высадиться на него и перевезти свои вещи с судна. Для этой цели мы спустили шлюпку, в которую сели двенадцать наших самых храбрых, хорошо вооруженных людей, и послали их на разведку, поручив выбрать место невдалеке от берега, где мы могли бы расположиться лагерем, не удаляясь от корабля. Как только они высадились, с высокого холма, находившегося невдалеке от берега, они внимательно осмотрели местность. Но они не увидели ни домов, ни селений, никаких признаков того, что место обитаемо. Почва была песчаная, и никакой растительности, кроме дикорастущего кустарника, не было.

Они не обнаружили ни ручья, ни реки в тех местах, которые им были видны, и, не имея времени в тот день продолжить разведку, вернулись обратно через три часа, не рискуя удалиться в глубь неизвестной страны. На следующий день они снова высадились на берег, и им было дано приказание вернуть шлюпку и лодку, чтобы мы могли постепенно перевезти людей на землю. Мы решили также перевезти на берег все, что было у нас ценного, а в особенности оставшиеся боевые припасы, которые, слава богу, не были попорчены. Все приказания исполнялись с такой точностью и старанием, что на следующий день после крушения мы высадились на берег с лучшей, самой необ-

ходимой частью наших припасов. Те, которые перебрались первыми, расположились на возвышенном месте на берегу около моря против нашего корабля: приблизительно на 40° южной широты по нашим самым точным измерениям. Это место было защищено со стороны суши и моря так, что наши часовые могли с высоты видеть все, что происходит в окрестностях. Выбранное нами место было надежным и удобным. Сюда-то мы и перевезли постепенно всех наших людей, съестные припасы и товары, оставив десяток людей на корабле до тех пор, пока при приливе окажется возможным снять судно с мели или принять какие-нибудь другие меры. Как только мы перебрались на берег, мы собрали совет для того, чтобы обсудить меры самозащиты. Было решено, что на суше остается тот же порядок, что и на море, до тех пор, пока положение не изменится. Затем было решено свершить общую молитву, чтобы поблагодарить бога за его благость по отношению к нам, за чудесное спасение нашего имущества, и молить о помощи нам в совершенно незнакомом месте, где мы можем попасть во власть дикарей или умереть с голоду из-за отсутствия съестных припасов, если милосердный бог не позаботится о нас так, как заботился и раньше.

После этого офицеры разделили людей на три отряда, два из них должны были без перерыва работать в лагере и обнести его окопами, чтобы предохранить нас от неожиданных нападений, а третий был отправлен в глубь страны

на поиски дров и чего-нибудь съедобного. Те же, которые остались охранять корабль, получили приказание осмотреть, в каком состоянии он находится, и выяснить возможность его использования. После тщательного осмотра они установили, что киль с такою силою врезался в песок, что оказался разбитым, и настолько глубоко увяз, что было уже невозможно вытащить его. Они добавили, что, по их мнению, киль следовало бы разломать на части и из этих обломков соорудить одну или пару шлюпок и отправить их в Батавию. Этот совет был одобрен, и были выбраны наиболее подходящие люди для его выполнения.

Отряд, посланный на разведку, не рискнул зайти далеко в глубь страны из страха перед какими-нибудь злоключениями и вскоре вернулся в лагерь в надежде, что, когда мы лучше укрепимся и будут поставлены пушки, они смогут лучше обследовать местность. Все же они нам принесли дров и нечто вроде ежевики, в изобилии росшей на кустарнике. Те, которые шли по берегу моря, нашли большое количество устриц и других раковин, что позволило нам сберечь имевшиеся на корабле съестные припасы, которых, по нашим точным расчетам, могло хватить лишь на два месяца. Это соображение заставило нас подумать о способах растянуть продовольствие на наиболее долгий срок, а это возможно было сделать, лишь урезывая его и прибавляя другие съедобные продукты. Заметив, что море в некоторых местах богато рыбою, мы приготовили сети и рыболов-

ные снасти. Улов оказался столь хорошим, что мы питались отчасти рыбою, раковинами и ежевикою, о которой мы уже говорили. Поэтому мы сократили порции съестных припасов с корабля, доведя их до восьми унций в день. Мы еще не нашли пресной воды, а в ней мы больше всего нуждались. Хотя мы и выкопали колодец, в котором было воды с избытком, но она была соленая из-за близости моря, нездоровая и неприятная на вкус.

Наши разведчики, делавшие каждый день новые открытия, осмотрели местность приблизительно на десять миль вокруг нашего лагеря; не найдя никаких следов человека или животных, они уходили все дальше, но все же не нашли на этой громадной песчаной равнине ни одного живого существа, кроме нескольких змей, какой-то породы крысы величиною с кролика и птиц, похожих на диких голубей, но несколько крупнее, которые питались ежевикой. Они застрелили несколько штук и принесли в лагерь, и мы, попробовав, нашли их очень вкусными, в особенности птиц. Эти новые открытия заставили нас сократить укрепительные работы, мы ограничились тем, что выкопали небольшой ров вокруг лагеря и решили, что это может служить достаточной защитой в необитаемой местности. В самых удобных местах мы расставили пушки и не страшились больше ни людей, ни животных; нам оставалось опасаться только голода и превратностей погоды. Хотя мы и не знали климата, но он нам показался здоровым за четырна-

дцать дней, уже проведенных на этом берегу, во время которых сооружалась шлюпка. Через несколько дней она была готова выйти в море с провиантом на восемь человек, рассчитанным на шесть недель,— это все, что мы могли дать им с собою. Когда же поднялся вопрос о выборе восьми человек для поездки в Батавию, наши матросы заспорили о том, кому ехать в это путешествие, потому что было мало желающих пуститься в плавание, а все же было необходимо, чтобы кто-то предпринял его. Было решено выбрать несколько лучших матросов и предоставить им бросить жребий между собою, чтобы разрешить спор. Так и сделали. Жребий пал на самого хозяина судна, на одного матроса, прозванного Принцем, и еще на шесть других, имена которых я забыл. Когда они увидели, что сама судьба была за то, чтобы ехать именно им в это путешествие, они без сопротивления повиновались. После того как мы договорились о сигнале, который мы дадим для того, чтобы можно было отыскать нас в случае, если они вернутся с помощью, они простились с нами и сели в шлюпку. Ветер дул с берега, и они, воспользовавшись им, чтобы выйти в море, вскоре скрылись с наших глаз, а мы стали молиться богу и просить его об их благополучном возвращении, возложив всю надежду на его милосердие.

В тот же день мы собрали совет для того, чтобы решить, на каком образе правления нам остановиться, какой больше всего подходил бы к нашему положению. Несколько наших офи-

церов уплыли на шлюпке, и наш морской порядок отчасти изменился, да и мы сами пришли к заключению, что он не совсем подходит к жизни на земле. Было сделано несколько предложений, не оставшихся без возражений, и, наконец, после нескольких замечаний, было решено установить военное управление под начальством генерала и нескольких подчиненных ему офицеров, образующих Верховный военный совет, которому предоставляется право разрешения и проведения всех вопросов. Когда дошло до выбора из всей нашей компании начальника, то взоры всех повернулись в сторону моего друга Ван-де-Нюи, и все хотели воздать ему эту честь, потому что он был самым значительным из всех нас человеком и имел много имущества на корабле. Но он скромно уклонился, сказав, что слишком молод и слишком малоопытен в военном деле, чтобы достойно справиться с такого рода обязанностями, что в подобном случае следовало бы выбрать человека более опытного, чем он; он указал, что никогда не был на войне и никогда не занимал общественных должностей. Заметя тревогу и замешательство на лицах присутствующих, он сказал, что благодарит за любовь и уважение, что ему бы хотелось быть достойным предлагаемого ему назначения, но так как он не обладает такими способностями, чтобы быть достойным генералом, он просит разрешения рекомендовать человека, вполне способного справиться с этой задачей, который занимал командные должности в Европе в двух армиях,

несколько лет провел в путешествиях, что безусловно дало ему большие познания в политике. Он добавил, что этот человек известен им всем, и он осмеливается утверждать, что они уже питают к нему уважение, хотя они его и меньше знают, чем он сам, которому с давних пор известны его хорошее поведение и честность. «Это лицо, о котором я говорю,— сказал он, указывая на меня рукою,— капитан Сиден, руководству и авторитету которого я охотно подчинюсь, если вы захотите его избрать нашим генералом».

Это неожиданное выступление и взгляды всех присутствующих, обратившиеся ко мне, несколько меня смутили, но, быстро оправившись, я ответил, что рекомендация господина де-Нюи больше вызвана дружбою, которую он питает ко мне, чем уверенностью в моих познаниях и достоинствах, что я иностранец, родившийся в стране, далекой от Голландии, что в нашей среде найдутся люди более способные к этому делу, чем я, что мне хотелось бы, чтобы меня от этого избавили, что я предпочитаю повиноваться тому, кого они изберут, чем самому принять командование.

Не успел я окончить свою речь, как некий Сварт, человек очень смелый и деятельный, всегда сопровождавший меня в наших вылазках, вдруг взял слово и сказал: «Милостивый государь, все отговорки ни к чему не приведут, и если вы последуете моему совету и совету господина де-Нюи, вы согласитесь стать нашим генералом. То, что он говорил о ваших

достоинствах, всем известно, я же, в частности, могу сказать, что с тех пор, как мы находимся на этом берегу, вы из всех нас оказались самым осторожным и энергично работали для общего спасения и блага. Довольно и этого довода, чтобы убедиться, что вы достойны руководить, а кроме того, мы купцы или судовладельцы и ничего не смыслим ни в войне, ни в военных порядках, и вы можете нас этому научить. Вы единственный обладаете требуемыми для этого назначения качествами и только вы способны нами руководить. Стало быть, я заявляю, что я никому кроме вас подчиняться не стану».

Эта речь, произнесенная твердо и резко, произвела такое действие на настроение остальных, уже расположенных к тому, чтобы избрать меня начальником, что все в один голос закричали: «Капитан Сиден должен стать нашим генералом». Увидев, что мне не отделаться, я подал знак, что хочу говорить, и начал:

«Господа, так как вы вынуждаете меня принять руководство, я соглашаюсь с благодарностью и от всего сердца желаю, чтобы это было на общую пользу. Но, чтобы все шло гладко и все распоряжения строго выполнялись, я попрошу у вас некоторых привилегий, если вы на них согласитесь. Я, со своей стороны, приложу все усилия к тому, чтобы охранять вас и поддерживать тот порядок, который я найду наиболее подходящим.

Первое, о чем я прошу вас,— это, чтобы каждый из вас в отдельности и все вместе дали

клятву повиноваться мне и совету под страхом тех наказаний, которые мы найдем нужным применить к виновным.

Второе — чтобы я располагал властью руководить армией так, как это мне покажется лучше, выбирать старших офицеров, которые не смогут занимать никаких должностей, не получив назначения от меня.

Третье — чтобы в совете мой голос считался за три голоса.

И последнее — чтобы я или мой лейтенант имели право veto [5] при обсуждении тех или иных вопросов».

Все эти привилегии мне были предоставлены, и тут же все стали приветствовать меня как генерала. Первым знаком признания моего авторитета было то, что мне была поставлена посреди лагеря палатка, бо́льшая, чем все остальные; в ней я и провел ту же ночь, взяв с собою Ван-де-Нюи и пользуясь его советами относительно разных вещей.

На следующий день я собрал весь наш народ и в их присутствии назначил Ван-де-Нюи суперинтендантом всех товаров и съестных припасов, которые у нас имелись и могли оказаться в будущем. Сварта я назначил главным заведующим артиллерией, оружием и военными припасами. Мориса, опытного и старательного матроса, я назначил адмиралом нашего флота, который состоял из шлюпки, лодки и еще одной большой шлюпки, сооружаемой нами из обломков нашего корабля. Среди нас

был англичанин, именуемый Мортоном, кото-

рый служил сержантом в Нидерландах, он получил назначение капитана первой роты; де-Хаэс, человек воздержанный и бдительный, получил вторую роту; некий Ванфлутс получил третью роту, и Бош — четвертую. Ле-Брена я назначил генерал-майором и всем предложил выбрать себе младших офицеров, которых я должен был утвердить.

Я имел двух слуг, из которых одного звали Девезом, он был у меня сержантом в Каталонии. Это был человек добрый, умный, воздержанный и преданный, он служил у меня с тех пор, как я бросил военную службу. Я сделал его своим лейтенантом, а второго своего слугу, Тюрси,— секретарем.

Избрав таким образом офицеров, мы произвели перепись всех наших людей. Оказалось, что всего было триста семь мужчин, три юноши и семьдесят четыре женщины, все вполне здоровые. Хотя некоторые и заболели сразу после того, как мы высадились с корабля, но неделю спустя они уже поправились — признак того, что местный воздух был очень здоровый. Я разделил всех этих людей на четыре части. Морису я дал двадцать шесть матросов и трех юношей — это был наш флот. Сварт получил тридцать человек для артиллерии. Двести человек я разделил на четыре одинаковых отряда, а остальные мужчины и женщины должны были повиноваться Ван-де-Нюи. У нас было две трубы, которые помимо обычного употребления использовались, по голландскому обычаю, во время молитвы на корабле. Ван-де-

Нюи получил одну трубу, а другую я взял себе. Уладив наши дела, я собрал всех старших офицеров и заявил им, что, прежде чем будут исчерпаны наши съестные припасы, необходимо отправиться морем и по суше добывать новые и постараться найти более удобное место, чем то, в котором находился наш лагерь, где в скором времени нам будет много не хватать и где мы не смогли найти даже хорошей воды. Мне кажется,— сказал я,— что следовало бы послать несколько вооруженных отрядов, чтобы ознакомиться со страною и пробраться дальше, чем ходили до сих пор. Они легко согласились на мое предложение и заявили, что готовы повиноваться моим приказаниям. Итак, я приказал Морису снарядить шлюпку и лодку и отправиться самому вдоль берега вправо от лагеря, а лодку послать налево. Мортону я приказал выбрать двадцать человек из его отряда и идти также вдоль берега налево, не удаляясь от лодки, а де-Хаэс получил приказание выбрать тридцать человек из его отряда и идти в глубь страны. Я же взял сорок человек из двух других отрядов и оставил своего лейтенанта в лагере командовать в мое отсутствие. Мы захватили с собою на три дня еды и военных припасов и вооружились шпагами, пиками, палками и мушкетами. Я отдал распоряжение приготовиться и придти ко мне за приказаниями с самого раннего утра на следующий день, который был двадцатым с момента высадки,— что и было ими выполнено.

На рассвете они собрались и явились ко мне, согласно моему приказанию. Я ничего не изменил в своих вчерашних распоряжениях, прибавив лишь, что если они встретят на пути что-нибудь значительное, то чтобы немедленно эту новость сообщили в лагерь. Я еще раз подтвердил Мортону, чтобы он не удалялся от лодки и каждый вечер до захода солнца подходил к берегу, так же как и я решил поступать в отношении Мориса.

Как только я отдал эти распоряжения, каждый отряд с надеждою и радостью пустился в путь. Мои люди шли в военном порядке в составе трех отрядов: авангард состоял из шести мушкетеров и одного капрала, боевая часть — из двенадцати солдат и одного сержанта, а я сам вел арьергард. Мы шли на расстоянии мушкетного выстрела один отряд от другого и как можно ближе к берегу, боясь потерять из виду шлюпку. Море было совсем спокойно и погода хорошая, хотя довольно жаркая. Около полудня Морис приблизился к берегу и подошел к нам. Мы все вместе закусили и отдыхали в течение двух часов. Местность, по которой мы прошли десять — двенадцать миль, была однородна с той, где был расположен лагерь, не видно было ни источника, ни ручья, сплошной камень и песок, где ничего не росло, кроме кустарника. Мы продвинулись еще на пять миль вперед, почва стала неровной и была покрыта небольшими холмами. Пройдя еще две мили, мы нашли пресный ручей, впадающий в море, что доставило нам немало

радости, особенно когда мы открыли, что немного выше по его берегам росло несколько деревьев с густой и зеленой листвою. Мы сделали остановку в этом месте, подав знак шлюпке присоединиться к нам, что ею и было сделано с помощью прилива, прибившего ее в ручей. Они прошли около мили вверх по ручью до зеленых деревьев, где мы их ждали и где мы остановились лагерем на эту ночь. Морис наловил много рыбы, устриц и других раковин, которые составили нам хороший ужин. Мы поставили стражу на тех местах, где это нам казалось необходимым, закрыли костер зелеными ветками, воткнув их в землю вокруг него, чтобы его не было видно издали в ночной темноте. На следующий день я послал трех своих людей в лагерь, чтобы сообщить об удобствах того места, где мы ночевали, и о том, что мы намерены идти дальше. Для того, чтобы ознакомиться с местностью, я послал пять человек вверх по течению ручья, приказав им вернуться через два часа, что они и выполнили в точности. Они сообщили, что расположенная выше местность несколько более гориста, чем та, по которой мы шли, но так же бесплодна и так же суха. После этого донесения мы отправили шлюпку к морю, воспользовавшись ею для того, чтобы перебраться на другой берег ручья, который можно было перейти в брод, только поднявшись на две-три мили вверх. Мы пошли опять вдоль берега, стараясь не удаляться от шлюпки, и заметили, что местность делается все более и более возвышенной.

Продвинувшись еще на пять-шесть миль, мы поднялись на вершину довольно высокой горы, откуда мы увидали, что на расстоянии трех-четырех миль был расположен на возвышении высокий лес, спускавшийся к морю. Мы обрадовались, увидев этот лес, и решили направиться туда. Немного отдохнув, мы пошли в ту сторону, перейдя песчаную равнину, отделявшую лес от горы. Через два часа мы подошли к возвышенности и вошли в лес, состоявший из очень высоких, но редко растущих деревьев, без всяких кустов, что облегчало нам путь. Здесь я соединил своих людей, заставив их идти ближе друг к другу, и удвоил авангард, чтобы усилить возможность сопротивления на случай нападения людей или диких животных. Идя по лесу, мы срубали ветки и бросали их на своем пути, чтобы найти обратную дорогу. Мы прошли три мили через лес, пока достигли другой его стороны, откуда мы увидели море и еще группу деревьев выше залива, образуемого морем в этом месте, между двумя большими и высокими мысами, далеко вдающимися в море. Это было приятное место с красивым видом на залив, и мы пожалели, что не высадились на берег ближе к этим местам. Наша шлюпка осталась по ту сторону леса, и мы были вынуждены там ее задержать, потому что ей пришлось бы сделать большой крюк, чтобы подойти к нам. Я послал десяток людей к берегу моря, где они нашли большое количество устриц и раковин; это нас обрадовало. Десять человек я послал на вершину мыса и

столько же вниз к опушке леса за пресною водою. Те, которые пошли по направлению к вершине мыса, прошли две мили и воды не обнаружили, но, наконец, склон горы привел их в долину, поросшую густыми и зелеными деревьями, по которой протекал пресный ручей, впадавший в залив. Они остановились в этой приятной долинке и через четверть часа послали трех человек предупредить об этом меня. Те же, которые пошли в обратном направлении, вернувшись, рассказали, что прошли довольно далеко по лесу, который расширялся в сторону земли, и нашли стадо оленей невдалеке от небольшого ручья. Двух из них они убили, разрезали их на четыре части и, взвалив себе на спины, принесли их для того, чтобы нас угостить. Я послал пять человек к Морису, чтобы сообщить ему об этом неожиданном счастье и просить его как можно скорее приплыть к концу мыса, куда кто-нибудь из наших подойдет и передаст новые распоряжения. Потом я им приказал, после того как они поговорят с Морисом, пойти в лагерь сообщить о наших счастливых открытиях и сказать нашим, что и я не замедлю вернуться. Кроме того, я послал им четверть оленя. Затем, забрав всех своих людей, я направился в долину, где нас уже ожидали. Мне это место показалось столь удобным и приятным, что я решился расположиться здесь не только на эту ночь, но и перевести сюда весь лагерь насколько возможно скорее. Люди мои развели костры и зажарили оленей. Я послал пять человек на конец мыса на-

встречу Морису. Они прошли пять миль и остановились на самом высоком месте мыса. Не пробыв там и четверти часа, они увидели шлюпку, идущую полным ходом. Она подошла к берегу незадолго до захода солнца; вытащив ее на берег, они все вместе пошли к новому лагерю, куда пришли около полуночи. Они застали нас всех в веселом настроении: одни сидели вокруг костров и жарили мясо, а другие лежали, устроив себе ложе из мха и сухих листьев, собранных под деревьями.

Ночь эту мы провели тихо и спокойно, а на следующий день, встав рано утром, я приказал Морису и его отряду приготовиться к возвращению в старый лагерь, куда я имел намерение попасть водным путем, взяв с собою только двух своих людей, помимо экипажа шлюпки. Руководство над остальными я поручил одному из своих офицеров, приказав не выходить за пределы долины, не получив от меня известий, обещая ему, что вернусь не позже, чем через три-четыре дня, и уверен, что они хорошо проживут с помощью охоты, рыбной ловли и раковин, которыми берег изобиловал. Отдав распоряжения, мы отправились к тому месту, где была оставлена шлюпка, и в тот же день прибыли в старый лагерь с помощью попутного ветра, благоприятствовавшего нашему путешествию. Мы высадились на берег при заходе солнца и были встречены с большою радостью. Те, кого я послал с сообщением о нашем открытии, рассказали о новом лагере, и все стали проситься туда. Я ответил им, что имею

намерение вернуться туда возможно скорее, потому что место было наиболее удобным из всех, виденных нами.

Мортон и де-Хаэс прибыли на два-три часа раньше меня и пришли ко мне с отчетом о своих путешествиях. Первый сообщил мне, что прошел пятнадцать или шестнадцать миль влево от лагеря по сухой и песчаной почве, не найдя ни малейшего источника, ни ручейка, а когда наступила ночь, они, согласно моим распоряжениям, подошли к берегу и легли все вместе спать. На следующий день они продолжали идти на запад по каменистой местности, так же как и в предыдущий день, не найдя ни капли воды. Около полудня они пришли к довольно большой реке, где и остановились в ожидании лодки. Они обратили внимание на то, что прилив бурно и с большим шумом врывался в реку и что вода была соленая в том месте, где они находились, из-за близости моря. Это заставило их подняться выше, чтобы найти пресную воду, которую они нашли в ручье, впадавшем в реку. И там на них напали два больших крокодила, выползших из реки, чтобы их проглотить, но, заметив крокодилов прежде, чем те оказались на достаточно близком расстоянии, они выстрелили из мушкетов, и шум выстрелов так испугал этих чудовищ, что они отступили. Видя грозившие им на берегу реки опасности как от крокодилов, так и от других диких зверей, которых они могли встретить, и не имея достаточно съестных припасов, чтобы идти дальше, кроме раковин, которые они нахо-

дили на берегу моря, они решили, что дальше идти не следует, и вернулись по тому же пути, не желая оставаться в отсутствии более трех дней, сообразно данным мною приказаниям.

Де-Хаэс сообщил, что в первый день он прошел двадцать миль по песчаной равнине, к ночи они пришли к небольшой горе, покрытой вереском, где и заночевали. На следующий день на восходе солнца они увидели на расстоянии пяти или шести миль туман, который рассеивался по мере их приближения к тому месту, и перед их глазами открылось громадное озеро со стоячею водою, которое имело не менее десяти миль в окружности. Подойдя ближе, они увидели большое количество камыша и тростника, росшего по берегам и служившего убежищем бесчисленным уткам и другим водяным птицам, производившим невероятный шум. Они долгое время шли вокруг озера, но не могли близко подойти к воде из-за тинистых болот, окружавших его; ходить по ним было опасно и можно было увязнуть. Наконец, они пришли на песчаную почву невдалеке от какой-то горы, несколько более высокой, чем та, где они ночевали в прошлую ночь. Они поднялись на вершину ее, откуда открывался вид на лежавшие вокруг ланды [6], по направлению к югу опоясанные высокими горами, отвесными как стена и тянувшимися, насколько мог охватить взор, с востока на запад. После этого, опасаясь, что им не хватит еды, они на третий день вернулись в лагерь. Из этих донесений было видно, насколько нам посчастливилось по сравнению

с другими двумя капитанами. Это еще более увеличило общее желание перебраться в новый лагерь, где мы нашли удобства, которых в других местах не оказалось. На следующий день я собрал совет и предложил перевести лагерь в зеленую долину, где я оставил своих людей. Мое предложение сразу же было встречено аплодисментами, и мы решили постепенно перебираться, начав с переброски туда самых легких и самых необходимых вещей. Новая шлюпка, которую мы стали строить, должна была быть закончена через несколько дней и могла служить для перевозки пушек, бочек и других тяжелых вещей. А пока мы употребили уже имеющуюся шлюпку и лодку для перевозки съестных припасов и отправили несколько человек сухим путем с топорами, гвоздями, лопатами и другими инструментами, спасенными нами после крушения. Майор отправился с первым отрядом, а мой лейтенант с последним. Затем, когда шлюпка была готова, я нагрузил ее и отправил, а сам пошел сухим путем.

Забыл сказать, что Морис во время своего второго рейса обогнул мыс без всякой опасности, потому что море было спокойно и оставалось спокойным и без штормов в течение более шести недель после того, как мы высадились на берег. Воздух был такой умеренный, что мы не чувствовали ни холода, ни жары, только около полудня солнце довольно сильно припекало. Оно грело все больше и больше по мере того, как оно к нам приближалось, и возвращалась весна, начинающаяся в этой стра-

не в августе, когда в Европе кончается лето. Морис мне сказал, что, огибая мыс, он обнаружил несколько маленьких островов, расположенных в море на близком расстоянии один от другого по направлению к большому острову, защищающему залив от напора волн, и что он считает бухту прекрасной гаванью, хотя и опасается, что туда будет трудно заходить большим кораблям из-за бесчисленных подводных камней и скал, находящихся между мысом и большим островом, отделяющим залив от океана. Я ответил, что, когда мы переведем всех наших людей и багаж в новый лагерь и сможем там прочно обосноваться, нам хватит времени, чтобы заниматься открытием новых островов, и это будет предоставлено ему. Менее чем за двенадцать дней после открытия долины мы перевезли всех наших людей из старого лагеря в новый, названный Ван-де-Нюи и некоторыми другими офицерами Сиденберг. Это было сделано во время моего двух- или трехдневного отсутствия, и название это так часто употреблялось, что впоследствии было невозможно его изменить.

Мои люди, по моему распоряжению и по их собственному побуждению, соорудили несколько хижин по течению ручья на полосе примерно в милю длиною, спускавшейся к заливу с восточной стороны. Дров у нас было на месте очень много. Наши рыболовы наловили такое количество рыбы в заливе, что мы не знали, куда девать ее, не имея соли, чтобы ее хранить. Но Морис вскоре раздобыл нам соль.

Он отправился на одну из соседних скал и нашел ее там в таком количестве, что мог доставлять нам столько, сколько нам могло понадобиться, даже если бы нам пришлось двадцать лет прожить в этих местах. Конечно, эта соль получилась из моря, волны которого во время сильных бурь разбивались об эти скалы и, найдя в них кое-где углубления, их заполняли, а затем под горячими лучами солнца вода испарялась, и оставалась соль. Каждый день мы отправляли в леса отряды охотников и избивали оленей. Когда мы увидели, что над заливом летало много водяных птиц, нам пришла в голову мысль, что у них есть убежище в каком-то незнакомом нам месте. И мы не ошиблись: Морис, уходя с каждым днем все дальше в своих исследованиях залива по направлению к островам, открыл место, заросшее камышом и тростником, служившее убежищем большей части этих птиц. Затем он открыл остров, вернее, широкую песчаную отмель, где большие зеленые черепахи несли яйца, которые могли составить значительную часть нашего питания. Наконец, мы нашли столько вещей, полезных нам, что мы могли считать себя обеспеченными питанием, даже если бы нам пришлось прожить тысячу лет в этой стране. Недостаток пороха был самою большою нашею заботою, потому что, хотя он у нас и имелся в довольно большом количестве, но его не могло надолго хватить. Мы предвидели, что одежды, белья, оружия и инструментов надолго не хватит, и если шлюпка, ко-

торую мы послали в Батавию, погибла, то рассчитывать на ее помощь не придется. Но у нас столько уже было доказательств милосердия господнего, что мы надеялись, что он не оставит нас и в дальнейшем.

Между тем наступала весна, и мы ежедневно находили съедобные вещи, дававшие нам возможность сохранить те, которые были привезены на корабле, главным образом, несколько бочонков гороха и других овощей, привезенных нами из Европы. Мне пришло в голову посадить овощи, и я поговорил об этом с некоторыми из моих офицеров, которые одобрили мои намерения. Для этой цели мы вырубили несколько деревьев над лагерем и подожгли этот лес, чтобы уничтожить траву и корни, которые могли бы повредить нашим посевам. Затем мы выкопали гряды, посадили на них горох, засыпав сверху землею, и, поливая гряды иногда водою из ручья, все остальное предоставили на волю того, кто дает всему жизнь.

Некоторые из наших охотников, зайдя далеко в лес, убили много оленей и, не имея возможности всех унести с собою, повесили двух на большое и густое дерево в намерении пойти за ними на следующий день. Семь из них, вернувшись к тому месту, увидели на дереве тигра, глодавшего одного из оленей. Они очень удивились, увидев его, и спрятались за деревьями, а два из них зарядили ружья пулями, прицелились и, одновременно выстрелив, увидели, как он, смертельно раненный, упал на землю. Падая, он испустил ужасный,

отвратительный вопль и минуту спустя умер, будучи ранен двумя пулями навылет. Они сняли с него красивую пеструю шкуру и, спустив с дерева двух оленей, с триумфом принесли их в лагерь. Хотя их успех меня и обрадовал, но это приключение дало повод к новым страхам. Я рассудил, что, если в лесу было найдено это страшное животное, значит, там были и другие тигры, которые могли забрести в лагерь и броситься на наших людей. Я высказал на совете свои соображения, и было решено поставить вокруг наших хижин высокий забор. Мы начали его строить на следующий же день, и через десять дней мы могли считать себя защищенными от нападений диких животных, которые ночью могли покуситься на нас. Наши охотники сделались более осмотрительными, чем раньше, и не рисковали далеко заходить одни из опасения встречи с этими хищниками.

Прошло уже семь недель, как мы находились на этом берегу, и среди нас не было ни ссор, ни споров, потому что все время мы находились под страхом опасностей. Но как только мы оказались в безопасности, когда голод и жажда нам стали не страшны, когда у нас стало вдоволь всего, когда ежедневно мы ели мясо и свежую рыбу и не работали столько, сколько раньше, любовь и ссоры начали нарушать наш покой. Среди нас было несколько женщин, о которых я почти не говорил, потому что не было подходящего к этому случая, но теперь, мне кажется, случай представился рассказать и о них. Некоторые из них были

бедными женщинами, которых нужда и надежда улучшить свою участь заставили отправиться в Индию, другие же имели мужей или родственников, но большинство было извлечено из притонов или соблазнено мужчинами, купившими их за небольшие деньги. Эти женщины снисходительно относились к мужчинам, и те начали им говорить о любви. Вскоре между ними завязались связи, а так как мы все жили в маленьком лагере, хорошо охраняемом, им было трудно встречаться незаметно для других. Это вызывало часто ревность и ссоры, которые заканчивались дракой. Правда, страшась строгости наших законов, они, насколько возможно, старались сохранить это в тайне, мои же обычные занятия и небрежность некоторых офицеров были причиною того, что до меня редко доходили подобного рода беспорядки. Но вот случай, наделавший много шуму.

Два молодых человека состояли в связи с одною женщиною, и каждый из них думал, что он один владеет ею. Случилось так, что женщина обещала одному из них провести с ним ночь, что она и сделала; но другой пришел к ней немного спустя и просил ее о том же, а она ему отказала под каким-то пустым предлогом. Этот отказ огорчил его, естественно, он ее ревновал, подозревая правду, и решил проследить за своей любовницей, желая установить причину ее суровости. И действительно, он так хорошо ее выследил, что накрыл с любовником. Это привело его в такую ярость, что, вынув шпагу, он пронзил ею насквозь их тела и,

никем не замеченный, скрылся. Любовники не могли удержаться от криков, к ним прибежали на помощь; сначала их увидел часовой, а затем и вся охрана. Шпагу вытащили из их тел и из земли, куда она вошла более чем на фут, вызвали хирурга для того, чтобы наложить повязки на их раны, что и было им сделано, а затем он пришел ко мне, чтобы доложить об их положении. На следующий день я собрал совет, но нам так и не удалось установить, кто был виновником этого преступления. Мы спросили у раненого юноши, нет ли у него врага, которого бы он подозревал, но он ответил, что он никого не оскорбил и не обидел, поэтому и не может никого обвинить. Мы допросили женщину; хотя она и подозревала своего другого любовника, но была настолько великодушна, что не выдала его, зная, что он отомстил ей в порыве любви. Когда мы увидели, что ничего выяснить не удается, мы собрали всех в полном вооружении и стали вызывать поименно. Нам показалось, что мы нашли виновного, так как один оказался без шпаги. Мы у него спросили, почему он явился на смотр без шпаги, на что он смело ответил, что ее у него не было. «У вас не было шпаги с тех пор, как вы с нами?» — спросил я его.— «Простите,— ответил он,— я ее одолжил одному из своих товарищей, имени которого я не знаю, заявившему мне, что он получил приказание куда-то отправиться на шлюпке. Тогда, показав ему шпагу, найденную в телах раненых, мы у него спросили, не принадлежит ли она ему. Он

ответил, что это та самая, которую он давал своему товарищу. «Каким же образом,— сказал я с некоторою суровостью,— она могла оказаться вонзенною в тела этих несчастных?» — «Не выносите неблагоприятных для меня суждений,— промолвил он,— и позвольте сказать вам, что больше вероятности, что совершил этот поступок тот, кому я отдал свою шпагу, потому что он уехал утром и попросил ее у меня только лишь для того, чтобы подозрения пали на меня». Я задал ему еще несколько вопросов, спросил его, каким образом он не знает имени человека, бывшего его приятелем. Он, не удивляясь, ответил мне, что тут нет ничего странного; нет у нас такого человека, которому были бы известны имена всех, которых он знал и видел ежедневно. «Тот, кому я одолжил шпагу,— добавил он,— не является моим приятелем более, чем другие, и я даже вижу его довольно редко, потому что он почти всегда находится в плавании. Хотя я его знаю с виду и даже часто с ним разговаривал, мне никогда не приходила в голову мысль спросить, как его зовут».

Все эти ответы, быстрые и хитрые, скорее свидетельствовали о его уме, чем о невиновности, но так как у нас не было достаточно веских улик против него, мы отложили рассмотрение этого дела до возвращения шлюпки, которая, действительно, утром вышла в море с тем, чтобы вернуться лишь через несколько дней. Пока же мы ограничились тем, что держали его в заключении.

Случайно вышло так, что несколько человек из экипажа, находившегося на песчаных островах и занимавшегося ловлей черепах, решили выкупаться в море. Когда они стали купаться и хорошие пловцы заплыли далеко, почуявшая их акула напала на одного из них, оказавшегося впереди других, и так напугала остальных, что они изо всех сил поплыли к земле, оставив несчастного во власти чудовища, которое его тут же проглотило. Узнику стали известны все подробности этого приключения до того, как мы его вызвали на второй допрос, и, умело воспользовавшись этим случаем, он стал утверждать, что он одолжил свою шпагу именно тому, кого проглотила акула, и так точно его описал, что никто не смог найти возражений против описания погибшего. Так как мы не могли уличить его, а раненым смертельная опасность больше не грозила, мы продержали его еще некоторое время в заключении, а затем освободили. И только впоследствии выяснилась история этого приключения в том виде, как я ее только что описал.

Этот случай привел к созданию новых законов. Мы пришли к убеждению, что, пока среди нас будут женщины, они будут причиною подобных беспорядков, если мы заранее не положим этому предел и не разрешим нашим мужчинам пользоваться ими в определенном порядке. Но несчастье в том, что было семьдесят четыре женщины, а мужчин более трехсот, и невозможно было каждому дать

женщину. Мы долго совещались, прежде чем был найден разумный выход, и, наконец, приняли решение, что каждый из старших офицеров будет иметь свою женщину, выбранную им самим в соответствии с его положением. Остальных мы разделили на различные классы соответственно с положением людей и уладили вопрос таким образом, что младшие офицеры могли жить с женщиной две ночи в неделю, люди простого звания — одну ночь, некоторые — лишь раз в десять дней, в зависимости от их возраста и положения.

Мы выделили мужчин, которым было свыше пятидесяти лет, и четырех женщин, ехавших к мужьям в Батавию и хваставшихся своей верностью. Они всегда были вместе и не разговаривали с другими. Но когда они увидели, что те женщины, которых они избегали, имели друзей, поведение которых заслуживало одобрения, и что помощь, ожидаемая из Батавии, не приходила, они загрустили и стали раскаиваться в своем выборе. Они проявляли свое горе самыми разнообразными способами и вынудили нас дать им мужей, как и остальным женщинам. Опыт показал нам, что многомужество вредит потомству. Из имевших нескольких мужей беременели немногие и, наоборот, беременели почти все те, которые имели одного мужа. Поэтому многоженство часто практиковалось и сейчас еще существует среди некоторых народов, а многомужество никогда не было в обычае.

Вместе с тем подходило время дать условный знак, как мы договорились с восемью на-

шими людьми, отправившимися в Батавию, и я дал распоряжение нескольким из моих людей срубить в лесу высокое и прямое дерево, поставить его на вершине мыса и прикрепить к нему самый большой имевшийся у нас белый парус, что и было выполнено. Кроме того, я приказал каждую ночь разводить около него большой костер, чтобы корабли, посланные нам на помощь, могли его увидеть. Мы надеялись, что наша шлюпка прибыла в Батавию и что генерал не замедлит выслать нам помощь. Но оказалось, что бог расположил иначе, потому что стоявшая с момента их отъезда прекрасная погода вдруг сменилась дождями и грозами. Почти ни одного дня не проходило без бури, но наш залив был хорошо защищен от бурных волн мысом и островами, отделявшими его от моря и защищавшими от ветра. В течение трех недель шел дождь почти каждый день, хотя и солнце тоже каждый день светило,— так что получалась постоянная смена то хорошей, то плохой погоды. Наша предусмотрительность принесла нам пользу: хорошо, что мы засолили рыбу и мясо в пустых бочках, спасенных с корабля. Погода понемногу наладилась, но не была такая, как прежде, раз или два в неделю шел дождь с ветром и бурями, затем наступало неожиданное спокойствие. Это заставило нас потерять всякую надежду дождаться помощи из Батавии, даже если наши люди и добрались туда. Эта мысль заставила нас подумать о нас самих, не рассчитывая ни с какой стороны на помощь наших друзей, а

только на божественное провидение и на наши собственные силы.

Наступила очень жаркая погода, и после дождей все стало расти на наших глазах; горох наш тоже рос, и, повидимому, мы могли ждать хорошего урожая, что навело нас на мысль выкорчевать еще леса для новых посевов. В заливе было бесконечное количество рыбы и птиц, и, когда было спокойно, мы могли наловить столько, сколько хотелось. Но сети наши начали изнашиваться, и нам пришлось употребить несколько канатов, чтобы сплести новые, которые, будучи грубыми и плохо сделанными, все же пригодились, чтобы служить нам в нашей нужде.

Наши охотники наделали столько шума в лесу, что распугали всех оленей, и они не подходили к нам ближе, чем на расстояние девятидесяти миль. Это заставило наших охотников искать других путей и переправиться морем на другую сторону залива, где нам было видно, что все покрыто лесом. Морис получил приказание сначала исследовать местность, что им и было сделано. Он сообщил нам, что там большие леса, состоящие из различных пород деревьев, и небольшая, довольно глубокая река, которая впадала в залив. Он рассказал, что поднялся на четыре-пять миль по течению реки и видел вдоль берегов лишь деревья и небольшие болота, но ему казалось, что там найдется дичь, и мы тоже это решили. Он добавил, что было бы хорошо послать туда людей. Пятьдесят человек, забрав с собою еды на неделю,

сели в бот и в шлюпку и направились через залив к реке, о которой говорил нам Морис. Они вышли на берег, выбрали удобное место для стоянки и, оставив себе шлюпку, отправили назад бот. В тот же день некоторые из них двинулись в лес и увидели нескольких оленей, которых они и убили. Кроме того, они видели каких-то животных, похожих на свиней, но более крупных и тяжелых. Они ходили большими стадами и питались плодами и корнями деревьев. Они убили несколько штук и нашли, что их мясо гораздо вкуснее, чем мясо свиней, которое едят в Европе.

Морис захотел исследовать большой остров или высокий мыс, ограждавший залив и отделявший его от моря, и он направился туда с двадцатью людьми: первая земля, на которую он ступил, находилась со стороны залива и была покрыта лишь камнями и скалами, но, когда он продвинулся несколько вперед по направлению к морю, он увидел, что остров имел болотистую почву, высушенную летнею жарою, представляющую собой прекрасное пастбище. Они там нашли много дичи и оленей, которые подпускали к себе очень близко. Затем, двинувшись по острову на восток, они увидели, что он отделен от материка узким каналом, который олени переплывали для того, чтобы пастись на болоте. Остров мог иметь не более двенадцати миль в диаметре, очертания его были почти круглыми. Эти новые счастливые открытия принесли нам много радости и новую уверенность в том, что мы никогда не бу-

дем страдать от недостатка еды, даже если бы нас было в десять раз больше, чем на самом деле.

Морис становился все более отважным; прославленный своими успехами и гордый от всеобщих похвал, он ничего не считал трудным и думал лишь о новых открытиях. Так как он был человек добродетельный, благоразумный и деятельный, все предприятия его оканчивались удачей; я всегда покровительствовал его намерениям. Однажды он мне сказал, что залив тянется довольно далеко на юго-восток и ему кажется, что в той стороне должна быть большая река, впадающая в залив, и хорошо было бы это проверить. В том, что он говорил, было много правдоподобного, и я, желая ему доставить удовольствие, разрешил ему взять бот, столько людей, сколько он найдет нужным, и продовольствия на неделю.

Получив разрешение, он быстро все подготовил и решил пуститься на разведку как можно дальше. Мы пожелали ему успеха и счастливого возвращения и занялись устройством наших остальных дел, в надежде его скоро увидеть. Между тем, наш горох почти созрел, и через девять или десять дней после отъезда Мориса мы собрали громадный урожай — сам-сто — почти невероятная вещь. Мы ждали второго урожая, обещавшего быть не меньше первого. Мы тщательно просушили горох и насыпали его в бочки, как мы обычно поступали со всем тем, что хотели сохранить на

зиму, довольствуясь тем, что съедали только то, чего нельзя было сохранить.

Прошло уже более трех месяцев, как мы жили в Сиденберге, не получая никаких вестей из Батавии; это наводило нас на мысль, что наша шлюпка погибла, и мы решили о ней больше не думать. Самым большим же нашим горем было то, что истек срок возвращения Мориса из предпринятого им путешествия,— он уехал более десяти дней тому назад,— и мы не знали, что с ним случилось. Мы были в большом огорчении и не знали, на что решиться: послать шлюпку мы не смели из опасения потерять ее, потому что без ее помощи нам было бы трудно существовать. Наши охотники устроили нечто вроде нового лагеря по ту сторону залива для того, чтобы удобнее было охотиться, и без лодки нам было бы невозможно поддерживать с ними связь.

Все эти мысли наводили тоску и печаль на весь лагерь, и все мы оплакивали наши потери в течение двух недель, во время которых так и не получили никаких вестей от Мориса. Мы не знали, что и думать, так как с момента его отъезда не было грозы, и он не мог погибнуть во время бури. Мы также не могли допустить, что он попал в руки пиратов и других врагов, убедившись на собственном опыте, что людей в этой стране не было, а животные не могли напасть на него в море. Переживая то надежду, то страх, однажды в спокойный день мы увидели, как появился бот Мориса в сопровождении двух кораблей, плывших вместе с

ним к Сиденбергу. Мы смотрели на них с удивлением, не понимая, где он нашел два других корабля, что за люди были на них, и вдруг заметили еще десять парусов, следовавших за ними издали. Этот флот привел весь наш лагерь в смятение,— мы бросились все к оружию, стали готовить наши пушки к защите и послали людей на берег, чтобы следить за действиями флота и воспротивиться высадке. Тем временем они продолжали приближаться к нам, хотя и медленно, потому что не было сильного ветра. Наконец, они приблизились на расстояние мушкетного выстрела от берега и остановились в полном порядке, бросив якорь, а тем временем бот Мориса подошел к нам так близко, что нам было хорошо видно его и его людей и можно было разговаривать с ними. Он просил нас не пугаться, а послать ему шлюпку с тремя людьми, чтобы переправить их на землю. Посоветовавшись, мы выслали ему шлюпку; он сел в нее с двумя из своих людей, а после него туда сел высокий человек в черном платье и в шляпе, с белым флагом в руках в знак мира. Он высадился на землю вместе с Морисом. Несколько моих офицеров, находившихся невдалеке, и я пошли им навстречу. Морис в нескольких словах сообщил нам, что этот человек был послан губернатором одного города, расположенного примерно в шестидесяти милях вверх от залива, где им был оказан очень любезный прием, что заставляет его просить нас отнестись вежливо и с уважением к посланному. После сообщения Мориса мы

приветствовали гостя. Он встретил нас очень ласково и вместе с тем серьезно и, подняв правую руку к небу, сказал нам на довольно хорошем голландском языке: «Бог всевышний да благословит вас; солнце, его великий посланник и наш славный король, да светит вам, и эта земля, наша родина, да принесет вам счастье и благосостояние».

После этого приветствия, показавшегося нам весьма необыкновенным, Морис сказал ему, что я являюсь генералом, и он протянул мне руку, которую я смиренно поцеловал. Затем он обнял меня и поцеловал в лоб и выразил желание пойти к нам в лагерь, где мы его приняли насколько могли лучше. Он осмотрел наши хижины и заборы и, восхищаясь нашими работами, обращаясь ко мне, заговорил:

«Я узнал историю о вашем несчастье, и, зная, каковы ваши заслуги и достоинства, я не побоялся отдать себя в руки ваши. Я думаю, что я здесь в безопасности и что через некоторое время вы не откажетесь вручить себя в мои руки, когда вы узнаете, кто я. Но чтобы дольше не оставлять вас в неизвестности и дать вам возможность послушать рассказ Мориса о его приключениях, я отдохну немного, пока вы дадите ему аудиенцию и удовлетворите свое любопытство».

Мы ответили ему глубоким поклоном и, оставив его в моей хижине, побежали к хижине Ван-де-Нюи, где Морис ждал нас с нетерпеньем. Как только мы вошли, мы сразу же потребовали от него отчета о его путешествии.

Попросив у меня разрешения, он, обращаясь ко мне, начал рассказывать:

«Примерно три недели тому назад я покинул Сиденберг, имея намерение сделать новые открытия в заливе. В первый же день мы продвинулись на юго-восток свыше чем на двадцать миль и видели с той и с другой стороны большие леса на расстоянии пяти-шести миль один от другого. Вечером мы бросили якорь в одной миле от правого берега реки и провели там ночь. На следующий день мы двинулись с приливом и попутным ветром вверх по реке в направлении юго-востока. Пройдя примерно пять миль, мы увидели, что река делается у́же — всего лишь мили две в ширину. Мы продолжали двигаться вперед, хотя и с некоторыми затруднениями, до тех пор пока мы не прибыли к месту, где вода широко разливалась, образуя большое озеро, с середины которого с трудом были видны окружающие берега. Видны были лишь десять или двенадцать маленьких островов, разбросанных в различных местах, поросших высокими деревьями, очень зелеными и красивыми. Ветер переменился, и озеро было настолько спокойно, что казалось почти неподвижным. Так как оно было очень велико, мы, не имея намерения причаливать, двигались по ветру то в ту, то в другую сторону, держась ближе к правому, чем к левому берегу, хотя, когда нам было удобно, мы старались держаться на юго-восток.

К вечеру поднялся свежий ветерок, понесший нас на юго-восток, и когда наступила ночь,

мы встали на якорь между двумя или тремя островами, расположенными в двух-трех милях друг от друга, с намерением исследовать их на следующий день. Мы провели здесь ночь без всякого страха, не думая, что эти острова обитаемы. Но мы сильно ошибались: как только наступило утро, мы увидели вокруг себя десять или двенадцать лодок с вооруженными людьми, которые нас окружили так, что обойти их было невозможно. Мы очень испугались, думая, что они нас заберут в плен или убьют, потому что у нас было только два пути: или сражаться, или сдаться неизвестным людям, которые могут с нами обращаться, как им заблагорассудится. Это последнее соображение взяло верх и заставило нас принять решение защищаться до последнего человека. Мы бросились к оружию, потому что бежать мы не могли, так как погода была исключительно спокойна, а те, которых мы видели перед собой, имели много лодок с гребцами и двигались прямо на нас. Когда они приблизились на расстояние мушкетного выстрела от нашей шлюпки, они все остановились за исключением маленькой лодки, в которой мы увидели человека, держащего в руках флаг, который он нам показывал в знак мира и дружбы. Мы оружия не бросили, но дали лодке приблизиться, видя, что она не в силах будет напасть на нас одна. Когда она была на расстоянии пистолетного выстрела, тот, у кого был флаг, отвесил глубокий поклон и заговорил по-испански. Он сказал нам, чтобы мы не боялись, что нам не

будет причинено никакого вреда. Один из моих людей, понимавший этот язык, перевел нам его слова и спросил его, почему они нас окружили. Он ответил, что таков местный обычай, и нам не причинят вреда. Он захотел узнать, откуда мы, и узнав, что из Нидерландов, он выразил радость, пожелал быть принятым на нашем боте с одним из его спутников и предложил остаться заложником до тех пор, пока все не будет улажено. Его просьба была справедлива, и мы разрешили ему все, что он хотел. Тогда он направился к нам в шлюпку с одним из своих людей. Это был прекрасно сложенный человек в красном одеянии с поясом, спускавшимся до колен, и шапкою того же цвета. Тот, кто его сопровождал, был одет совершенно так же, и тому и другому было лет под сорок. Как только он вступил на бот, он спросил по-голландски, кто командир, и узнав, что это я, вежливо подошел ко мне, обнял и сказал, что рад видеть нас у себя в стране, но удивляется, как мы могли к ним попасть на таком маленьком судне, как наше. Я ответил, что мы прибыли на большом судне, но что оно потерпело крушение у этих берегов, и из его обломков мы соорудили эту шлюпку. Тогда он спросил меня, все ли наши люди спаслись. Я ответил, что спаслись только мы, а остальные погибли, потому что подумал, что не стоит ему говорить о вас и об остальных, пока мы не увидим, как они будут с нами обращаться. Он заявил, что огорчен нашей потерей и очень сочувствует нашему горю.

Затем он мне задал несколько вопросов по поводу нашего путешествия, нашего несчастья и существующего положения в Европе. На это я ответил так, как счел нужным. Он остался очень доволен моими ответами и сказал мне, что мы попали в страну, где мы найдем помощь и более приветливый приют, чем в нашей, и что у нас не будет недостатка во всем том, что нужно для счастья нетребовательных людей. Мы его поблагодарили и просили сказать, в какой стране мы находимся. Он ответил, что страна называется на их языке *Спорумб*, жители — *спорuи* и находятся они в подчинении у страны большей и более счастливой, расположенной за горами, название которой *Севарамб*, а жителей которой зовут *севарамбами*. Правители ее живут в большом городе, именуемом Севаринд, мы же находимся всего в тринадцати-четырнадцати милях от другого города, значительно меньшего, называемого Спорунд, куда он собирается нас отвезти. Его обращение удивило нас, а лица наши показывали страх, который он попытался рассеять словами. «Я уже вас убеждал, — сказал он,— что вам нечего бояться, повторяю это снова и уверяю вас, что вам не причинят ни малейшего вреда, если вы сами его не навлечете своим недоверием и своим упорством. Вас настолько мало на этом суденышке, что вы не в состоянии будете защищаться против наших судов с большим количеством людей, которые сражаться умеют не хуже вас. Вы увидите, что они не дикари, как вы воображаете, и быть

может вы признаете, что они не лишены чувства чести, милосердия и чистосердечия». После этого они отошли на другой конец шлюпки как бы для того, чтобы дать нам возможность обсудить наше положение. Мы решились последовать данному нам совету, доверившись божественному провидению. Тот, кто говорил с нами, приблизился и спросил о нашем решении. «Мы намерены, — сказал я, — повиноваться вам во всем исчитаем для себя счастьем быть под вашим покровительством. Мы жалкие неудачники и можем служить скорее предметом сострадания, нежели гнева, мы надеемся найти у вас помощь и утешение, которые вы нам столь милостиво предлагаете, проникнувшись нашей нуждой»,— «Вы все это найдете,— ответил он, и в довершение вы увидите в этой стране такие чудеса, которых нигде не найдете». Затем он подал знак людям из своей шлюпки приблизиться, что ими и было сделано. Они принесли нам хлеба, вина, фиников, винограда, винных ягод и сухих орехов различных сортов, которыми мы плотно закусили. Тот, кто разговаривал с нами, сказал, что его зовут Каршида, а его спутника Беноскар. Он захотел узнать мое имя, и я ему назвал себя. Затем я спросил его, почему он умеет говорить по-голландски, живя в стране, столь отдаленной от Голландии. «Я отвечу вам в другой раз,— сказал он,— лучше подумаем о нашей поездке в Спорунд, чтобы успеть прибыть туда сегодня до наступления ночи». Он приказал приблизиться

одной из шлюпок, находившейся невдалеке от нас, к которой привязали наш бот, и мы на буксире пошли на юго-восток, а другая лодка следовала за нами на веслах. Мы отошли от островков и удалились от их флота, который не сдвинулся с места, пока не потерял нас из виду. Мы плыли до двух часов пополудни по этому соленому озеру, походившему скорее на море, пока не подул попутный ветер, при помощи которого мы за два часа выбрались из озера и пошли по большой реке с пресной водой, окаймленной с обеих сторон высокими берегами. Мы не прошли и двух миль по этой реке, как попали в довольно узкое место, где река текла меж двух высоких стен, выстроенных местными жителями для ограждения от разливов. Мы увидели, что вдоль этих стен тянутся строения из камня и кирпича, похожие на большие зáмки квадратной формы. Мы поднялись еще на две мили, по пути продолжали тянуться те же стены и квадратные здания — и так до самого города Спорунда. Он расположен при слиянии двух больших рек в громадной долине, по которой расстилаются хлебные поля, луга, виноградники, сады и живописные рощи. Маленькая лодка, вначале следовавшая за нами, опередила нас, чтобы предупредить жителей города. И когда мы высадились на великолепной большой пристани, там собралось много народа, для того чтобы поглазеть на нас. Каршида, высадившийся первым, был встречен величественного и степенного вида людьми, одетыми в черное; после крат-

ких переговоров с ними он подал знак Беноскару высадить нас.

Этот в нескольких словах сказал, что нам предстояло делать, и приказал следовать за ним. Выйдя на пристань, где нас ждали эти господа, и три раза поклонившись им до земли, мы приблизились к ним. Приветствуя нас, они тоже слегка поклонились, и самый видный из них, сердечно обняв меня и поцеловав в лоб, сказал: «Милости просим в Спорунд». Оттуда они повели нас в город через великолепные большие ворота, к которым вела красивая улица, пересекаемая другими совершенно одинаковыми улицами. Наконец, нас привели в прекрасный дом с замечательным входом, комнаты в котором были расположены как в монастырях: они были окружены со всех сторон широкими галереями, а посредине находился цветник с прорезями зеленого газона. Со двора нас ввели в большой низкий зал, где мы пробыли некоторое время, стоя вместе с теми господами, которые встречали нас на пристани и проводили сюда. Они нам задали ряд вопросов, таких же, какие уже задавал Карише. Немного спустя нас провели в другой зал, где стояли столы, уставленные блюдами, накрытые приблизительно так же, как и в Европе. Сермодас, который пришел вместе с нами, спросил, хороший ли у меня аппетит. На это я ему ответил, что мы так давно не видели такого ужина, что вряд ли кто-нибудь из нас будет страдать отсутствием аппетита. Он улыбнулся и, взяв меня за руку, посадил с собой

рядом на почетном конце стола. Остальные также расселись, а Каршида и Беноскар отвели и посадили моих людей за другой стол. Нас угостили прекрасным ужином, а затем нас отвели в большую комнату с несколькими постелями на железных ко́злах и сказали моим людям, что они могут ложиться по-двое. Я же получил отдельную комнату; Сермодас и другие меня проводили и удалились, пожелав мне спокойной ночи. Минуту спустя вернулся Каршида и сказал мне, чтобы я приготовился завтра посетить Альбикормаса — губернатора Спорунда. Он сказал, что даст мне все нужные инструкции, касающиеся этого посещения и затем пожелал спокойной ночи.

Часов в шесть на следующее утро мы услыхали звон большого колокола, а час спустя Каршида и Беноскар вошли ко мне в комнату и спросили, хорошо ли я спал и не нужно ли мне чего-нибудь. Прежде всего я хотел встать, но они мне сказали, чтобы я не вставал, пока мне не дадут одежду, которую сейчас должны принести. Беноскар вышел и немного спустя вернулся вместе со слугами, принесшими мне белье и одежду из материи, вытканной из шерсти и бумаги и сшитой на местный манер. Затем пришли другие слуги с тазом, полным теплой водой, и Каршида сказал, что в нем я должен вымыть свое тело, прежде чем надеть новую одежду. Оставив мне одного слугу, он вышел со всеми остальными. Я встал, надел принесенные мне белье и одежду. Сверху я надел пестрое платье, затянулся поясом, предо-

ставив слуге, которого мне оставили, нарядить меня. Вскоре вернулся Каршида и сказал, что ждали только меня, чтобы я вместе со своими людьми пошел к Альбикормасу. Затем он рассказал мне, как я должен держать себя во время этого парадного приема, и мы спустились во двор, где я увидел всех своих людей, одетых во все новое и примерно так же, как и я. Беноскар был с ними и учил их, как им вести себя. Некоторое время мы простояли во дворе, оглядывая друг друга, до прихода Сермодаса, появившегося со своей свитой. Он спросил меня, готовы ли мы, чтобы сопровождать его в совет. Я ответил утвердительно. Тогда он взял меня за руку и заставил идти рядом с ним с левой стороны. Каршида стал во главе моих людей, которых заставили идти попарно, как солдат, а Беноскар замыкал арьергард. В таком порядке мы прошли несколько улиц и пришли на большую площадь, расположенную в центре города. Посреди этой площади стоял великолепный дворец квадратной формы, построенный из точеного белого камня и мрамора, казавшегося черным; он был такой чистый и блестящий, нам казалось, что он только что закончен постройкой, хотя на самом деле он был выстроен уже давно. Вход во дворец был украшен несколькими бронзовыми статуями, и при входе стояли в два ряда мушкетеры, одетые в синее платье. На первом дворе, выстроившись в ряд, стояли воины с алебардами, одетые в красное, и, как только мы вошли, раздались звуки труб и

других военных инструментов, создавая довольно приятный шум. Оттуда мы прошли в другой двор, из черного мрамора, украшенный белыми мраморными статуями. Посреди этого двора стояло более ста человек, одетых в черное и более пожилых, чем те, которых мы видели при входе. Мы стояли и смотрели на них, пока два человека, одетых так же, как и остальные, с золотистого цвета шарфом на плече, сказали Сермодасу, чтобы он подвел нас ближе. В том же порядке мы вошли в большой зал, украшенный живописью и позолотой, где мы опять остановились. Оттуда нас провели в третий зал, превосходивший первые два своею роскошью и красотою. Мы увидели в глубине этого зала на небольшом возвышении трон и по обе стороны много более низких сидений. На этом троне сидел величественного вида человек, одетый в пурпур, а на других сиденьях находились почтенные люди, одетые так же, как те, которые нас встречали во дворе. Нам сказали, что первый — это Альбикормас, а остальные — главные должностные лица города, которые вместе с ним управляют всей страной Спорунда. Дойдя до середины зала, мы отвесили поклон, затем еще один, более глубокий, а когда мы подошли к барьеру, находившемуся около трона и отделявшему его от зала, мы поклонились еще ниже. Тогда все члены совета встали и, приветствовав нас легким наклонением тела, снова сели на свои места, а Альбикормас лишь кивнул головой. Затем Сермодас взял меня за руку и подвел к барьеру. Отвесив глу-

бокий поклон губернатору, он рассказал ему на их языке все, что он знал о наших приключениях. Мне показалось, что этот язык, мягкий и величественный, в произношении похож на греческий и на латинский. Когда Сермодас закончил свою речь, вызвали Каршида, который сделал совету более подробное сообщение, чем первый, рассказав, каким образом мы попали на озеро, которое они называли Спораскумпсо, как они нас увидели и захватили. О том, как это произошло, я сейчас расскажу, это мне сообщили через несколько дней. В тот день, когда мы попали на озеро, был торжественный праздник во всей стране, праздновавшийся также и жителями островов; поэтому на воде никого не было, и мы не видели ни одного судна, хотя в обычное время некоторые из них занимались рыбной ловлей. Хотя мы никого и не видели, но нас сразу же заметили островитяне, не захотевшие нам показаться из опасения нас испугать. В течение же ночи они послали суда, чтобы нас на утро захватить и оградить себя от возможности нашего бегства. Обычно этот народ прекрасно охраняет свои границы, потому что они боятся, как бы чужеземцы дурными примерами не нарушили их спокойствия и простоты и не передали им своих пороков.

Как только Каршида окончил свою речь, Альбикормас встал и сказал нам на своем языке, как объяснил нам Сермодас, что нас ожидает в стране хороший прием и ласковое обращение, что жить мы будем в Спорунде, пока

он не получит известия от Севарминаса, вице-короля солнца, живущего в городе Севаринде, к которому он посылает гонца в тот же день для того, чтобы сообщить ему о нашем прибытии и испросить его приказаний; а пока мы будем иметь все необходимое, если будем следовать советам Сермодаса и его офицеров. «Я призываю вас быть сдержанными и честными»,— добавил он и отпустил нас.

Я заметил у Альбикормаса небольшой горб и у некоторых его советников тот же недостаток, в остальном же он был сложен хорошо и выглядел неплохо. Впоследствии мы узнали, что среди обитателей этого города некоторые имели физические недостатки, хотя большинство было хорошо сложено, потому что жители Севаринда отсылали туда всех уродов, рождавшихся среди них, не желая их иметь в своем городе. Мы узнали еще, что слово *эспери* обозначало на их языке человека, физически или морально дефективного, а *Спорунд* — город или местопребывание для таких людей.

После того как Альбикормас отпустил нас, мы вернулись к себе домой, где нас уже ожидал обед. Мы просидели дома весь день, а к вечеру Сермодас и Каршида зашли за нами, чтобы показать нам город, все жители которого выходили со всех сторон, чтобы посмотреть на нас. За всю свою жизнь я не видел лучше распланированного города: он состоял из больших квадратных зданий, похожих друг на друга, в каждом из них размещалось более

тысячи человек. Во всем городе, имевшем в окружности более четырех миль, было семьдесят шесть домов. Я уже говорил, что он расположен между двумя большими реками, образующими естественный полуостров, но они искусственно превратили его в настоящий остров, прорыв в двух милях от города канал от одной реки к другой. Этот канал заключен между двумя высокими стенами, через которые переброшены десять или двенадцать деревянных мостов, за исключением среднего, очень широкого, прочно построенного из точеного камня. Нам показали этот канал и окрестности два или три дня спустя после первой аудиенции. Вечером, часа через два после ужина, нас привели в большой зал, где мы увидели пятнадцать молодых женщин, ждавших нас. Большинство из них было хорошего роста, полные, одетые в пестрые полотняные и бумажные платья, их черные волосы были заплетены в косы, спускавшиеся по плечам. Мы были несколько удивлены, что они стояли все вместе, выстроившись в ряд, не зная, зачем они здесь находятся. Сермодас, взяв слово, стал мне объяснять: «Вы удивляетесь, Морис, что видите столько молодых женщин вместе и не знаете причины. Я даже уверен, что вы поражены, как они выстроились в ряд и что одежда их отличается от одежды других женщин, у которых обычно на голове покрывало. Так знайте, что это невольницы, пришедшие сюда, чтобы служить вам. Каждая нация в мире имеет свои обычаи. Есть обычаи в корне

плохие, потому что они неразумны; другие безразличны и кажутся плохими или хорошими в зависимости от вкуса и предрассудков людей, их применяющих; но есть и очень разумные, они хороши сами по себе, если к ним подходить без предвзятого мнения. Наши обычаи почти все таковы, и лишь очень немногие не основаны на здравом смысле. Вам, конечно, не безызвестно, что необходимо умеренное употребление всех вещей, созданных природой для служения живым существам, и что действительно вредно лишь злоупотребление ими. Из этих вещей есть три главнейших: первая — сохранение жизни каждого человека, вторая — воздержание счастливого состояния и, наконец, третья имеет целью увеличение и размножение всех пород.

Что касается сохранения жизни каждого человека, например мужчины, то оно зависит от некоторых благ, без которых он не смог бы существовать, потому что они ему абсолютно необходимы. Еда, питье и сон, несомненно, относятся к этого рода потребностям. Но человек не мог бы быть счастливым, обладая только этими вещами: хотя они и достаточны для сохранения жизни, но они не могут украсить жизнь и сделать ее приятной. Поэтому создатель природы дал человеку другие блага, которые, в соединении с первыми, могут удовлетворить его, если он благоразумен и умерен, если он не бросается в безумную погоню за обманчивой видимостью воображаемого блага и если он не следует слепо разнузданности и ис-

ступлению своих страстей. Эти блага, которые создают счастье человека, по нашему мнению, — здоровое тело, душевное спокойствие, свобода, хорошее воспитание, целомудрие, общество честных людей, хорошее питание и одежда, удобные жилища. Все эти блага создают счастливую жизнь, если пользоваться ими в меру и не привязываться к ним всем сердцем.

Природа ограничила нашу жизнь известным количеством лет, свыше которых мы уже не можем пользоваться всеми этими благами, а тела наши, переставая жить, разлагаются, и каждая часть их приобретает свою первоначальную форму или облекается в новую. С другой стороны, она пожелала сохранить каждый вид и даже увеличить его посредством размножения, в котором, если можно так выразиться, снова зарождаются все существа и сохраняются для вселенной все животные и растения, являющиеся одним из лучших ее украшений. Чтобы достигнуть своей цели, природа в каждой породе создала самцов и самок, чтобы из союза этих двух полов создавалось потомство животных. Это ее самое благородное дело, о котором она больше всего заботится. Но чтобы вложить в существование каждого животного еще больше счастья и чтобы легче достигнуть своей цели, она пожелала сопроводить этот союз наслаждением, которое мы называем любовью. Любовь все связывает и охраняет, и, когда ею руководят честные побуждения, она не вызывает плохих послед-

ствий, потому что она преследует лишь благие цели: честные радости, размножение и сохранение каждого вида, к чему, естественно, стремятся все существа. Севариас, наш великий и знаменитый правитель, внимательно взвесив все это, приказал наказывать за невоздержанность и грубость, но все же он требовал, чтобы следовали велениям бога и природы в отношении продолжения рода человеческого. Поэтому он издал приказ, чтобы все, достигшие известного возраста, установленного законами, женились, а путешественники жили с рабынями, которых у нас имеется довольно большое количество. Этот великий человек запрещает рассматривать как нечто преступное то, что служит сохранению рода, считая, однако, что излишества нарушают воздержанность, которая должна лежать в основе наслаждений. Поэтому-то мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь здесь был без женщины. Вы видите, что вам их привели столько, сколько у вас есть мужчин, и они будут приходить к вам через каждые два дня в течение всего того времени, которое вы пробудете среди нас. Я знаю, что этот обычай был бы осужден в Европе, где не признают, что добродетель заключается в честном пользовании любовью, а не в полном воздержании. И поэтому среди нас не встречаются те отвратительные преступления, которые бесчестят вашу страну».

Он еще говорил многое, в чем не было необходимости, чтобы убедить нас с большою благодарностью принять то, что он предлагал,

а он был очень доволен, что доставил нам удовольствие и что мы одобряли поведение его правителя.

Не успел он уйти, как два человека вошли в зал и приветствовали нас по-французски. Первый сказал нам, что он врач, а его спутник — хирург, и попросил нас сказать им, не болел ли кто-либо из нас неаполитанской болезнью [7]. «Мы имеем приказ осмотреть вас, — добавили они, — и если кто-нибудь из вас скрывает правду, то тому же будет стыдно, а если, наоборот, чистосердечно признается, он от этого не потеряет уважения и очень скоро вылечится». Мы все сказали, что ни у кого из нас не было таких болезней, но, несмотря на наши возражения, каждого из нас осмотрели в комнате рядом с той, в которой мы находились. После осмотра они заявили, что очень довольны, что мы не больны болезнью, столь распространенною на других материках и о которой лишь понаслышке знают в австралийских землях. Кроме того, они рассказали нам, что они прожили во Франции целых шесть лет, видели почти всю Европу и Азию в течение двенадцати лет, которые они провели в путешествии, что время от времени из Спорунда отплывали корабли, переправлявшиеся через моря с той же целью, и, таким образом, среди них есть люди, побывавшие у различных народов и умеющие говорить на разных языках. Эти слова рассеяли удивление, испытанное нами, когда Каршида заговорил по-испански и по-голландски и когда мы увидели образ жизни и обычаи,

столь схожие с нашими, в столь отдаленной стране, где мы думали встретить лишь дикарей. Мы бы задали много вопросов этим господам, если бы было удобно, но они удалились, а мы стали советоваться, каким образом нам выбирать женщин. Решили, что я выберу первый, после меня мои два офицера, а остальные бросят жребий, что и было проделано без споров и ссор, и каждый получил себе подругу. Затем меня проводили в комнату, где я ночевал в предыдущую ночь, а людей моих отвели в длинную галерею, по бокам которой были маленькие, отделенные одна от другой комнаты. Каждый из них получил по комнате, и они провели там ночь. На следующее утро в обычный час зазвонил колокол, и Каршида пришел спросить меня, хорошо ли я спал, и сказать, что пора вставать. Подруга моя вскочила с постели и оделась, как только услышала звон колокола, и вышла из комнаты в тот момент, когда входил Каршида. Он сообщил мне, что Беноскар пошел освобождать моих людей из плена, желая сказать «из объятий любовниц» и из комнат, где они были заперты во избежание беспорядков и обмана, которые могли иметь место; а это было запрещено из опасения, что если женщины забеременеют, отцы их детей останутся неизвестными. Одевшись, я спустился в большой зал, куда пришли также и мои люди. Туда же за нами пришли проводники, чтобы показать нам некоторые кварталы города, где велись различные работы. Одни были заняты выделыванием полотна, материй,

другие — шитьем, некоторые ковали и занимались всякими другими работами. Но Каршида сказал мне, что строительство и земледелие были основными занятиями нации.

Мы продолжали оставаться в Спорунде, ведя тот же образ жизни, до шестого дня, пока не вернулся гонец, посланный Альбикормасом в Севаринд с приказанием от Севарминаса направить нас в великий город, где ему очень хотелось нас видеть. Когда я узнал, что нам придется идти в Севаринд, я пожалел, что не сказал о том, что вы здесь, в особенности после их хорошего с нами обращения. Я не знал, как мне выпутаться, но причина, заставившая меня это скрыть, была веской и уважительной; я подумал, что Альбикормас удовлетворится ею и простит наше притворство, основанное на заботах о вашей безопасности в то время, когда мы опасались еще за нашу собственную. Я откровенно признался Сермодасу, который прежде всего пошел предупредить губернатора. Нам приказали ждать в Спорунде возвращения второго гонца, посланного к Севарминасу, чтобы известить его о причине нашего опоздания. Он вернулся через шесть дней и привез губернатору приказ, во исполнение которого тот отправил с нами эти суда, чтобы забрать вас и перевезти всех в Севаринд, где мы должны предстать перед верховным правителем в его резиденции и где, по словам Сермодаса, нас ожидает еще лучший прием, чем в Спорунде.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Итак, Морис окончил свой рассказ, который обрадовал нас и привел в восхищение; он не показался нам скучным, хотя, действительно, и был долгим. Но вещи, о которых он нам рассказывал, были настолько удивительны, что мы слушали бы его терпеливо, даже если бы его рассказ длился целый день.

Некоторое время мы советовались о том, какую нам выбрать линию поведения, и решили идти за Сермодасом туда, куда он нас поведет, целиком положившись на волю божественного провидения и доверившись порядочности народа этой страны.

Пока Морис рассказывал нам обо всех этих приключениях, некоторые из его людей, побуждаемые желанием поговорить со своими друзьями, сошли на берег и завели беседу почти со всеми нашими людьми, которые собрались вокруг них и слушали с удивлением рассказ обо всем случившемся. Таким образом, они узнали эти новости почти одновременно с нами, и не понадобилось второй раз сообщать им о положении наших дел. Они готовы были следовать в прекрасную страну, которую им описали. Но шлюпка, посланная в Батавию, могла добраться благополучно, и мы нисколько не сомневались, что генерал, узнав о нашем

несчастье и нужде, выслал бы нам на помощь корабли, на что мы имели еще кое-какую надежду; и это огорчало нас, потому что, если бы корабли прибыли и никого не застали, они подумали бы, что мы погибли, и, таким образом, мы теряли всякую надежду увидеть снова своих друзей и родину. На это Морис возразил: «Что касается шлюпки, то ее безусловно следует считать погибшей, если мы о ней не имели известий с того времени, как она ушла, и по этой причине не имеет смысла надеяться на какую-либо помощь из Батавии. Возвращение же наше в Голландию не невозможно и может оказаться незатруднительным, поскольку мы будем находиться среди народа вежливого и порядочного, который время от времени посылает свои корабли за моря. Вероятно, они разрешат нам и даже дадут возможность вернуться, если мы того захотим, не пожелают силою задерживать нас в своей стране, если у нас не будет желания там остаться». И, наконец, он заметил, что наше положение было бы много хуже, если бы нам все время пришлось жить в этом лагере, подвергаясь тысячам опасностей и забот. Эти убедительные доводы Мориса — человека со здравым смыслом, пользовавшегося среди нас доверием за те большие услуги, которые он нам оказал, — рассеяли наше огорчение. Мы вернулись в мою хижину, где был Сермодас, который, увидя нас, улыбнулся и спросил, как нам понравился, по описанию Мориса, город и народ Спорунда. «У нас не могло не создаться выгодного представле-

иия,— сказал я ему,— и нам бы хотелось уже быть там. Если вам угодио, то мы готовы ехать туда как можно скорее». — «Я прибыл сюда для этого,— ответил он,— и я очеиь рад, что вы готовы следовать за миою. Вы можете быть увереиы, что пребываиие в наших городах покажется вам лучшим, чем в этом лагере, хотя благодаря вашему умеиью тут получилось удобиое убежище». Мы еще некоторое время поговорили на эту тему, а затем спросили у него, ие хочет ли ои отведать нашей пищи в том виде, как мы это можем предложить. Он сказал, что согласен закусить при условии, если мы также будем есть то, что они подадут. И ои попросил Мориса передать кому-иибудь из его людей, чтобы приисесли вина и всякой еды с кораблей. После обеда Сермодас сказал иам, что если мы решили следовать за иим, то должиы готовиться к отъезду и переправить наших людей тем способом, который нам покажется наиболее удобным. Ои же считает, что было бы лучше всего, если бы наши руководители и все иаши жеищииы перебрались иа корабль в тот же день, а он оставит кого-нибудь из своих людей, чтобы помочь остальиым нашим погрузиться и проводить их до Споруида. Я сказал ему, что часть иаших людей находится по ту стороиу залива, и если ои разрешит, мы пошлем Мориса с одним или двумя судами, чтобы привезти их обратно. «Это можио сделать,— ответил он,— и я пошлю с иим одио наше судио, чтобы переправить их в город, не заходя в лагерь. Вы же, — сказал ои,

обращаясь ко мне, — возьмите тех из своих офицеров, которых вы пожелаете оставить при себе, и садитесь на мое судно, где, надеюсь, вам будет довольно удобно». Я взял с собой Ван-де-Нюи и Тюрси, моего секретаря, приказав Девезу и другим капитанам распоряжаться в мое отсутствие и как можно быстрее собрать наши вещи. Сермодас оставил Беноскара с Девезом, чтобы ему помочь и сопровождать его. После этого мы подняли паруса и двинулись на Спорунд, куда мы прибыли три дня спустя после нашего отбытия из Сиденберга. Нам был оказан почти такой же прием, как Морису, с той лишь разницей, что к Ван-де-Нюи и ко мне было проявлено больше уважения, чем к остальным. Альбикормас очень ласково принял нас, а меня в особенности; он много говорил со мной о положении империи[8], о чем я его мог лучше осведомить, чем кто бы то ни было из нашей компании. Я нашел, что во многих отношениях он прекрасный человек и обладает удивительно ясным умом. Он мне рассказал о многих обычаях, о формах управления в их стране, о чем я буду говорить дальше, когда буду описывать город, законы и нравы севарамбов. На следующий день после нашего приезда в город были доставлены наши вещи, и в лагере ничего не было оставлено, за исключением того, что оказалось ненужным. С нашими людьми обращались так же, как с людьми Мориса, и все получили новую одежду.

У нас вышло затруднение с нашими женщинами. Я уже говорил, что в лагере было дано

распоряжение, что на пять человек простого звания будет одна женщина, и только старшие офицеры пользовались привилегией иметь каждый свою женщину. Сермодас и его приближенные не одобрили этого положения. Ненарушимая привычка порядочности заставила их сказать нам, что мы поступаем по-скотски. Они заявили, что это бесчестит их страну и их законы, и они допустить этого не могут. Я старался извинить это необходимостью, заставившею нас скорее принять такое решение, чем подвергать наших людей опасности, что они перебьют друг друга. Сермодас спросил меня, желаем ли мы подчиняться их законам. Я уверил его, что это наше самое пылкое желание, и вот какие он принял меры. «Пересчитайте точно,— сказал он нам,— всех ваших людей, как мужчин, так и женщин, и дайте мне их список, в особенности женщин, отметив тех из них, которые беременны. При этом вы можете себе оставить тех, которых уже имеете, или же мы вам дадим других». Мы некоторое время советовались, и те из офицеров, которые захотели остаться со своими женщинами, их не сменили. Остальные же бросили жребий, как спутники Мориса, которым не было разрешено выбрать себе новых женщин. Те женщины, которые забеременели от наших офицеров, были вынуждены продолжать жить с теми, от кого они забеременели. Тех, которые жили с простыми людьми и стали беременными, заставили жить с тем, кого они считали отцом

зачатого ребенка. Вот каким образом все это было улажено.

На пятый день нашего пребывания в Споруиде Сермодас зашел за мной и повел меня в храм, где должно было совершаться торжество бракосочетания, или *оспаренибон*. Он мне сказал, что нас так долго задержали в Споруиде не столько для того, чтобы дать нам возможность отдохнуть, сколько для того, чтобы показать эту церемонию. Затем он добавил, что это происходило четыре раза в год, и это был один из самых больших их праздников, хотя и меньший здесь, чем в Севаринде. Я встал и оделся в новую одежду, которую мне принесли и выдали также моим старшим офицерам, пришедшим за мной в комнату для того, чтобы сопровождать меня в храм, куда нас должны были вести Сермодас и Каршида. Мы вместе направились во дворец, где Альбикормас дал нам аудиенцию, а затем, пройдя несколько дворов, мы, наконец, пришли к громадному величественному храму, где увидели много юношей и девушек в новых одеждах. Головы юношей были украшены венками из зеленых листьев, а девушек — гирляндами цветов. Никогда мне не приходилось видеть более приятного зрелища, чем эта группа молодых людей, большинство которых были красивы и жизнерадостны.

Большой занавес посреди храма мешал нам видеть более половины его. Мы пробыли в храме, занимаясь осмотром богатых украшений, около часу, и никаких перемен за это вре-

мя не произошло. Но, наконец, мы услышали звуки разных труб, гобоев и других инструментов и увидели, как вошло несколько человек с зажженными факелами, которые они вставили в подсвечники, находившиеся в различных местах храма, затем они закрыли все окна и раздвинули занавес, скрывавший от нас другую его часть. Мы увидели в глубине храма богатый и пышный алтарь, украшенный гирляндами и букетами цветов. С правой стороны алтаря на небольшой высоте мы увидели большой хрустальный или из очень прозрачного стекла шар, который с трудом могли бы обхватить четыре человека. Этот шар так ярко светился, что освещал не только всю глубину храма, но светил даже далеко за середину его. С другой стороны алтаря находилась большая статуя такой же высоты, изображавшая кормилицу с несколькими грудями, кормившую несколько маленьких детей, так же искусно сделанных, как и вся статуя. Между этими двумя фигурами над алтарем висела большая черная завеса, гладкая и без всяких украшений.

Тем временем музыка все приближалась и, наконец, достигла входа в храм, и мы увидели, как вошел Альбикормас с сенаторами, подходившими к алтарю с большой торжественностью, во всем их великолепии. Несколько жрецов вышли им навстречу с кадилами в руках и с песнопением. Они три раза поклонились ему и подвели к алтарю, где он и сенаторы отвесили три поклона перед черной завесой, два перед статуей, а затем пошли и сели на

троны, возведенные по обеим сторонам алтаря. Сермодас посадил меня с тремя из моих людей у ног Альбикормаса, а остальных поместил с противоположной стороны. Не успели мы сесть, как жрецы двинулись к молодым людям, о которых мы говорили, и заставили их приблизиться к алтарю. Они разделились на два ряда, мужчины справа, а женщины слева. Как только они подошли к алтарю, главный жрец взошел на возвышение между рядами и произнес им наставительную проповедь. После этого подали факел, зажженный, как я после узнал, лучами солнца, и Альбикормас, спустившись с трона, взял его в руки, зажег им какое-то ароматическое растение, находившееся на алтаре, и встал на колени перед шаром, произнося какие-то слова. Затем он подошел к статуе, перед которой преклонил только одно колено, и также произнес несколько слов, как и перед шаром. Тогда жрецы запели священную песнь, которую подхватил весь народ, а когда они кончили, заиграла музыка. Эта приятная симфония сопровождалась хором таких прекрасных голосов, что нам пришлось признать, что нашу европейскую музыку нельзя было сравнить с этой. Затем главный жрец подошел к девушке, стоявшей первой в ряду, и спросил ее, хочет ли она выйти замуж. Она с глубоким поклоном и красней ответила, что «да». Тот же вопрос он задавал всем остальным и получал от них такой же ответ. Пока он опрашивал девушек, другой жрец задавал тот же вопрос юношам, стоявшим с дру-

гой стороны. Затем жрец вернулся к первой девушке и спросил ее, хотела ли бы она иметь мужем одного из стоявших напротив юношей. И после того как она ответила, что таково и было ее намерение, он взял ее за руку и подвел к ряду юношей, приказав ей выбрать себе мужа. Она посмотрела на первого молодого человека, затем на других и так до шестого, около которого она остановилась и спросила его, хочет ли он быть ее добрым повелителем и верным мужем. Он ей ответил, что согласен, если она полюбит его, как честная и целомудренная жена должна любить своего мужа. И она обещала любить его до смерти. После этого торжественного обещания он взял ее за руку, поцеловал и повел ее на другой конец храма. Все остальные последовательно проделали ту же церемонию и присоединились к первым. Осталось восемь девушек, которым не нашлось мужей, и пять из них от стыда и смущения горько плакали. Другие же три не были столь огорчены, и когда главный жрец подошел к ним, они взяли его за одежду и последовали за ним к Альбикормасу. Он им сказал несколько слов, после чего они подошли к сенаторам и, избрав трех из них, сказали им, что если злой рок помешал им быть единственными женами своего мужа, они избирают их, чтобы снять с себя позор, после того как от них публично три раза отказывались, и просят принять их в число своих жен, согласно законам страны и предоставляемой им привилегии, обещая им вечную любовь и верность. Три сенатора тотчас же

спустились вниз и, взяв их за рукн, подвели к алтарю, где встали рядом с ними, пока попарно устанавливались н остальиые. Этим сенаторам было лет по сорок-пятьдесят, н выглядели оии лучше всех других.

После этого главный жрец обратился к остальным пяти девушкам, желая узиать, не захотят ли онн иметь мужьямн кого-ннбудь нз сенаторов илн другнх государствеиных должиостных лиц, оин же ответили, что, испытав судьбу всего лишь одии раз, оии хотят попытать счастья еще два раза, прежде чем прииять такое решеиие, а затем, опустив покрывала, оии вышли из храма, прн выходе нз которого нх ожндала повозка, чтобы развезтн нх по домам. Как только они вышли из храма, сиова загремела музыка, н Альбикормас, подойдя к алтарю, громко произиес иесколько слов н, взяв за руки трех девушек н трех избраиных имн сенаторов, соединил их руки, сказав нм несколько слов, иа которые оии ответилн глубоким поклоиом. Он проделал то же самое с семью нли восемью другнми и, предоставив оканчнвать церемоннюю иесколькнм сенаторам, вернулся и сел на свой трон. Два жреца перенеслн горевший на алтаре огонь на середнну храма, где новобрачные с благовоннями в руках окружили его, и каждый из мужчин, смешав бывшие у него благовоиия с теми, которые были у женщни, бросал их в огонь. Затем, встав на колеии, каждый из иих клал руку иа золоченую книгу, которую держалн оба жреца. Они клялись в вериостн законам, обещая

свято соблюдать их в течение всей своей жизни, призывая в свидетели клятвы великого бога-солнца и свою родину. Проделав это, они вернулись к алтарю, где Альбикормас произнес короткую молитву, которую они прослушали на коленях, а затем он повернулся к ним и, благословив их, вышел из храма под звуки музыки, в сопровождении всех своих приближенных. Оттуда все прошли в находившийся недалеко от храма зал, где были расставлены столы, на которых тотчас же появились разные кушания. Альбикормас подошел ко мне и к Ван-де-Нюи, сказав, что в этот день мы будем его гостями, и повел нас к своему столу, где посадил нас вместе с сенаторами. Сермодас взял тех моих офицеров, которые пришли вместе со мною, и повел их к другому столу. Каршида и Беноскар взялись отвести домой остальных наших людей, находившихся во время всего торжества в одной из галерей храма. Пир был роскошен, и во время еды играла музыка. После обеда мы отправились в амфитеатр, расположенный приблизительно на расстоянии мушкетного выстрела от храма, и увидели, что улицы, по которым мы шли, были усыпаны цветами. Мы услышали приветственные клики большого количества народа, собравшегося поглазеть на нас. Этот амфитеатр, выстроенный из больших камней, в диаметре имеет не менее пятидесяти шагов, если считать от внешней до противоположной ей стены. Покрыт он сводом необычайной высоты, защищающим его от солнца, дождя и других

превратностей погоды. Вокруг него сверху донизу были места для сиденья, занимавшие бо́льшую его часть, а незначительная часть была занята партером. Когда мы вошли, эти места были уже полны народу, но в партер никого не пропускали, кроме начальствующих лиц, новобрачных и нас. Нас усадили на нижние места, отделенные от верхних балюстрадой, идущей кругом здания. Между тем, некоторые молодые люди стали выступать в борьбе, фехтовании и в других упражнениях, требующих ловкости и проворства, причем проделывали они это удивительно хорошо. После этих упражнений все молодожены стали танцевать. Танцы продолжались недолго, до того момента, как прозвучали трубы, подавшие сигнал к возвращению домой.

Мы вышли тем же порядком, как и вошли, и увидели, что улицы ярко освещены факелами и ракетами, почти превращавшими ночь в день.

Альбикормас и его приближенные заняли места в повозках, чтобы вернуться к себе, новобрачные пошли все вместе попарно в жилища, которые им были приготовлены, а Сермодас отвел нас домой, где объяснил нам отдельные места церемонии.

На следующее утро он пришел спросить нас, не захотим ли мы опять пойти в храм посмотреть другое торжество, являющееся продолжением первого. Мы согласились, и как только мы были готовы, он повел нас ко входу в храм, где задержал нас на некоторое время. Мы не пробыли там и четверти часа, как услышали

приближающуюся музыку и немного спустя увидели подходивших к храму только что женившихся молодых людей. Каждый из них держал в руках длинную зеленую ветку дерева с висевшим на ней венком, в котором каждый из них был накануне, связанным вместе с гирляндой женщины белой полоской, запятнанной кровью, являющейся доказательством девственности новобрачной. Они торжественно вошли в храм, и когда подошли к алтарю, то каждый положил на него свою ветку, принося ее в жертву богу-солнцу и родине, изображаемой статуей кормилицы, о которой я уже говорил.

После этого жертвоприношения они вышли все вместе, принявшись плясать под звуки музыки, и с пляской вернулись к себе домой. Праздник этот длился целых три дня, и в городе царило всеобщее веселье.

Между тем настало нам время покинуть Спорунд и отправиться в Севаринд. Сермодас за день до отъезда пришел предупредить нас об этом. Он повел нас — меня, Ван-де-Нюн и Мориса — к Альбикормасу для того, чтобы проститься с ним. Мы его застали в его доме — красивом дворце, хотя и меньшем, чем городской дворец. Он встретил нас очень приветливо и сказал, что на следующий день мы должны ехать в Севаринд, чтобы предстать перед великим Севаминасом. Затем он спросил нас о наших впечатлениях от Спорунда и о виденном нами торжественном праздновании оспаренибона. Мы ответили ему, что мы в

восторге. «Вы поедете в страну, — добавил он, — где все прекрасно и полно великолепия. Я не хочу утруждать вас описаниями, говорящими в пользу этой страны, вы сами увидите больше, чем я смог бы вам рассказать. Сермодас будет вашим проводником и будет с вами обходиться ласково и дружески, но я прошу вас слушаться во всем его советов и так осторожно держать себя, чтобы великий Севарминас полюбил вас так же нежно, как и я». После этого он нас обнял, поцеловал в лоб и попрощался с нами.

На следующий день с раннего утра нас привели на берег реки, омывающей город с западной стороны, где мы нашли несколько приготовленных для нас лодок. Сермодас подвел меня с тремя или четырьмя моими офицерами к крытой расписной лодке, хотя и небольшой величины, но украшенной скульптурными работами и позолотой. Наши мужчины и женщины разместились в нескольких лодках, и мы стали подниматься вверх по реке без особых затруднений, так как в этом месте она протекает по большой равнине и течение ее очень медленно. На берегах ее мы видели несколько таких же больших строений, как и те, которые расположены ниже города, но рассмотреть их внимательно не могли, потому что мы торопились и плыли очень быстро, имея нескольких гребцов, которые время от времени сменяли друг друга. Мы шли таким образом весь день, с утра и до захода солнца, нигде не останавливаясь, и прибыли в тот же день в город, назы-

ваемый Спороуме, расположенный приблизительно в тридцати милях от Спорунда. Нас в этот день ждали, и на пристани мы увидели, что собралось много народу, вышедшего нам навстречу. Сермодас и мы сошли на берег первыми и встретили местного губернатора, имя которого было Псаркимбас. Он подошел к нам и очень любезно приветствовал нас. Поговорив немного с Сермодасом, он, наконец, подошел ко мне и сказал, что ему было бы очень приятно часок-другой побеседовать со мною. Я ему ответил, что всегда готов повиноваться ему, после чего мы вошли в город Спороуме. Он построен так же, как и Спорунд, но вдвое меньше последнего. Расположен он в очень плодородной красивой местности, и принимали нас в нем так же, как и в Спорунде. Мы пробыли там весь следующий день и ничего замечательного не видели, если не считать примерного наказания, которое было применено к четырнадцати уголовным преступникам. Это происходило приблизительно так: их вывели из тюрьмы привязанными друг к другу веревками и разделенными на три группы. В первой группе было шесть человек, приговоренных, как мы узнали, к десяти годам заключения — один за убийство, другие за супружескую измену. Во втором ряду было пять молодых женщин, из которых две должны были, согласно закону, отбывать наказание семь лет, а после этого они должны были оставаться под стражей столько времени, сколько захотят их мужья, так как они были уличены в неверности.

Другие три были девушки, приговоренные к трем годам наказания за то, что принадлежали мужчинам до оспаренибона, т. е. до свадьбы, которая справляется после достижения восемнадцати лет. Три молодых человека, совратившие их, находились в третьей группе и были приговорены к тому же наказанию, а затем должны были на них жениться. Их вели из тюрьмы до входа в суд, где должна была начаться экзекуция и где собралось множество народа.

Я помню, что одна из тех, которые оказались неверны, была очень красивая и прекрасно сложенная женщина: у нее было совершенное по красоте лицо, черные глаза, каштановые волосы, румяный рот и очень яркий и вместе с тем нежный цвет лица. Ее белая грудь, которая была обнажена, была самой прекрасной формы, которую я когда-либо видел. Это в первый раз ее выставили напоказ всем, так что ее стыд и смущение были велики. Слезы градом текли у нее по щекам, но отнюдь не портили ее красоты, а, наоборот, подчеркивали ее блеск, и ею любовались еще больше. Восхищение порождало любовь, а сострадание, присоединяясь к этим двум чувствам, так тронуло сердца всех присутствующих, что не было ни одного здравого человека, который не переживал бы ее горя. Но сострадание их переходило как бы в великодушное отчаяние, когда они думали о том, что через несколько минут всех этих прелестей коснется жестокая рука отвратительного палача. Все же это был

утвержденный законом акт правосудия за преступление, которое среди этого народа считается одним из самых тяжких, так что было невозможно спасти это прекрасное существо от строгости распоряжений верховной власти. Уже палач занес над ней руку, чтобы ударить ее, как вдруг какой-то человек, пробившись сквозь толпу, громко закричал: «Остановись, остановись!». Все зрители и даже должностные лица повернулись туда, откуда раздался голос, исполнение приговора было задержано до выяснения того, что хотел сказать этот человек. Он подошел к ним, весь запыхавшись, с трудом пробравшись сквозь толпу, и, обращаясь к главному начальнику, сказал, указывая на прекрасную преступницу, что он муж этой женщины и, следовательно, очень заинтересован в совершении экзекуции, но что ему хотелось бы прежде поговорить с ней, после чего ему легче будет высказать ей свои чувства. Получив разрешение, он обратился к женщине, примерно, с такими словами:

«Ты знаешь, Юлисб, как страстно я любил тебя еще за три года до нашей свадьбы. Ты знаешь также, что с тех пор, как нас соединяют священные узы, моя любовь не только не уменьшилась, а разгорелась с новой силой, что обладание, утоляющее страсть почти всех любовников, лишь увеличило мою. Ты знаешь, наконец, что за четыре года, прожитые с тобой, я доказал тебе, что чувство мое — такое нежное и прочное, какого только может ждать жена от своего мужа. Я был уверен, что ты

питаешь ко мне те же чувства, в чем тысячу раз ты мне клялась, и что страсть твоя равна моей; но, несмотря на то, что ты стала мне неверна, я все же думаю, что обладал лучшей частью твоего разделенного сердца, что ты была соблазнена тонкою хитростью вероломного Фланибаса, который бесчестным путем побудил тебя совершить преступление, которого ты по собственному побуждению никогда не совершила бы. Прошло не более двух часов, как мне стала ясна вся правда: я узнал, что ему никогда не удалось бы заставить тебя удовлетворить его незаконные желания, если бы он самыми подлыми способами не заставил тебя поверить, что я причинил тебе зло и совершил с его женою тот проступок, который твое ни на чем не обоснованное возмущение и несправедливая жажда мести заставили тебя совершить с ним. Если бы я раньше узнал все это, ты не была бы здесь и не испытала бы этого позора; я простил бы тебе оскорбление, нанесенное нашему супружескому ложу, и сумел бы так хорошо скрыть твое преступление, что тебе не пришлось бы подвергаться этому суровому и постыдному наказанию. Но ведь прошлого вернуть невозможно и не в моей власти целиком освободить тебя от предназначенного наказания, которому ты должна быть подвергнута во имя законов родины, которой ты нанесла тяжелое оскорбление, я же, по крайней мере, сделаю для тебя все, что могу. И если текущие из твоих глаз слезы действительно свидетельствуют о твоем раскаянии, и если

верно то, что в твоем сердце сохранился остаток той искренней любви, в которой ты столько раз клялась мне и давала столько ясных доказательств, и, наконец, если ты обещаешь навсегда и безраздельно отдать мне свое сердце, что снова вернет мне счастье, я постараюсь назначенное тебе наказание принять на себя. Говори, Юлисб, чтобы твое молчание не было признаком того, что ты мало меня любишь». Сказав это, он замолчал. Его жена еще больше залилась слезами и некоторое время не могла вымолвить ни слова, но, наконец, повернувшись к нему, ответила: «Молчание мое, чересчур великодушный Брамистас,— доказательство не того, что я мало люблю тебя, а скорее отчаяния. Я оскорбила тебя вопреки священным законам справедливости и чести. Почему, слишком великодушный и достойный более верной жены, муж, заботишься ты о коварной изменнице, давшей волю оскорбительной для тебя мести? Зачем тебе страдать от ран, заслуженных мною? Нет, нет, Брамистас, которого я не смею больше назвать своим супругом, не заботься более о несчастной, заслуживающей лишь твоего гнева, а не сострадания, несчастной, которая, однако, всеми силами души готова перенести самые жестокие муки и даже покончить со своей несчастной жизнью, лишь бы искупить свое преступление. Перестань, перестань же ранить мое сердце доказательствами доброты и несравненного великодушия. Брось это вероломное сердце на произвол горя, поглощающего его, и вечных

угрызений совести, испытываемых им от ужаса его ошибки, не противясь больше законному наказанию, суровость и строгость которого я больше чем заслуживаю».

Эти речи вызвали слезы всех присутствующих, но, наконец, муж заставил привязать себя вместо жены и, обнажив половину своего тела, принял удары, предназначавшиеся преступнице. Все остальные также были одновременно наказаны, а затем их заставили три раза обойти вокруг суда. Они были так жестоко избиты, что кровь текла из их ран. После экзекуции их отвели обратно в тюрьму.

Мы узнали, что в подобных случаях заслужившие наказание женщины этой страны пользуются привилегией и могут быть освобождены от экзекуции, если находится мужчина, желающий их заменить, причем до этого случая было несколько таких же примеров любви мужчин.

По окончании экзекуции мы вернулись к себе, где Псаркимбас и я часа два беседовали о делах Европы, так же как я уже разговаривал с Альбикормасом и с другими, обращавшимися ко мне с расспросами.

На следующий день рано утром мы отбыли из Спороуме. Лодки были уже наготове, и Сермодас взял меня и всех тех, с которыми он находился накануне, и посадил нас в самую удобную. Простившись с Псаркимбасом, мы быстро прошли шесть миль от Спороуме до маленького города, состоявшего всего из шести квадратных зданий и носившего название Спо-

роуннд. Здесь мы нашли другого рода лодки, отличавшиеся от тех, на которых мы сюда прибыли: их должны были тянуть лошади, потому что в этом месте было более сильное и быстрое течение и было невозможно продвигаться вперед на веслах. Поднимаясь вверх по течению, мы все больше приближались к высоким горам, открытым де-Хаэсом вблизи озера, которое он увидел на равнине напротив старого лагеря. Они тянулись с востока на запад и были видны настолько далеко, насколько мог охватить взор, и казались они очень высокими и отвесными. Мы их заметили еще раньше, но с этого места они выделялись более ясно и казались очень близкими.

Из Спороунида нас доставили в другое место, где мы взяли новых людей, привезших нас в маленький город Спороуме; там мы снова сменили лошадей и остановились на ночлег в городке, называемом Споравите. Это последнее место, куда мы прибыли по воде; ничего замечательного мы в нем не нашли.

На следующий день с самого раннего утра мы увидели приготовленные для нас разные повозки; мы расселись в них и по суше стали продолжать наше путешествие. Сермодас взял меня вместе с де-Нюи и Морисом в свою повозку, чтобы быть с нами вместе. Река осталась на западе, а мы двинулись прямо к югу, пересекая красивое открытое место, которое понемногу почти незаметно поднималось, приближаясь к горам. Равнина тянулась до самого подножия гор, отчего они и казались такими

высокими и крутыми. По мере того как мы двигались вперед, во многих местах нам встречались красивые и живописные города с квадратными зданиями. К одиннадцати часам мы уже прибыли в город, называемый Спорагуэст; мы отдыхали там до двух часов дня, а затем продолжали наше путешествие до города Спорагундо, куда мы прибыли под вечер и где были приветливо встречены Асторбасом, губернатором города. Этот город, расположенный у подножья гор,— последний город страны Спороумб,— насчитывает четырнадцать квадратных зданий. Мы не нашли в нем ничего замечательного, кроме удивительных каналов, устроенных в различных местах для орошения страны, которая благодаря им и естественному плодородию почвы имеет самые прекрасные пастбища. По этим каналам при помощи различных перегородок, мостов и шлюзов большое количество воды подается далеко в глубь равнины. Эти сооружения настолько крепки и такой изумительной работы, что ничего подобного не могло быть создано в Европе и за пятьдесят тысяч ливров; однако все это было совершено искусством этого народа без денег, которых они нигде в своем государстве не применяют, считая их употребление вредным. Мы три дня пробыли в Спорагундо, отдыхая и осматривая местность, прежде чем направиться в Севарамб, расположенный по ту сторону гор. Наши проводники были столь любезны и вежливы, что совсем нас не торопили и дали нам возможность отдохнуть и развлечься. Во

время нашего пребывания в Спорагундо, Асторбас пожелал нас развлечь охотой и рыбной ловлей. Он подвез нас на повозках до кипарисового леса, тянувшегося на запад. Лес этот в большей своей части насажен аллеями, кроме того места, которое находится у самых гор, где растут разные беспорядочно насаженные деревья. Они очень часты и густы и приносят разные плоды, которыми питаются животные, похожие на барсука, но несколько больше его, имеющие очень нежное мясо. Они в большом количестве водятся в лесу, где никто не имеет права охотиться, кроме губернатора, у которого для этой цели имеются своры собак. Местные жители называют это животное *абруста*. Как только мы подъехали к лесу, мы сошли с повозок и вошли в аллеи, состоявшие, как я уже сказал, из кипарисов, самых высоких и густых, какие я когда-либо видел. Асторбас сказал, что иногда их срубали для корабельных мачт, и такие мачты были несравненно лучше, чем сосновые. Около Спорунда мы видели довольно хорошие кипарисы, но они были вдвое меньше этих, и дерево не было столь крепкое и плотное. Пока мы любовались красотой этих деревьев и их расположением, мы услыхали лай собак, нашедших дичь и гнавших ее к середине леса, где находилось широкое пространство, окруженное густой изгородью. Обычно в этом месте охотятся на абрустов, приходящих ведущими сюда тропинками, убежать же отсюда обратно они не могут, потому что со всех сторон это место загорожено, и

таким образом можно беспрепятственно наблюдать их борьбу с собаками.

Мы быстро побежали к этому месту и встали на небольшой, расположенный посредине него холм, откуда очень хорошо было видно все вокруг. Мы не простояли там и восьми минут, как увидели, что бегут два абруста, преследуемые тридцатью собаками, гнавшимися за ними, но не осмеливавшимися к ним приблизиться; собаки в страхе бросались то в одну сторону, то в другую, как только абрусты поворачивались, чтобы броситься на них. Эти собаки очень ловки, и абрусты, жирные и тяжелые, редко их настигают; собаки настолько привыкли к этой охоте и так хорошо знают силы своего противника, что рискуют собой не больше, чем это необходимо для охоты. Они продолжали преследовать двух абрустов, заставив их обойти три или четыре раза вокруг холма, на котором мы стояли, пока бедные животные не выбились окончательно из сил. Это были самец и самка, которые, как нам сказали, никогда не расстаются. Прижавшись друг к другу, они в течение получаса защищались от всей своры собак, окружившей их и не дававшей им передышки. Изредка они набрасывались на собак, а затем снова становились рядом и защищались вместе. Вдруг один из абрустов лег на живот, делая вид, что не может держаться на ногах, что дало смелость некоторым собакам приблизиться к нему, чтобы на него напасть; но он выбрал подходящий момент и, бросившись на близко подошедшую к

нему собаку, схватил ее за заднюю ногу и сразу сломал ее зубами; затем он стал терзать собаку с величайшей яростью; я никогда не видел более злого и взбешенного животного. Это напугало всех остальных собак, они начали бояться близко подходить к абрустам и стали более осторожны. Это развлечение продолжалось уже достаточно долго, и собак отозвали, а вместо них привели двух больших животных, очень похожих на волков, но с более длинной, вьющейся, как у баранов, шерстью черного цвета. До того момента их держали на привязи, и как только их увидели абрусты, они от страха ощетинились и подняли ужасный вой, зная, с какими опасными врагами им придется бороться, и чувствуя приближение своей смерти. Оба эти животные, называемые *устабарами*, когда были спущены с привязи, будучи трусливыми, довольно медленно стали наступать на абрустов и только описав несколько кругов, стремительно набросились на них. Те довольно долго защищались, но шерсть устабаров предохраняла их от укусов, так что после пятнадцатиминутного боя бедные абрусты от усталости и потери крови не могли больше держаться на ногах и были задушены устабарами. Таким образом охота была закончена.

После этого развлечения Асторбас привез нас обратно в город, где угостил мясом убитых абрустов. Оно оказалось очень вкусным и очень питательным, похожим на мясо косули, которое едят в Европе.

На следующий день Асторбас пришел к нам, чтобы сказать, что после охоты он хочет развлечь нас рыбной ловлей, и просил нас быть готовыми, когда он за нами зайдет, что он и не преминул сделать. Около двух часов пополудни он зашел, чтобы отвести нас к большому огороженному стенами водоему, содержавшему большое количество воды, собирающейся с гор и расходящейся отсюда по нескольким каналам в различные места долины для орошения. Бассейн этот, овальной формы и не менее трех миль в окружности, находится недалеко от города с восточной стороны и содержит несметное количество рыбы. Мы спустились на воду в больших плоских лодках, крытых полотном, служащим защитою от жаркого солнца, которое вблизи гор сильно припекало. По краям этой лодки были устроены отверстия со вставленными в них длинными согнутыми дугой жердями, на конце которых находились удочки и крючки с сырым мясом в виде приманки. Когда мы вышли на середину озера и приладили эти крючки, мы бросили якоря, чтобы остановить лодки. Вдруг мы увидели, как рыбы, величиною почти в семгу, стали выскакивать на два-три фута из воды, чтобы поймать мясо, надетое на крючки. Но эти рыбы очень сильны, и они так тянули за удилища и так глубоко наклоняли в воду жерди, что поломали бы их, если бы они не были сделаны из очень крепкого и очень гибкого дерева. После того как они долгое время бились, они, наконец, повисали на жерди и висели в воздухе

более четверти часа и только после того умирали. Были и такие случаи, что на одну и ту же примаику бросались две-три рыбы и, отталкивая одна другую, мешали друг другу схватить ее; когда же им этого долго не удавалось сделать, то это еще больше занимало нас. Чешуя у них была синяя, и самые большие весили около семи-восьми фунтов. Мясо их плотное, очень нежное и такое же вкусное, как мясо лососевых форелей, которых ловят в Женевском озере. Меньше чем за два часа мы наловили около тридцати штук и получили необыкновенное удовольствие, хотя не без удивления смотрели, как в воздухе ловят рыбу, живущую в воде. Я спросил, как называется эта рыба, и мне ответили, что она называется на местном языке *фостила*.

После ловли фостилы мы с большой лодки пересели на маленькие, более легкие и более удобные для предполагаемого развлечения, которое не было, собственно, ни рыбной ловлей, ни охотой, но которое все же похоже на ту и на другую. В одной стороне бассейна, где более высокий берег, есть одно место, густо поросшее тростником, камышом и другими водяными растениями. Мы приблизились к этому месту и когда оказались от него на расстоянии брошенного камня, то выпустили в воду двух животных, немногим больше кошки и похожих на выдру, но только с серовато-белой шерстью, так что в воде их почти не было видно, потому что цвет их почти не отличается от цвета воды. Они называются *саспема* и, когда

становятся совсем ручными, их употребляют для ловли особого рода уток или водяных курочек, называемых *эбуста*, которые, обладая очень короткими крыльями и жирным телом, не могут далеко летать.

Очутившись в воде, оба саспема поплыли с невероятной быстротой к камышам, из которых они выгнали сразу же десять или двенадцать эбустов. Каждый стал преследовать свою птицу, и мы получили необыкновенное удовольствие, видя, как эти птицы спасаются, то полулетая, то ныряя в воду, а затем прячась в камышах, чтобы укрыться от преследований врагов, которые неотступно плавали за ними и не давали им передышки. Наконец, после многих уверток, эбусты так устали, что почти не могли двигаться, тогда саспемы их схватили за шею и еще живыми принесли в лодку тем, которые их спустили в воду, заботились о них и их кормили. После того как были пойманы эти эбусты, Асторбас хотел наловить их еще больше, но Сермодас не пожелал, сказав, что на этот раз довольно, после чего мы вернулись в город, весьма довольные этим приятным развлечением.

На следующий день мы покинули Спорагундо и пешком шли до гор, пока не попали в узкую долину, лежащую между двух крутых скал и расположенную в одной миле от города. При входе в эту долину Сермодас сказал нам, что через ад поведет нас в рай. Я спросил его, что он хочет этим сказать. Он ответил, что есть два пути, ведущие в этот рай: путь

неба и путь ада, причем последний короче и удобнее, в чем мы убедимся на опыте. Этот разговор расстроил нас и, дойдя до слуха наших женщин, испугал и удивил их. Мы шли, боясь просить объяснений у Сермодаса, видя, что на наши первые вопросы он ответил лишь улыбкой и предложил испытать на опыте оба пути.

Когда мы углубились в ущелье, мы пришли к месту, откуда была видна высеченная в скале дорога. Надо было подняться на пять-шесть ступеней, за которыми шла ровная дорога до нового выступа, где оказались еще ступени, и т. д.

Таким образом, мы поднимались с этажа на этаж пять раз, а затем оказались у подножья большой отвесной скалы, посредине которой увидели очень темную пещеру, ведущую, как нам сказал Сермодас, в рай, о котором он нам говорил; сюда наши вещи были уже подняты на санях. В то же время он обратил наше внимание на то, что слева от пути, по которому мы шли, была гладкая тропинка без ступеней, по которой могли скользить сани, подтягиваемые кверху на толстых веревках при помощи особых колес, которые крутили люди. Когда мы поднялись ко входу в пещеру, то увидели, что по обе стороны ее находилось по дому, откуда были вынесены факелы, чтобы освещать нам путь в темноте, и плащи из клеенок на подкладке из бумажной материи, чтобы защитить нас от холода и сырости. При входе в пещеру мы нашли длинные сани, приготовленные для беременных женщин и для тех, кто не мог идти, причем нам сказали, что в

пещере приготовлено еще несколько саней для той же цели. Все это привело нас в изумление, однако мы все решили твердо идти туда, куда нас поведут, доверившись воле судьбы. Но женщины наши принялись рыдать, как будто бы их вели на казнь. Сермодас был сильно удивлен этим. Я спросил о причине их слез, но никто из наших мужчин не смог мне ответить. Это заставило меня самого к ним подойти и спросить о том, каковы причины их горя. Тогда они подняли руки к небу, били себя в грудь и стали говорить, что всех нас ждет гибель после того, как мы спаслись от бури и волн, от ужасов пустыни, где могли умереть от голода и жажды, что наша участь весьма печальна: после того как нам показали места, где мы наслаждались видимым счастьем, нас привели туда, откуда до часа нашей смерти мы попадем в ад, и что все то добро, которое мы видели, делалось лишь для того, чтобы нас легче заманить к месту, предназначенному для наших мучений. Последовавший за мною Сермодас, услышав их жалобы, обратился ко мне: «Я вижу,— сказал он, бросив на женщин взгляд, в котором, кроме жалости, сквозило желание посмеяться над их заблуждением,— что плач и стенания этих несчастных женщин происходят от их воображения, в чем легко их будет разубедить; я очень огорчен, что у них сложилось мнение, причиняющее им столько горя и столь удивляющее меня. Я в некотором роде пошутил, когда сказал вам, что хотел провести вас в рай через ад, и так как я не поже-

лал давать объяснения по этому поводу и отвечать на вопросы, которые вы мне задавали, эти бедные женщины, увидев пещеру, куда мы должны войти, без сомнения, вообразили, что я говорил серьезно и что мы собираемся вас низвергнуть в ад. Но, желая успокоить их, я хочу разъяснить эту загадку и расскажу им, что ад — это не что иное, как эта пещера, которую мы устроили для удобства прохода сквозь гору. И если мы не пойдем этим путем, то нам придется сделать большой крюк и подниматься на вершину горы. Это то, что я назвал путем неба, в то время как этот подземный ход назвал путем ада. Вот в нескольких словах объяснение этой загадки. К тому же, если и есть опасность, то я ей буду подвергаться так же, как и вы, и для вашего большего удовлетворения я не хочу, чтобы вы все вместе подвергались этой опасности: пошлите со мной только несколько человек из ваших, которые, пройдя пещеру, смогут вернуться обратно и рассказать вашим людям, что они видели». Эта речь, которую я повторил нашим крикуньям, успокоила их страхи, и мы, извинившись за них перед Сермодасом, обратились к нему с просьбой простить им слабость их пола и не приписывать их вины нам. Мы получили столько доказательств доброты его начальников и его доброты в особенности, что не могли в ней сомневаться, не могли опасаться чего-либо плохого со стороны тех, кому мы были обязаны жизнью и всем тем, что мы имели. «Я прощаю им от чистого сердца,— ответил он,— но я стою

за то, что сказал, я не хочу, чтобы более десяти человек из ваших прошли через этот воображаемый ад, и хочу, чтобы остальные послушали описание всех увиденных ими ужасов. Так что не будем больше спорить, я вас прошу выбрать тех, кого вы захотите послать со мною в подземелье». Увидев, что Сермодас решил не отступать от своего слова, я взял с собою Ван-де-Нюи, Мориса, Стюара и еще нескольких своих офицеров для того, чтобы сопровождать его. Итак, завернувшись в плащи, мы последовали за факелами, зажженными для освещения пещеры. Она была высечена в скале в форме свода и внизу могла быть шириною около пяти туазов [9], а вверху — до трех с половиной. Левая половина пещеры не имела ступеней, и по ней тащили сани, а правая половина состояла из нескольких соединенных друг с другом этажей, к которым легко можно было подниматься по ступенькам. Всего было двадцать шесть этажей. Когда мы почти дошли до противоположного конца и до выхода оставалось около мили, Сермодас сказал нам, что пещера создана природой и что их усилиями лишь облегчен подъем и расширены те места, где она суживалась. И действительно, мы заметили, что пещера как с той, так и с другой стороны не была одинакова, она местами сильно расширялась, и виднелись сверкающие, как хрусталь, сталактиты, образовавшиеся из породы соли, выделявшейся по каплям из горы и затем превратившейся в камень, приняв причудливые формы. В этом месте было холоднее

и более сыро. Мы признали, что плащи были нам весьма полезны при этом переходе. Кроме того, мы заметили, что там, где пещера была естественной, она не была такая прямая и имела больше поворотов, чем там, где она была создана руками людей. В двухстах шагах от выхода она сильно расширялась, и тут Сермодас показал нам большие сосуды — глиняные, металлические и стеклянные,— наполненные различными веществами, применяемыми в медицине, которые изготовлялись здесь, потому что место было холодное и сырое. Отсюда мы двинулись дальше и, наконец, достигли выхода из пещеры, имевшей в длину мили три, и сразу же вышли на очень красивую улицу первого города Севарамба, называемого Севарагоундо. Он расположен посреди длинной долины, покрытой прекрасными лугами, и начинается тут же у подножья горы, где находится выход из пещеры, так что, как только выходишь из подземелья, сразу же попадаешь в город.

Губернатор по имени Комустас, который встретил нас при выходе, как только мы вступили на землю Севарамба, выразил радость по поводу нашего прибытия и повел в большой квадратный дом такого же вида, как и в Спорумбе. Комустас был смуглый, высокого роста человек лет сорока, имевший очень приятную внешность. Он осведомился, где остальные наши люди. Сермодас рассказал ему о том, что случилось при входе в пещеру, о паническом ужасе наших женщин, не понявших смысла его шутки; мы с удовольствием провели с ним

остаток дия. Это приключеиие рассмешило его, ио вместе с тем, — сказал он, —ему очеиь приятио, что ошибка иаших жеищии доставила ему удовольствие прииять иас у себя, и ои постарается сделать это как можио лучше, а в ожидании, пока ои пойдет дать распоряжение, касающееся иашего приема и приема иаших людей, ои просил иас освежиться и иемного отдохиуть. Некоторое время спустя он вериулся и предложил иам пообедать, что мы и сделали. После обеда мы послали Стюара и де-Хаэса к иашим людям, чтобы привести их в Севарагоуидо, т. е. к воротам или входу в Севарамб. *Гоундо* на их языке озиачает дверь или вход, и поэтому город, здесь расположеииый, так и иазывается, а город, иаходящийся на противоположной стороне, — Спорагоуидо, т. е. ворота или вход Спорумба.

После обеда Комустас повел иас гулять в иебольшую рощу, расположеииую у иижией части города, где протекает быстрая как поток речка, которая течет с запада иа восток и с шумом устремляется через миогочислеииые скалы, образуя красивый водопад. Из этой рощи видиы были очень высокие горы с растущими иа них большими соснами. Во многих местах долины мы тоже видели деревья, но ие знали, какие оии. Мы попали туда в хорошую пору: эти зеленые деревья и протекающая в долине река создавали очеиь приятную свежесть. Комустас сказал нам, что если у нас есть время погостить у иих, то он может развлечь нас охотой на медведей, изываемых на их языке

сомуга, которых много водится в этих лесах, а также и на других животных, совсем белых, по породе приближающихся к медведю, называемых ими *эрганта*. Но Сермодас, поблагодарив его, сказал, что мы можем остаться только до завтра, и просил его все приготовить к нашему отъезду. «Ну, что же, — сказал он, — если у вас нет времени, чтобы посмотреть охоту, по крайней мере вы можете увидеть рыбную ловлю в ожидании прихода ваших людей». Сермодас ответил ему, что это очень приятное развлечение, и он с удовольствием примет в нем участие. Комустас дал распоряжение и повел нас на полмили вверх от города, в то место, где река образует водопад, о котором мы говорили. Тут находятся скалы, преграждающие ее течение, от этого вода подымается и образует нечто вроде озера, по которому можно плавать на лодках. Их оказалось там четыре или пять. Усевшись в одну из них с губернатором, мы стали смотреть, как ловят небольшую нежную рыбу, похожую на европейскую форель, но еще более плотную и еще более вкусную. Ее ловят при помощи бакланов, которым перевязывают шею, чтобы они не проглатывали рыбу. Их спускают с привязи, и эти птицы, поймав свою добычу, приносят ее в лодку. У нас их было три, и они в течение часа наловили более пятидесяти фунтов рыбы. После рыбной ловли мы вернулись в город, где застали всех наших людей, которые были в восторге, что так дешево отделались от ада. Комустас разместил их, и таким образом мы мирно

провели ночь в Севарагоундо. Мы рассчитывали уехать рано утром, но ко мне пришли и сообщили, что у одной из наших беременных женщин, которая сильно перепугалась при виде так называемого ада, наступили преждевременные роды и она находится при смерти. Я предупредил об этом Сермодаса, но он ответил мне, что это не может задержать нашего путешествия. Ее оставят с кем-нибудь из наших людей в Севарагоундо, где она ни в чем не будет испытывать недостатка, а Комустас позаботится о том, чтобы ее отправить к нам, когда она поправится, или о похоронах, если она умрет. После этого приказа мы сели в приготовленные для нашего путешествия повозки и поехали вдоль реки вверх по долине до селения, состоящего всего из четырех квадратных зданий, носящего название Диэиесте, где мы сменили лошадей и отдыхали с одиннадцати до двух часов. Это селение расположено в пятнадцати милях от Севарагоундо на той же реке и в той же долине; здесь есть еще одна долина, примыкающая к тому месту, где находится это селение,— именно туда лежал наш путь, и к двум часам мы сели в повозки и проехали десять или одиннадцать миль по этой новой долине, которая очень живописна и плодородна. Мы встретили там невероятное количество стад. Наконец мы подъехали к подножию горы, где кончается долина; здесь оказался городок, состоящий из четырех квадратных строений, называемый Диэмеке, где мы и заночевали. Гора, к которой примыкает эта до-

лина, не очень высока и имеет почти гладкую поверхность лишь с небольшими холмами, но с двух сторон она окаймлена скалами, очень крутыми и почти недоступными. Никакой дороги мы не видели и не могли понять, как можно на нее взобраться. Но спросить об этом у Сермодаса мы даже и не смели из опасения, что наше любопытство он снова примет за подозрение. На следующий день Сермодас спросил у меня, будем ли мы испытывать тот же страх при подъеме на небо, какой был проявлен при спуске в ад, и просил меня узнать об этом у наших женщин. Они же, признавая неосновательность своих первых страхов, после наших увещаний следовать за нами всюду без сопротивления и без тревоги, ответили, что пойдут за Сермодасом туда, куда он их поведет. Этот ответ заставил его улыбнуться, и он сказал, что раз мы так думаем, то он поведет нас на вершину горы дорогою, которая, быть может, нас удивит, но опасности никакой не представляет, причем он пойдет первым. После этого он вывел нас из ворот в длинной стене, тянущейся с одного конца долины до другого и находящейся у самого подножия горы. За этой стеной мы увидели несколько больших саней, привязанных к толстым канатам, спускавшимся с вершины горы, где, как нам сказали, они были закреплены. Каждые сани вмещали по двадцати человек, и края их были обиты досками соразмерной высоты, в особенности сзади, где были устроены сиденья и находились веревки, за которые можно было держаться. Сермодас ска-

зал мне, чтобы я выбрал тех, кого я захочу взять с собой в его сани. Не успел я это сделать, как он сел в сани и, показав пример, предложил нам сделать то же самое. Как только мы уселись, заднюю половину саней прикрыли толстым полотном, поверх которого пустили веревки и привязали их к краям саней, так что опасность падения для нас была совершенно исключена. Когда это было сделано, дали свисток и дернули тонкую веревку, протянутую к вершине горы, и мы почувствовали, что сани стали потихоньку подниматься. Когда мы поднялись до середины горы, то увидели в отверстия, сделанные по бокам саней, другие сани, такие же, как наши, которые спускались вниз и своею тяжестью поднимали наши. Эти вторые сани были привязаны к другому концу того же каната, скользившего по вертящейся оси, прочно укрепленной на вершине горы. Этим способом мы легко совершили подъем без помощи людей или лошадей, а только лишь силой тяжести, большей, чем наша, которая, опускаясь, поднимала нас. Когда сани, в которых мы поднимались, остановились, мы остались тут же, чтобы посмотреть, как будут подниматься другие; они также благополучно и без всяких злоключений поднялись наверх. Тем временем на вершине горы нам были приготовлены повозки, в которых мы очень быстро пересекли равнину, миль в двенадцать длиною, до противоположной стороны горы. Эта равнина представляет собой пастбище, где пасутся бесчисленные стада, находящиеся там

в течение восьми месяцев в году, а затем перегоняемые вниз в окрестные долины, потому что равнина в это время года из-за снега делается необитаемой. Поэтому здесь не было ни городов, ни сел, а только несколько маленьких деревушек и несколько домов, построенных для удобства пастухов. На местном языке эта равнина называется *омбеласпо*. По ту сторону ее мы увидели сани, такие же, как те, в которых мы поднимались, и мы ими воспользовались, чтобы тем же способом спуститься в круглую долину, которая носит латинское название Convallis, где мы увидели город в десять квадратных домов под названием Омбелнид. Нас очень приветливо встретил Семудас, губернатор города. Мы там переночевали и нас принимали так же, как и всюду. Ничего необыкновенного мы там не заметили, кроме того, что мужчины были лучше сложены, а женщины белее и краснее тех, которых мы видели раньше.

Семудас сказал нам, что на нашем пути мы увидим армию, которая раскинула лагерь у подножия горы в начале долины, где она уже пробыла десять дней и пробудет еще некоторое время. Он также рассказал нам о случае, происшедшем с одним офицером, настолько пренебрегшим своими обязанностями, что его захватили врасплох на выгодной позиции, которую ему надлежало охранять, а позицией завладела часть его врагов. Это наделало в армии много шума, и он думал, что этого офицера должны наказать, в пример другим, хотя его многочисленные друзья хлопочут за него,

а своим прошлым поведением он стяжал себе доброе имя.

На следующий день рано утром мы выехали из Омбелинда, расположившись на верблюдах; на каждом из них умещалось по пяти человек в особых корзинах, в которых были устроены сиденья. На этих животных очень удобно и безопасно мы были доставлены к подножью горы окольным путем, пересекавшим большую долину, где мы увидели реку, достаточно глубокую, чтобы быть судоходной, если бы не пороги и не слишком быстрое течение. У подножья горы мы нашли город в шесть квадратных домов под названием Аркропс; он находится в шести милях от Омбелинда, где оказались повозки, которые нас отвезли к месту ночлега, расположенному в тридцати милях оттуда. Отдохнув, мы сели в повозки и поехали по долине вдоль реки. Наконец, мы прибыли в город, называемый Аркропсинд, где на следующий день мы должны были погрузиться в лодки, чтобы пройти водою остальной путь до Севаринда. Этот город расположен в начале широкой долины при слиянии двух рек так же, как и Спорунд. С двух сторон его окружают высокие, покрытые лесом горы, а вдоль одной из сливающихся рек лежит живописная равнина, на которой виднеется город и какие-то строения. Первая из рек, которые мы увидели, гораздо меньше другой и впадает в нее в том месте, где расположен город, протекая с востока на запад. Другая же, наоборот, медленно течет с запада на восток, а когда они слива-

ются, то течение их идет на юго-запад, образуя большую судоходную реку, называемую Северинго, в которую впадают три или четыре больших реки до того места, где расположен Севаринд. Бразиндас, губернатор Аркропсинда, почтенный и важный старец, в сопровождении нескольких наиболее видных людей города вышел нас встретить к воротам и провел нас в большое квадратное здание, где мы должны были остановиться. Мы думали выехать на следующий день, но два соображения нам воспрепятствовали. Первым был сильный дождь, ливший всю ночь, от которого так вздулась река, что было рискованно пуститься в путь, не подвергая себя большой опасности. Вторым соображением было желание посмотреть армию, находившуюся лишь в трех милях от Аркропсинда. Нам также было интересно посмотреть и город, который очень красив и почти такой же большой, как Спорунд. Все эти причины заставили Сермодаса дать нам несколько дней отдыха в Аркропсинде, где, как утверждали Бразиндас и его приближенные, им будет очень приятно задержать нас на некоторое время.

Тем временем снова наступила хорошая погода, и на следующий день Сермодас пожелал погулять со мною в саду губернатора, который мне очень понравился: там было много прекрасных аллей, красивые, покрытые цветами клумбы и различные бассейны с необыкновенными фонтанами. «Какова страна, и нравится ли она вам?» — спросил он меня. Я ему отве-

тил, что я в восторге и что трудно было бы иайти более красивые места. «Ну, что же, — сказал ои, — я очеиь доволеи, что вам поиравилось, ио до Севариида вы увидите еще миого иитересиого, и вам еще более поиравятся места за пределами этого большого города. Нам пришлось выбрать более длиииую дорогу, ехать другим более коротким путем мы ие могли, потому что иекоторые горные проходы очень узки и повозки ие могут пройти по иим, там иадо идти пешком или ехать верхом иа лошади, а кроме того, этот путь ие столь прияти, как тот, которым мы следовали, и иа ием отсутствует удобство, которое дает река. Та река, которую вы видите на западе, течет издалека,— продолжал ои, — она ие быстрая и глубокая, оиа же омывает остров, на котором расположеи город Севариид. Вы видите только иачало прекрасиой страны, по берегам реки вы увидите живописиые поля, города и постройки, вместо гор и скал, иаходившихся на вашем пути с момеита отбытия из Севарагоунда, а когда вы позиакомитесь с чудесами Севаринда, вы призиаете, что я вас привел в земной рай через ад, которого так испугались ваши женщины». Заметив, что Сермодас в таком хорошем иастроении, я осмелился задать ему иесколько вопросов отиосительио виденных мною вещей, для меия иепоиятных. Первым моим вопросом было — почему имена всех тех, с которыми мы встречались, окоичивались на «ас». Ои ответил, что это окоичание является призиаком зваиия и дается лишь лицам, занимающим по-

четные должности, и кроме того, есть еще один признак звания, который дается лишь одному вице-королю солица, — это начало имени Севариаса, их законодателя, что я мог заметить также и в имени тогдашнего вице-короля, которого звали Севарминас. Затем он добавил, что с начальных букв этого имени начинались названия всех значительных мест, например, всей страны до гор, которая называлась Севарамб, и столицы, называемой Севаринд. Все это делалось в честь великого Севариаса, до которого страна называлась Струкарамбе, а жители струкарамбами. «Когда вы выучите наш язык, — добавил он, — вы узнаете всю правду о рассказанном мною, прочтя историю Севариаса и его преемников, которая вам должна показаться очень интересной и полной доблестных примеров». Я еще попросил его сказать мне, каким образом была прорыта гора около Севарагоундо и сколько стоили эти работы. Он ответил, что работа эта стоила только труда по прорытию горы и что предки их работали десять лет: занято было четыре тысячи рабочих, которые работали ночью и днем посменно, кроме торжественных праздников; большая общественная польза, выражавшаяся в сокращении пути в Спорунд, была главной причиной, побудившей их предпринять эти работы, к тому же и сама природа способствовала им, так как под горою ими была найдена длинная пещера. «Эта работа, — продолжал он, — была трудна, но для нашего народа нет ничего невозможного из того, с чем могут

справиться люди. У нас частным лицам ничего не принадлежит, все принадлежит обществу, которое распоряжается всем и осуществляет все большие мероприятия без золота и денег. Вы увидите работы, еще более значительные, чем все то, что вы уже видели, и я думаю, что вы будете не менее удивлены. Но когда вы изучите наш государственный строй, что не представляет труда, вы перестанете удивляться, а будете восхищаться высокими достоинствами и несравненным счастьем великого Севарнаса, являющегося творцом и, после бога, источником нашего благосостояния». Затем он рассказал мне еще о некоторых особенностях законов, нравов и обычаев севарамбов, о которых я буду говорить позднее. Я поблагодарил его за любезные объяснения и попросил объяснить мне одну вещь, которая меня удивляла и которую я никак не мог понять: где он научился говорить по-голландски и отчего их обычаи столь мало отличаются от обычаев европейских народов. «Вы мне задавали уже этот вопрос в Спорумбе, — ответил Сермодас, — но, недостаточно зная вас и к тому же имея причины умолчать о том, что вам хотелось знать, я не захотел вам объяснять, а сейчас я это с удовольствием сделаю. Так знайте, что я бывал на вашем материке и, прожив несколько лет в Персии, я переодетым, под видом перса побывал в Индии. Я побывал при дворе Великого Могола [10], оттуда поехал в Батавию и другие голландские колонии, где пробыл довольно долго, чтобы изучить язык. Я хорошо говорил

по-персидски еще до отъезда из Севаринда, где этот язык широко преподается. Со мною вместе были два товарища, которые еще живы и будут очень рады побеседовать с вами и с вашими людьми и, несомненно, готовы будут оказать вам все те услуги, какие смогут, когда вы приедете в великий город, где они также живут, как и я. Я ведь не живу в Спорунде, как вам могло показаться, хотя там часто бываю. Будучи в Спорунде, когда Каршида и Беноскар привели Мориса и его товарищей, я был избран Альбикормасом, чтобы поехать за вами в ваш лагерь, а затем я получил приказание доставить вас в Севаринд. Что же касается замеченного вами сходства нравов и обычаев с нравами и обычаями народов вашего материка и иностранных языков, на которых мы говорим, то вы перестанете удивляться, если я скажу, что Севариас, наш первый законодатель, по своему рождению и происхождению был персидским вельможей. Он побывал во многих местах Азии и Европы, с самого раннего детства был обучен греческому языку и многим наукам учителем-венецианцем Джованни, сопровождавшим его в эту страну и оставившим после себя потомство, сильно увеличившееся после его смерти. Этот Джованни был неразлучным спутником Севариаса во всех его путешествиях, его верным советником во всех мероприятиях и в особенности при установлении законов и нравов, которые они нашли наилучшими. Для этой цели как из древних, так и из новых книг, из наблюдений, сде-

данных ими во время путешествий, и из своих собственных познаний они извлекли те законы и правила праведной жизни, которые и установили среди нас. Но ни один человек в мире, даже самый мудрый и просвещенный, не может предусмотреть далекого будущего и не может сам обо всем позаботиться; великий Севариас, признавая эту истину, установил закон, которым он разрешил своим преемникам и даже приказывал им после его смерти издавать такие же приказы и правила, которые они найдут необходимыми для продолжения счастья и славы нации. Между прочим, он советовал им соблюдать простоту нравов и приказал не вступать в сношения с народами другого материка из опасения, что своими пороками они заразят также и севарамбов. Однако среди порочных людей часто встречаются люди с большими способностями или к политике, или к наукам, или же к искусству, и Севариас находил неправильным, избегая их пороков, пренебрегать их достоинствами и оставлять без внимания хорошие примеры и полезные изобретения, которые можно позаимствовать у китайцев и у других народов вашего материка. Поэтому он распорядился, чтобы было введено широкое преподавание персидского языка, и время от времени в Персию посылались люди, уже хорошо изучившие язык, а оттуда они могли ехать путешествовать по другим странам и отмечать все значительное для того, чтобы из этих наблюдений можно было извлечь все ценное и полезное для применения среди нашего

народа. Это выполнялось всегда — с самого начала существования государства и до нашего времени. И таким образом, при помощи людей, которых мы посылаем в Азию и Европу под видом и в одежде персов, мы время от времени узнаем все, что происходит среди наиболее известных наций вашего континента, знакомимся с их языками и пользуемся всеми познаниями в науках, искусстве и обычаях, которые, по нашему мнению, могут способствовать благосостоянию нашего государства. Вот в нескольких словах то, что я счел нужным сказать, чтобы удовлетворить вас и умерить ваше удивление».

После этого разговора Сермодас сказал мне, что на следующий день он нам покажет армию, которая весьма достойна нашей любознательности. На следующий день Бразиндас послал предупредить нас, чтобы мы приготовились сопровождать его в лагерь. Немного спустя он явился сам и повел нас с собой завтракать. Он сказал мне, чтобы я послал за теми из своих офицеров, которых я пожелаю взять с собой, чтобы показать им армию, и просил сообщить ему число их, чтобы он мог заказать такое же количество лошадей и *банделисов*. Он добавил, чтобы я не беспокоился о верховых животных, потому что их у него уже было наготове более ста и, если понадобится, в течение часа он сможет достать в три раза больше.

Он сказал это с несколько гордым видом, что доказывало, помимо богатства страны, и его авторитет, который чувствовался во всем.

Действительно, нет монарха с более неограниченной властью, чем губернаторы всех городов этой страны, где все общественное достояние и общественные интересы вверены им и где их приказания точно исполняются, если они соответствуют установленным законам. Как только Бразиндас окончил говорить, я послал Мориса предупредить всех моих офицеров, которые не замедлили явиться и были отведены завтракать в другую комнату. Затем мы спустились во двор, где мы увидели повозку, запряженную шестью большими вороными лошадьми, несколько верховых лошадей и столько же банделисов. Банделис — это животное, несколько большее и более сильное, чем олень, туловище его отличается от оленя немногим, голова же его очень похожа на голову козы, у него небольшие белые прозрачные рога, между которыми растет большой пук черной шерсти, короткой и вьющейся, гривы у него нет, а хвост маленький, короткий и густой, шерсть у него очень короткая и блестящая, как у выхоленной лошади. Банделисы бывают разных мастей, питаются они травой, сеном, листьями, зерном и различными кореньями, которыми их кормят. Копыта банделисов похожи на копыта мула, и подковывают их так же, как у нас лошадей, во многом им уступающих по быстроте и ловкости. На них надевают седло и род уздечки без удил, вместо которых на нос надевается зубчатая железка, причиняющая им боль, когда дергают за поводья, и заставляющая их прежде всего останавливать-

ся. Это животное очень тихое, и с ним обращаться нетрудно.

Бразиндас посадил Сермодаса, Ван-де-Нюи и меня в свою повозку, а наши люди расселись на лошадей и баиделисов, и мы все вместе двинулись в лагерь вдоль реки и постепенно снижающихся по мере приближения к равнине гор, у подножья которых мы увидели армию, расположившуюся на берегу стекавшего с гор ручья, который, огибая лагерь, впадал в реку. Когда мы подъехали, солдаты как раз начали готовиться к бою, и с необыкновенной быстротой, менее чем через час, вся армия была под ружьем. Она вытянулась в одну линию и насчитывала около двенадцати тысяч человек, я не смею сказать мужчин, потому что женщины составляли более трети ее. Но это были воинственные женщины, они все были вооружены и в строевом ученьи отличались такой ловкостью и занимались своим делом с такой охотой, как ни один мужчина, и притом выполняли свои обязанности с большой точностью. Были тут и пешие, и конные, треть армии составляла кавалерия, состоящая большею частью из женщин. Вся армия была разделена на три части, державшиеся особняком и имевшие три отдельных лагеря, отделенных один от другого забором. Женатые мужчины занимали со своими женами средний лагерь, девушки — левый, а холостые мужчины — правый. Тот же порядок сохранялся и в строю, когда они находились под ружьем. Я уже говорил, что, согласно законам севарамбов, все девушки должны

были выходить замуж по достижении ими восемнадцатилетнего возраста, а юноши женились, достигнув двадцати одного года. Отсюда легко можно судить, что левое крыло армии состояло из девушек, находившихся в цвете лет и красоты. Так что не думаю, чтобы могло быть более прелестное зрелище, чем эта цветущая молодежь, которая, помимо красоты, присущей этой нации, обладала необыкновенной ловкостью и грацией в обращении с оружием, в чем она упражнялась с семилетнего возраста. Девушки-кавалеристки сидели верхом на банделисах и были вооружены лишь пистолетами и шпагами. На них были надеты каски, украшенные перьями с султаном посредине, что придавало им гордый вид и новый блеск их красоте. Они были в легких латах из жести или же светлой меди, а от пояса почти до колен было надето нечто вроде разрезанной спереди и сзади юбки, прикрывавшей штаны и позволявшей видеть их ноги, обутые в короткие, доходившие до колен сапоги. Пешие были вооружены копьями и луками, это были более сильные, более крепкие и даже менее молодые женщины, чем те, которые были верхом. Копейщицы были одеты так же, как кавалеристки, но только без сапог, и вместо двух пистолетов у них был лишь один, подвешенный к поясу повыше шпаги. Женщины, стрелки из лука, не имели ни касок, ни лат, они были в зеленых шапках и в длинной одежде того же цвета, представлявшей собой род тоги, которую они подбирали и подвязывали поясом, так что

вндны были их штаны и обувь того же цвета. Вооружены они были лукамн и колчапами, наполненнымн стреламн, сбоку внсела шпага, а на поясе был пистолет, как и у копейщиц. Девушек-пехотинок было всего два полка и столько же кавалеристок.

Юноши былн верхом на больших лошадях, онн былн в железных касках и латах, как и у нас в Европе, и вооружены короткнми мушкетами, пистолетамн и саблями, совсем как наша кавалерня, сапогн нх также ннчем не отличалнсь от нашнх. Был однн эскадрон, вооруженный пиками и круглыми щитами, который, будучи введен в действие, под прикрытнем своих щнтов разбнвал кавалерню илн инфантерию противнка, выводя их нз строя стремительностью нападения. Они сидели верхом на самых снльных лошадях, и позади каждого из ннх сидел пехотинец, вооруженный только шпагой и пистолетом; он легко садился на круп лошади своего наезднка и так же легко мог соскочнть, когда это было необходнмо. Пехота состояла нз копьеносцев, вонов с алебардами, мушкетеров и, кроме того, вонов с луками, вооруженных почтн так же, как и женщины. Женатые людн разделялнсь также на пехоту и кавалерню и вооружены былн так же, как и остальные, а отлнчалнсь они по возрасту и цвету одежды: мужчнны былн верхом на лошадях, а их жены рядом с ннмн на банделисах. Точно так же было и в пехоте.

Каждый полк нмел флагн н знамена, похожие на наши. Барабаны, трубы, лнтавры,

корнеты, флейты и гобои задавали воинственные концерты, способные воодушевить самых нерешительных. Как только армия пришла в боевой порядок, Сальброитас, ее генерал, в сопровождении нескольких офицеров приблизился к Бразиндасу, чтобы приветствовать его, то же он сделал и в отношении Сермодаса, и, поговорит с ними, они подъехали к нам. Генерал, приветствовав всех нас легким поклоном, направился ко мне, как бы желая со мной поговорить. Сермодас подал мне знак, чтобы я двинулся ему навстречу. Так я и сделал. Я поклонился ему до луки седла своей лошади: мы все, сойдя с повозки, сели верхом на лошадей. Он сказал мне сначала по-испански, что он узнал, что я начальник иностранцев, потерпевших крушение у берегов Спорумба, и что он о нас уже слышал и в особенности обо мне. Ему известно, что я бывал на войне, и отчасти поэтому, а также из-за похвал, расточаемых мне Сермодасом, он уже почувствовал ко мне большое уважение, и ему было бы очень приятно, если бы я узнал порядки их армии и потом высказал ему свое мнение. Поэтому он и просит, чтобы я поехал рядом с ним, по его левую сторону. Одновременно он просил Бразиндаса и Сермодаса сопровождать его с правой стороны и провел нас вдоль строя, показав нам все то, о чем я уже говорил. Затем он сказал мне, что он провел семь или восемь лет в путешествии по нашему материку, видел в Европе несколько армий, и что большая часть их порядков вела свое происхождение оттуда

Всё войско приветствовало своего генерала, пока он ехал от одного конца фронта до другого, и когда мы находились как раз около боевого корпуса, один батальон вдруг раздвинулся, чтобы дать место десяти артиллерийским орудиям, из которых в виде приветствия был дан залп. Мушкетеры в свою очередь сделали то же самое. После этого войска разделились пополам и выстроились на два фронта, образуя как бы две враждебные друг другу армии. Тогда начались маневры, и с большим искусством, пылом и точностью была разыграна мнимая битва. Из огнестрельного оружия стреляли только порохом, копья, алебарды и пики слегка лишь сталкивались, а воины с луками выпускали стрелы в воздух.

Я осведомился у Сальбронтаса, почему они употребляли стрелы и копья, от которых мы в Европе отказались как от малополезной вещи. «Вы отказались от их употребления, — ответил он,— скорее из прихоти, чем из здравого смысла, потому что, если бы вы лучше взвесили пользу, которую они приносят, вы продолжали бы их применять, если не целиком, то частично, как это сделали мы. Мы пользуемся стрелами, чтобы в самом начале битвы внести беспорядок в ряды кавалерии, и копьями — чтобы окончательно вывести ее из строя, после того как наши воины с луками внесли замешательство в ее ряды. За время двух мушкетных выстрелов можно выпустить десять стрел, причем они не убивают лошадей, а только ранят и раздражают их так сильно, что делается

невозможно их удержать в строю. нужно лишь некоторое количество раненых лошадей, чтобы привести в беспорядок целый эскадрон, и вот тогда наши копья совершают чудеса, расстраивая окончательно его ряды и заканчивая то, что стрелы сделали лишь наполовину». Он мне еще много говорил по этому поводу, что заставило меня преклониться перед его здравым смыслом. Как только окончились маневры, на середину между двумя фронтами вывели трех юношей, которых застали в лагере девушек, куда они отправились ночью, чтобы повидаться со своими возлюбленными; они уже перешли заграждение, когда их поймали. Они так и не назвали имен девушек, к которым они шли, хотя было сделано все возможное, чтобы заставить их говорить, и пожелали одни подвергнуться наказанию, накладываемому дисциплиною за такого рода проступки, не вмешивая своих возлюбленных, которые понесли бы то же наказание, если бы их удалось обнаружить. Они были безоружны, босиком и с непокрытой головой и прошли так между двумя фронтами. Все девушки как из кавалерии, так и из пехоты, отделившись от остальной армии, образовали два длинных ряда, держа в руках длинные пруты. Преступники должны были пройти между ними, и каждая из девушек ударяла их; ударить больше одного раза им не разрешалось, но и этого было бы достаточно, чтобы причинить сильную боль бедным любовникам, если бы каждая из них ударила сильно, но большинство били так слабо, что

было видно, что они совсем не были так разгневаны, как делали вид вначале. Офицеры, обвиненные в том, что не исполняли свой долг, наказаны не были, потому что обвинение было непроверенное, и к тому же они обратились за помилованием к Севарминасу.

После этой экзекуции Сальбронтас повел нас в лагерь, показал свою палатку, большую и красивую, а также и все остальные, а затем пригласил нас на обед, который был дан в крытом павильоне около его палатки. Мы пробыли в лагере до вечера, знакомясь с соблюдаемым там образцовым порядком и в особенности любуясь миловидностью и красотою севариндов и севариндок, из которых состояла почти вся армия. К вечеру мы простились с Сальбронтасом, который сказал, что повидается со мной в Севаринде, где он будет более свободен, и вернулись обратно в город, куда прибыли до наступления ночи и где успели еще посмотреть окончание общественных торжеств. В этот день был торжественный праздник по случаю полнолуния. Во всем государстве севарамбов справляется праздник в день полнолуния и в день новолуния. Эти дни проводятся в развлечениях, соревнованиях, в пляске, борьбе, беге, фехтовании и упражнениях с оружием, а некоторые показывают свои умственные достижения в красноречии и познания в свободных искусствах. В Аркропсинде есть амфитеатр, подобный тому, который мы видели в Спорунде, хотя и не такой большой, так же как и самый город, состоящий всего из сорока

восьми квадратных домов, но населенный более красивыми людьми, чем обитатели Спорунда.

Между тем вода потоков почти совсем иссякла, и разлив реки значительно уменьшился, так что мы решили выехать на следующий день. Бразиндас, зная о нашем намерении, задержал необходимые суда для того, чтобы отправить нас в Северинд. Мы выехали рано утром и стали спускаться вниз по течению реки мимо прекрасных мест. Местность была почти ровная, виднелись красивые города и поселки и разбросанные в различных местах квадратные здания; украшением служили луга, поля, леса и реки,— всего этого здесь описать мы не сумеем. Достаточно сказать, что никогда я не видел более прекрасно возделанного, плодородного и привлекательного места, чем это. К вечеру мы прибыли в маленький город из восьми квадратных зданий, называемый Маненд. В течение ночи мы в нем отдыхали, а на следующий день вновь разместились на суда и продолжали наше путешествие мимо встречавшихся по пути прекрасных городов. Мы все стояли на верхних палубах кораблей, где с одним из наших людей, который чересчур внимательно все рассматривал, случилось несчастье: он упал в реку и утонул, прежде чем мы успели оказать ему какую-либо помощь. К четырем часам дня мы подошли к выступу острова, образовавшегося посредине реки, которая разделяется здесь на два потока, омывающих этот остров со всех сторон. Остров

обнесен высокими и толстыми стенами, имеющими около тридцати миль в окружности, форма его почти овальная, а в длину он простирается от вдающегося в реку мыса до противоположного конца, где оба потока соединяются. Мы направились к восточной части острова и около шести часов вечера прибыли к великому городу, где увидели толпу народа, собравшуюся посмотреть, как мы будем высаживаться с кораблей. Мы вышли на очень красивую пристань, откуда нас повели через какие-то еще более красивые улицы к предназначенному для нас квадратному зданию. От имени Севарминаса несколько его офицеров посетили нас там, обошлись с нами очень ласково и сказали, что через несколько дней мы будем представлены ему.

В ожидании дня, когда мы предстанем перед Севарминасом, дня, который оказался девятым от нашего прибытия в Севаринд, Сермодас чаще всего был с нами в отведенном нам доме. Это было вновь построенное здание, в котором в тот момент, когда мы там поселились, жили лишь несколько рабов, вселенных туда за несколько дней до нашего прибытия для того, чтобы служить нам. С нами обращались очень хорошо, и проводники наши заботились о том, чтобы мы знали, как себя вести со всеми и в особенности перед вице-королем, когда мы окажемся в его присутствии. Сермодас, очень хороший человек, полюбил нас и старался нас развлекать как мог, то мудрыми разговорами, то разными прогулками и всегда

хорошим столом. Он показал нам своих жен и уже взрослых и женатых детей, которых было тринадцать человек от трех жен, из которых одна умерла, а две другие живы. Что же касается Каршиды и Беноскара, то мы узнали, что они жили на острове, находящемся на озере, и должны были вернуться туда до того, как мы получили аудиенцию у Севармиаса.

Дом, в котором мы жили, находился на одной из окраин города, расположенной вверх по реке, и оттуда нам видны были поля, засаженные густыми деревьями, образующими приятные тенистые аллеи. Мы часто ходили туда гулять с Сермодасом и другими значительными лицами города, которые из любопытства приходили на нас посмотреть. Таким образом, время шло, и на восьмой день Сермодас предупредил нас, что на следующий день мы должны предстать перед вице-королем и всем двором. Наступило утро, нас подняли рано и повели в ванны, находившиеся в нашем же доме, и приказали чисто вымыться. Нам дали белое белье и новые одежды, затканные пестрыми цветами. Моя одежда была самой богатой: она была шелковая, затканная серебром, из материи, похожей на золотую и серебряную парчу, какую делают в Европе. Дав каждому из нас в руки зеленую ветку и поставив нас попарно, как было сделано и в Споруиде, нас повели длинными прямыми улицами ко дворцу Солнца. В этот день у городских жителей был праздник, так что все улицы и балконы были полны народа, смотревшего на наше шествие. Мы шли

так около часа и, наконец, подошли к широкой площади, посреди которой мы увидели дворец Солнца, выстроенный весь из белого мрамора с разноцветными архитектурными и скульптурными украшениями. Дворец этот имеет квадратную форму, как и все другие строения, лицевая его сторона имеет не менее пятисот геометрических шагов, а окружность — не менее двух тысяч, что составляет для дома необыкновенную величину. С каждой стороны находится двенадцать дверей, расположенных одна против другой, так что можно видеть дворец насквозь из двенадцати различных мест. Кроме этих двенадцати дверей посредине был главный вход исключительной величины, которым мы должны были проходить.

Сермодас, как только показался этот великолепный дворец, подал знак, чтобы мы остановились, чтобы дать нам возможность насладиться его красотой. В нем прекрасно соблюдены все правила архитектуры, и это громадное здание так богато и величественно, что я никогда не видел ничего похожего. Точное описание подобного здания заняло бы целые тома, и потребовались бы знающие искусство люди, чтобы достойно с этим справиться. Опасаясь, что мне не удастся этого сделать, и не желая утруждать читателя, я ограничусь тем, что просто скажу, что из всех описаний, когда-либо виденных мной, нет ни одного, способного дать яркое представление о столь прекрасном строении, как то, которое мы воочию увидели в Севаринде. Когда мы достаточно насладились

видом этого великолепного дворца, нам предложили идти к главному входу сквозь ряды вооруженных людей, одетых в синие одежды, как и в Спорумбе. На некоторое время нас задержали перед главным входом, имевшим с каждой стороны по сто сорок четыре колонны из бронзы и мрамора и несколько рядов колонн наверху, между которыми находились разные фигуры и статуи. Войдя, мы попали на просторный двор, с расположенными вокруг него портиками, поддерживаемыми высокими, разнообразно высеченными мраморными колоннами. Со двора здание так же было белым, как и снаружи. С этого двора нас повели в другой из черного мрамора, украшенный прекрасными статуями и красивыми разноцветными листьями, врезанными в стены, которые, как я уже сказал, были из очень блестящего полированного черного мрамора. Здесь мы увидели много вооруженных людей, одетых в красные одежды и выстроенных в два ряда, как и первые.

С черного двора нас повели в другой из разноцветного мрамора, украшенный несколькими рядами колонн и прекрасно сделанными мраморными статуями необыкновенной величины. Оттуда мы поднялись по широкой раскрашенной и позолоченной лестнице в большой и красивый зал, чтобы дальше войти в еще более красивый и, наконец, в очень длинную галерею, украшенную по сторонам художественно исполненными статуями мужчин и женщин. Из этой галереи, пройдя еще один зал, мы попали в другой, пол которого был

устлан богатым ковром. Здесь мы на некоторое время задержались, прежде чем войти в другой зал, еще больший и еще более роскошный, чем те, которые мы видели. В нем жгли благовония, и разные музыкальные инструменты наигрывали нежные мелодии. Мы некоторое время стояли, любуясь его красотой, пока в глубине зала, заканчивавшегося полукругом, как хоры в наших церквах, не раздвинулся занавес. В этом месте мы увидели Северминаса, сидевшего на высоком троне из слоновой кости, в длинной одежде из золотой ткани. На голове его была надета корона, состоявшая как бы из лучей и вся осыпанная бриллиантами и другими драгоценными камнями. По обеим его сторонам расположились сенаторы, одетые в пурпур, с шарфами из золотой ткани, спадавшими с их плеч. Их было по двенадцать человек с каждой стороны трона, а ниже их стоял ряд из тридцати шести других лиц, так же одетых, кроме шарфов, которые у них были из серебряной ткани. Мы некоторое время стояли и с удивлением смотрели на это торжественное собрание, пока два человека из тех, которые находились в зале за низким барьером, преграждавшим вход на хоры, не подошли и не приказали Сермодасу провести нас вперед. Мы сделали три шага вперед и отвесили глубокий поклон, затем еще три шага и склонились до земли, тогда нас подвели к барьеру, где мы простерлись ниц и три раза поцеловали землю. Моих людей расположили позади меня, а Ван-де-Нюи и Морис находи-

лись у меня по бокам. Затем нам приказали встать, а Сермодас приблизился к барьеру, рассказал Северминасу все происшедшее с нами и, заставив меня подойти к нему, взял меня за руку и сказал, что я начальник остальных чужеземцев. Тогда Северминас кивнул мне головой и приказал передать мне, что я и мои люди — желанные гости в государстве Солнца, и он очень доволен нашим прошлым поведением. Он надеется, что мы будем делаться все лучше и лучше, подчинимся законам страны и благодаря этому сможем рассчитывать на его покровительство, благоволение и благосклонные взгляды их славного короля, который все видит и от которого ничего не скроешь. Все же он призывает нас вести себя так, как укажет Сермодас, которому он вновь приказал заботиться о нас особо.

После этого он отпустил нас, продолжая оставаться на троне, в присутствии своих приближенных, пока мы не вышли из зала. Нас вывели из дворца другими комнатами и галереями, а не теми, по которым мы уже проходили. Вышли мы из входа, противоположного тому, в который входили, и возвращались домой также новыми улицами, соблюдая тот же порядок, в котором шли туда.

Мы пробыли еще десять дней в том же положении, ничем не занимаясь, кроме развлечений, разных прогулок, осмотра города и достопримечательностей его окрестностей. Но, наконец, Сермодас, обратившись однажды ко мне, Ван-де-Нюи, Девезу и Морису, сказал нам,

что после продолжительного отдыха для нас и наших людей настало время выбрать себе занятия, чтобы предотвратить беды, в которые может нас завлечь праздность. И если мы пожелаем последовать его доброму совету, мы посмотрим, на что способен каждый из наших людей, чтобы дать ему наиболее подходящее для него занятие. То, что он говорил, отнюдь не вызывалось завистью к тому, что они ничего не делают, или надеждой извлечь из их работы какую-либо выгоду, потому что работать они будут в пользу государства, которое их кормит, а скорее их же собственным благом и выгодой, а также опасением, чтобы их безделье не послужило дурным примером для севарамбов, которым оно запрещено основными законами государства.

Мы ему тут же ответили, что не желаем ничего лучшего, как иметь каждый свою работу и делать все то, что и другие, только просили его извинить наше невежество до тех пор, пока мы не познакомимся лучше с обычаями и законами страны; однако он может приказать все, что ему угодно, и мы постараемся повиноваться ему во всем. «Вот и хорошо,— сказал он,— мы дадим всем вам занятия, не сильно утруждающие и не требующие вашего разделения; вы сможете жить вместе со своими женами и детьми, как вам захочется, сохранив свои порядки». Повернувшись ко мне, он заявил, что я так хорошо руководил своими людьми, что было бы несправедливостью лишить меня власти, и чтобы ее продлить, Севарминас

назначает меня осмазионитом, то есть управляющим осмазии, или квадратного здания, в котором мы поселились, и что я из своих людей могу себе выбрать офицеров, чтобы помогать мне в моей новой должности. Кроме того, он добавил, что ознакомит нас с обычаями и законами страны и что к ошибкам, которые я могу совершить по неведению, будет проявлено много снисходительности. Но все же он нам посоветовал, для того чтобы нам легче жилось и чтобы мы могли разговаривать со всеми, изучить их язык, который нам покажется нетрудным, потому что он очень методичен и правилен. Для этой цели он предполагает дать нам учителей, которые ежедневно в определенные часы будут нам давать уроки. Чтобы у нас было больше времени для ученья, он приказал, чтобы мы работали всего шесть часов в день в течение первых лет нашего пребывания, хотя коренные жители страны должны были ежедневно посвящать труду восемь часов. Кроме всего этого, он сообщил, что в году было много праздников, во время которых устраивались для народа зрелища и развлечения, и, таким образом, не казался докучливым труд, перемешанный с приятным времяпрепровождением и играми, дававшими отдых и уму, и телу.

Когда он вышел, мы стали рассматривать состав наших людей и нашли, что некоторые были способны заняться различными ремеслами, которым они обучились в Европе. Остальные же были моряками, но достаточно сильными, чтобы носить тяжести и обрабатывать

землю. Мы сообщили это Сермодасу, который сказал, что скоро будут закладывать фундамент новой осмазии вблизи нашей и что там найдется работа для всех наших людей, причем нам надо их разделить на дюжины и во главе каждой поставить бригадира, т. е. старшего, который бы командовал ими и водил на работу. Кроме того, он сказал, чтобы мы занялись упорядочением наших внутренних дел, исключая заботы о питании, одежде, а также об инструментах, необходимых для работы, потому что всем этим мы будем снабжены, как только встретится необходимость. Для того, чтобы все делалось в соответствии с установленными в стране порядками, он дал нам образец управления другими осмазиями. В соответствии с этим положением я назначил Ван-де-Нюи и Девеза своими лейтенантами или деросмазионтасами, а всех остальных разделил на дюжины, установив в каждой бригадира. Что же касается кухни и других домашних работ, мы об этом и не стали заботиться, потому что, не зная ни языка, ни обычаев, мы бы не в силах были с ними справиться. Вот почему Сермодас приспособил для этого севарамба по имени Фариста, который вел наше хозяйство и распоряжался рабами.

Уладив таким образом наши дела, приступили к постройке осмазии, о которой говорил нам Сермодас, и для первого раза я сам отвел всех наших людей. Нас встретил главный архитектор по имени Постребас, которому Сермодас нас представил. Он дал нашим людям самые

разнообразные работы: переносить тяжести, перекатывать камни или же другие подобного рода работы, причем мы ходили работать ежедневно в установленные часы. Что касается меня, то я ходил лишь тогда, когда мне хотелось, и ежедневно посылал одного из своих лейтенантов, который, находясь на месте, следил, как работают его люди, и командовал ими. Обычно, чтобы показать пример, я сам раз в пять дней ходил на постройку.

Тем временем я принялся за изучение местного языка, и так как он показался мне очень легким, о чем и говорил мне Сермодас, я усвоил все основы его в три-четыре месяца и через год мог довольно прилично объясняться. Некоторые из наших людей тоже выучились этому языку, но большинство таких успехов не достигло, хотя каждый немного говорил на этом языке и мог пользоваться им в самых необходимых случаях жизни. У всех наших людей были жены, от которых по большей части имелись дети; я получил разрешение иметь до трех жен, а мои лейтенанты — по две.

Когда я преодолел первые трудности языка, я в течение короткого срока сделал такие большие успехи, что через три года владел этим языком почти так же хорошо, как своим родным. Это мне бесконечно помогло войти в общество севарамбов и наблюдать их нравы и обычаи. У них так же, как и у нас, есть печатные книги, хотя и не в таком количестве; но все те, которые есть, в своем роде очень хороши, потому что иных они у себя не терпят.

Я прочел несколько их книг по философии, математике, риторике, истории и разные другие книги, но особенно я занялся чтением истории этих народов и воцарения Севариаса, первого законодателя струкарамбов, — именно так они назывались до его прихода. Кроме того, я занимался чтением их законов, знакомился с их религией и обычаями, о которых я дам отчет насколько возможно лучше в продолжение этого описания. Начну я его с истории Севариаса, до которого эти народы были дики и грубы, каковы и до сих пор все соседние австралийцы, даже, пожалуй, и обитатели всего этого материка. Об этом великом человеке писалось многое, но здесь я расскажу лишь о том, что больше всего относится к его воцарению или что может лучше показать, какими средствами он достиг той степени мудрости и добродетели, которых он добился до своего прибытия в австралийские земли. Несомненно, несчастье, происшедшее в его доме, его страдания и его путешествия немало тому способствовали. Ведь редко встречаются большие познания в науке жизни среди тех, которые всегда жили дома в довольстве, никогда не испытав жестокости и непостоянства судьбы и людской злобы. Севариас имел большие природные данные. Он получил превосходное и совершенно исключительное образование, по сравнению с тем, которое давалось в его стране, а его страдания и его путешествия немало способствовали развитию его познаний и ума; так что не приходится удивляться, что, имея

все эти преимущества, он достиг той высокой мудрости, блестящие доказательства которой он дал на высокой арене, на которую вознесла его судьба. Что же касается города Севаринда, носящего его имя, то это самый прекрасный город в мире, если судить по его местоположению и окружающим его плодородным землям. К этому надо прибавить прекрасный климат и здоровый воздух того места, где он стоит, стройность и великолепие его зданий и наблюдаемый там общественный порядок.

Город расположен на острове, имеющем около тридцати миль в окружности и образовавшемся посредине очень большой реки, в которую впадает несколько других рек. Этот остров окружен толстой стеной, защищающей его со всех сторон, что делает почти невозможной высадку без разрешения его обитателей, даже при наличии самой большой армии в мире. Почва его исключительно плодородна и порождает неисчислимое количество замечательных фруктов, и все земли вверх по течению реки на расстоянии более двадцати миль вокруг также отличаются необыкновенным плодородием. Остров, будучи расположен на сорок втором градусе южной широты, имеет исключительно здоровый воздух и очень хороший климат.

Город выстроен посреди острова и имеет квадратную форму; кроме дворца, находящегося в центре города, в нем насчитывается двести шестьдесят семь осмазий, или квадратных зданий, вмещающих массу людей. Фасад этих осмазий, в каждой из которых свободно раз-

мещается более тысячи человек, имеет пятьдесят геометрических шагов в длину и четыре двери, расположенные одна против другой, внутри же большой двор с зеленью. Стены осмазий из породы мрамора или белого камня, который прекрасно полируется, и все дома имеют четыре этажа в высоту.

На всех улицах, прямых и очень широких, можно видеть железные столбы, поддерживающие широкие балконы, под которыми можно ходить, не боясь ни дождя, ни солнца. Все эти балконы украшены красивыми вазами, наполненными землею, в которых насажены различные цветы и деревца, образующие как бы садики перед окнами. Внутри осмазии вокруг двора есть такие же балконы и садики, посредине же двора также цветник, в центре которого находится водоем дома с фонтаном посредине. Вода для фонтана стекает с крыши, куда она поднимается для того, чтобы в случае пожара тушить огонь, и оттуда расходится по всевозможным устроенным для этого трубам по ваннам и на другие нужды во все помещения и, наконец, в фонтан цветника. Улицы города можно мыть когда угодно и при желании напустить воды на три фута, что является редкостью для такого высокого и совершенно не болотистого места. По крышам осмазии можно пройти и обойти все кругом, а также и полить все кругом водой. Во время сильной летней жары на высоте крыши над улицами протягивается полотно, дающее тень и прохладу и так хорошо защищающее прохожих от солнца, что

они жары почти не чувствуют. То же самое делают и во всех дворах, подвешивая для этой цели на стенах блоки, через них пропускают веревки, привязанные к тенту, который этим способом поднимается кверху, что мешает лучам солнца падать на стены и их согревать. Все эти удобства создают то, что хотя во всей стране и очень жаркое лето, все же в Севаринде оно не тяжело, и я могу сказать, что ни в одном месте Европы я не провел более приятного лета, чем в этом городе, где можно всюду увидеть воду, тень, цветы и зелень.

Главными украшениями города являются дворец и храм Солнца, амфитеатр и бассейн, находящийся в конце острова; но так как остров обнесен толстыми стенами, его всего легко можно принять за город.

Севаринд расположен посредине этого острова, а остров — почти посредине земель, принадлежащих этому народу, который взял себе за правило расселяться за пределами столицы лишь по мере того, как увеличивается население. Правда, что от моря до последних осмазий ниже Севаринда следует считать вдоль реки около ста пятидесяти лье; большая часть этой страны населена севарамбами, которые вытянулись как бы в одну линию; но если взять поперек на двадцать лье по обе стороны острова, то можно увидеть лишь громадные леса, населенные львами, тиграми, эргантами, оленями, бандалисами и другими дикими зверями. Эти леса принадлежат севарамбам на расстоянии около пятидесяти лье по обе сто-

роны от их столицы, и еще дальше по течению реки по направлению к морю, и по крайней мере на сорок лье вверх к Севарагоундо, к первому городу Севарамба в горах, считая от Спорунда. Вся страна за горами по берегу океана, где когда-то жили престарамбы, обитаема лишь до маленьких островов на озере, где были захвачены Морис и его товарищи, и то лишь потому, что эти острова расположены по пути из Спорунда в Севаринд. Причиною этому служило то, что Севариас, собрав все народы, обитавшие рассеянно в лесах, где они жили лишь охотой, дикими плодами и кое-какими дикими овощами, научил их обрабатывать землю, как у нас на континенте, причем им приходилось работать гораздо меньше, потому что один арпан [11] хорошо возделанной земли приносил больше плодов, чем пятьдесят арпанов, обработанных их способом. Так что вначале они жались вокруг Севаринда, а затем постепенно стали распространяться на расстоянии около двадцати лье по обе стороны реки и около тридцати — ниже города к югу в сторону моря, где они прижились больше, чем в других местах, из-за удобства, даваемого рекой и впадающими в нее другими реками. Они часто образовывали новые колонии, так как количество населения сильно увеличилось, и по всей стране насчитывается уже более пяти тысяч осмазий, образующих города и поселки — или разбросанных в разных местах страны по три в одном месте, по две в другом; но встречаются также и совсем одинокие осмазии.

Все возделанные земли, как я уже сказал, приносят большой урожай как благодаря природному плодородию их, так и благодаря труду жителей, которые не терпят неиспользованных земель вокруг своих жилищ и не жалеют ни забот, ни сил, чтобы сделать их плодородными, все вплоть до самых бесплодных по природе, в особенности в окрестностях Севаринда. Для этой цели долины прорезаны многочисленными каналами; одни служат для орошения сухих мест, а другие для осушения болотистых. Есть два места вблизи Севаринда, где особо заметны результаты их труда и искусства.

Одно отстоит на три мили, расположено ниже города и находится на том же острове, на котором он выстроен, тут можно увидеть прекрасные луга и аллеи очень густых деревьев.

Это место, сейчас такое прекрасное, до прихода Севариаса было грязным и зловонным болотом, на котором росли только камыши, но при помощи проведенных каналов и большого количества привезенной земли почва стала очень плодородной и место привлекательным.

Другое место находится выше по реке с западной стороны в шести или семи милях от города. Прежде это была большая песчаная равнина, где не было никакой растительности, но при помощи рек, приведенных сюда каналами, и благодаря изобретенному ими способу растворять песок, удобрять его и превращать в хорошую землю, севарамбы сделали из этой равнины одно из самых красивых и плодород-

ных мест мира. Удивительнее всего то, что пески, растворяемые таким образом и удобренные способами, не представляющими для севарамбов никакого труда, вместо того, чтобы после собранного урожая изнуряться, становятся все более плодородными. У нас в Европе есть бесконечное количество ни на что непригодной почвы, которую можно было бы сделать весьма плодородной и полезной, если бы знать изобретение севарамбов. Мне это изобретение показалось столь чудесным, что я не мог успокоиться до тех пор, пока не узнал этой тайны, что не было для меня особенно трудным, как только я изучил их язык: севарамбы, не побуждаемые особою жадностью, так как у них богато только государство, не держат в тайне такого рода вещи. Я надеюсь опубликовать это изобретение в Европе, если я когда-либо поеду туда и если найду достаточно умных и достаточно могущественных лиц, которые пожелали бы предпринять такие работы; расход на них не велик, а прибыль неминуемо окажется очень значительной и принесет большую пользу как обществу, так и частным лицам.

Описав город Севаринд, каким он нам показался по нашем прибытии, я думаю, что настало время приступить к истории, законам и нравам севарамбов, начав с жизни Севарнаса, о которой я часто читал в первые годы пребывания в Севарамбе, и отметить в ней все самое значительное, чтобы затем перейти к жизни его преемников.

ИСТОРИЯ СЕВАРИАСА
ЗАКОНОДАТЕЛЯ СЕВАРАМБОВ

первого вице-короля солнца,
и его преемников,
или третья часть истории
севарамбов

Мие пришлось бы слишком долго рассказывать, если бы я стал приводить здесь все, что написаио о жизни этого великого человека, мудрое управление и чудесиые дела которого дали материал для нескольких томов. Я выберу лишь сведения, иаиболее замечательиые и иаиболее существениые для истории этого счастливого иарода, который считает, что обязаи всем своим счастьем и благосостоянием заботам и житейской мудрости этого иесравнеииого закоиодателя. По иациоиальиости ои был перс очень древиего происхождеиия, род его шел от парси [12], которых сейчас еще осталось в Персии иесколько семей, отличающихся своим именем от татар, захвативших это стариииое королевство. Эти парси, коренные уроженцы страны, сохраиили миого обычаев своих предков, из которых главиейшим является поклоиеиие солнцу и огию [13]. Оии ие перешли в магометанство, как софи [14] и другие; таким образом, Севариас, ведя свое присхождеиие от парси, еще с детства воспитывался в религии своих отцов. У себя на родиие ои звался Себарис Амбарсес. Ои был старшим сыиом вельможи по имеии Алестан Хоссер Амбарсес, который был великим жрецом солица. Место, где ои родился и жил, иедалеко от той части Пер-

сии, которая тянется вдоль Персидского залива. В течение всех войн, несмотря на преследования татар, его семья жила во всем блеске до времен Алестана, когда ей пришлось утратить большую часть своего былого величия вследствие козней могущественных врагов, порожденных завистью.

Севарамбы исчисляют время дирнемисами, каждый из которых содержит семь полных оборотов солнца. Согласно этим исчислениям, если перевести их на наши, Северис родился в 1395 г. от рождества Христова и впервые очутился в австралийских землях через тридцать два года, т. е. в 1427 году; с этого года начинается главная эпоха жизни этих народов.

В течение первых шести лет своей жизни Севарис воспитывался среди женщин во дворце отца, в соответствии с нравами и обычаями своей нации. Но Алестан, человек умный и очень сведущий в астрономии и других распространенных среди парси науках, подметив все признаки необыкновенных дарований в ребенке,— он замечал и старался подражать всему, что делали другие, и это ему удавалось даже лучше, чем можно было того ожидать в столь раннем возрасте,— решил старательно развивать ум ребенка и дать ему образование, соответственное уже проявляемым им большим способностям. Принять это решение ему было тем более легко, что он мог его выполнить путем привлечения одного из своих рабов, которого звали Джованни, человека добродетельного, очень преданного и очень умного.

Этот Джованни по происхождению был венецианец, а по религии — христианин. Он уже прослужил у Алестана три-четыре, прежде чем тот доверил ему воспитание своего сына. Несколько ранее этого времени он был захвачен пиратами и куплен какими-то купцами, продавшими его великому жрецу солнца. От природы он был умный и добродетельный человек, и так как с самой ранней молодости изучал литературу, то достиг в ней более чем посредственных знаний, прежде чем произошел тот несчастный случай, когда он потерял свободу. Его первые хозяева были людьми невежественными и грубыми и не обратили внимания на его достоинства, но Алестан, как я уже сказал, был человеком умным, он быстро оценил достоинства своего раба и обращался с ним так ласково и человечно, что заставил его своею большой привязанностью предпочесть службу у такого доброго хозяина, как он, свободе, которую тот ему часто предлагал, хотя и имел большое желание удержать его в своем доме для того, чтобы поручить ему воспитание сына. Когда Севарису исполнилось семь лет, Джованни приступил к его обучению. Алестан, передав ему власть, необходимую для воспитателя, поручил ему не только посвятить сына в науки и искусство, но и наставить его в добродетели, без которой умственные познания не только бесполезны, но даже очень опасны. Алестан напомнил ему всю свою доброту, проявленную в отношении него, и знаки своего особого расположения и внимания, так

часто, ему оказываемые, и, наконец, сказал ему, что последним доказательством этого уважения и доверия к нему является то, что он поручает его разумному руководству самое драгоценное из того, что он имеет,— своего сына. Джованни принял с глубоким уважением эти лестные выражения доброты своего хозяина и занялся с таким усердием образованием юного Севариса, что через несколько лет тот достиг необыкновенных успехов в литературе и физических упражнениях, а в особенности в восприятии добродетели. Правда, что ученик был очень способный; молодой принц, помимо природной кротости и честных наклонностей, очень быстро показал блеск ума, проницательного и рассудительного, и прекрасную память, сочетание которых редко встречается в одном человеке. Джованни сумел так хорошо использовать его прекрасные способности, что Северис в шестнадцатилетнем возрасте владел в совершенстве итальянским языком, довольно хорошо латинским и греческим и прочел на этих языках авторов, которые наиболее способствовали развитию его ума в направлении любви к справедливости и целомудрию. Помимо этих прекрасных духовных качеств, его телосложение соответствовало его благонравию: он был хорош собой, высокого роста, с прекрасным лицом, ласково-величественным взглядом, что заставляло всех тех, кто его видел, одновременно и любить и уважать его. Он обладал хорошим здоровьем, и его сильное крепкое тело, полное мощи и лов-

кости, давало ему возможность достигиуть хороших успехов во всех упражнеииях, которым его обучали.

Столько прекрасных качеств сделали его кумиром родителей, восхищением и иадеждой парси и предметом зависти врагов его семьи. Длительное процветаиие его семьи породило у его отца много завистников, и у него было бы их еще больше, если бы Алестаи, благодаря своему уму и сдержанности, не прекращал сразу же при их зарождеиии тысячи злых козней, замышляемых его завистиками против него. Но как бы мудр и сдержан ои ни был, ои не смог предотвратить того, чтобы один из соседиих вельмож не нанес ему оскорблеиий под предлогом каких-то дел, по которым они должны были свести счеты. Так как их иенависть с каждым дием все возрастала по всяким новым поводам, оии, иаконец, объявили открытую войиу друг другу, и враг Алестаиа устроил ему иесколько засад, чтобы убить его, но ни одиа из его попыток ие удалась.

Эти иеудачи не помешали ему продолжать свои козни до тех пор, пока одиажды он ие приехал сам с большим количеством вооружеииых людей, чтобы подкараулить Алестана с сыном в лесу, где они охотились.

К счастью, одии вельможа из парси, их друг, прибыл туда же, ие будучи приглашеиным, и привел с собой миого народа, что зиачительио усилило партию Алестаиа, который без этого сильно рисковал быть подавлениым количеством своих врагов. Через час после

того как он вошел в лес, они не замедлили наброситься на него и на его людей, не рассчитывая застать его под такой охраной. Все же, будучи численно сильнее, тем более будучи подготовлены, они внесли беспорядок в ряды людей Алестана и, несомненно, стали бы настойчиво продолжать свои действия, если бы не юный Геварис; в сопровождении своего воспитателя и двух слуг, видя, что отцу грозит неминуемая опасность, он с героической храбростью и необычайной удачей въехал на своей лошади в самую гущу врагов и убил их предводителя своей собственной рукой. Смерть предводителя и храбрость молодого принца привели врагов в изумление и ужас, так что Алестану, быстро собравшему своих людей на помощь сыну, не представило большого труда разбить и обратить в бегство тех, которым удалось спастись от его справедливого гнева.

Но радость от этой победы длилась недолго. Она вскоре превратилась в печаль, когда Алестан осознал те несчастья, которые могли постигнуть его и его семью. Враг его действительно умер, но вражда не заглохла, у него оставались могущественные друзья при дворе софи и в самой стране, которые, вероятно, приложат все старания, чтобы погубить Алестана и его сына. Они все были магометане, и поэтому им легко было притеснять принца, имевшего значение лишь среди людей своей веры, преследуемой другой нацией и подчиненной власти жестокого победителя.

Все эти соображения и в особенности боязнь

потерять сына, которого он любил больше жизни, заставили Алестана принять решение удалить сына, чтобы спасти его от мести врагов. Не теряя времени, он позвал Севариса и Джованни в свою комнату и, описав им плачевное положение дел и грозящую им опасность, сказал наставнику, что его сын обязан ему своим образованием и после отца должен его признавать человеком, которому он обязан наибольшим уважением и благодарностью; поэтому, естественно, он ждет от него больше привязанности и преданности, чем от кого-либо другого. Вот уже тринадцать или четырнадцать лет как он живет в семье и столько раз доказывал свое усердие и осторожность, что было бы грехом против разума и справедливости не питать к нему полного доверия. Так как он все время занимался воспитанием его сына, было бы правильно, чтобы он продолжал с ним заниматься в течение его молодости. Наконец, узы, связывавшие их, настолько крепки, что ничто не может их порвать или ослабить.

«Вы, — сказал он, — верный Джованни, растили до сих пор это юное растение, но можно считать, что вы ничего не сделали, если тогда, когда оно начнет приносить плоды и оправдывать наши надежды, вы не спасете его от угрожающей ему опасности. Я передаю его в ваши руки как священный клад, в котором я попрошу у вас отчета, и умоляю хранить его, как зеницу ока. Бегите из этих злополучных мест, где несправедливость угнетает невинность, и увезите моего сына во все страны

Азии и Европы, где вы оба сможете жить в безопасности и пользоваться знакомством с порядочными людьми. Я уже распорядился обо всем, что необходимо для вашего путешествия, и ничего не жду с большим нетерпением, как часа вашего отъезда».

Этот неожиданный разговор сильно поразил молодого Севариса, которому не хотелось покидать отца, а хотелось делить с ним все опасности и горести, какие могла им послать злая судьба. Но все мольбы были бесполезны, Алестан требовал повиновения, желая укрыть сына от угрожавшей ему бури.

Итак, он и его наставник тайно выехали, взяв с собой лишь одного человека, чтобы помочь им бежать, и проехали несколько провинций, прежде чем враги их узнали об их отъезде. Между тем Алестан, приведя в порядок свои домашние дела, на некоторое время покинул свою родину и скрывался, пока его враги не утолили свою ярость, разорив его дома и все то, что ему не удалось спрятать от них. Наконец, после трехгодичного изгнания, он сумел войти с ними в соглашение и за некоторую сумму денег вновь вошел во владение своим имуществом и саном. Тогда все его мысли обратились к сыну, на поиски которого он послал верного гонца ко двору великого государя [15], где он останавливался, после того как побывал во всей Азии. Но когда гонец прибыл туда, лица, к которым ему было приказано обратиться, сообщили ему, что Киварис со своими людьми уехал, чтобы посмотреть Европу, что

с тех пор, как он покинул Азию, прошло шесть месяцев и что о нем не было ничего слышно. Получив этот ответ и увидев, что его нет в Азии, гонец решил поехать искать его в Европу и, в частности, в Венецию, потому что там была родина Джованни. С этой целью он направился в Италию и тщательно справлялся о разыскиваемых им лицах, но после долгих и бесплодных поисков он был вынужден возвратиться в Персию и сообщить своему хозяину о безуспешности путешествия.

Эти печальные вести чувствительно затронули Алестана; он вообразил, что сын его умер, и стал так горевать, что через три месяца после прибытия гонца этот безутешный отец умер с тоски, оставив все свое имущество и чины второму сыну, бывшему на четыре года моложе Севариса.

Вернемся теперь к молодому вельможе, сохраненному для великих целей провидением, орудием которого он стал впоследствии, для чего оно и охраняло его от бесчисленных опасностей. Он покинул двор государя, чтобы повидать Италию, и погрузился на судно, шедшее в Венецию, на родину его наставника Джованни. Их постигло несчастье, и они были захвачены корсарами, которые при дележе добычи разлучили их, несмотря на их просьбы и обещания богатого выкупа, если их оставят вместе до тех пор, пока они не смогут откупиться. Джованни повезли обратно в Азию, а Севариса отправили в Неаполь, к одному купцу этого города, имевшему свою часть в

добыче корсаров. Он прожил недолго у этого купца. На его достоинства обратил внимание знатный вельможа, купивший его, чтобы подарить молодому сицилийскому дворянину, который должен был вскоре вернуться на родину. Этот вельможа очень интересовался образованием дворянина, потому что тот был его близким родственником и круглым сиротою. Он сам проверил знания Севариса в науках и языках и признал, что для человека его лет, помимо необыкновенных познаний, он обладал красотой гения и несравнимой твердостью ума. Эти прекрасные качества снискали ему уважение и расположение неаполитанского вельможи, оказавшегося столь великодушным, что он отдал его своему молодому родственнику лишь при условии, что тот вернет ему свободу после трех лет службы. Северис же поехал в Сицилию со своим новым хозяином и служил ему верой и правдой в течение двух лет и наверное продолжал бы служить до установленного срока, если бы не злоба одной отвергнутой им женщины, причинившей ему много неприятностей, которые чуть не погубили его и из которых ему с трудом удалось выпутаться.

Она ложно обвинила его в покушении на ее честь и тайно предупредила своего мужа, который, думая, что жалоба его жены справедлива, хотел отомстить за это оскорбление. Но после долгих преследований и мучений, причиненных Северису, в конце концов его невинность восторжествовала над кознями его

врагов и так ясно выявилась, что на их долю достался лишь позор, что они угнетали чужеземца, находившегося вдали от родины и оторванного от родных и друзей. Тем не менее, хотя он и был невиновен, ему нелегко было бы выпутаться, если бы купивший его вельможа, узнав о его мучениях и преследованиях, не заступился за него и не добился его освобождения за год до того срока, когда ему должны были вернуть свободу, и в довершение своей доброты не закончил этого доброго дела тем, что дал ему средства, чтобы помочь вернуться к себе домой.

Итак, наш юный вольноотпущенный, покинув Сицилию, проехал как можно скорей по Италии прямо в Венецию в надежде получить вести о своем наставнике, но все его попытки оказались тщетными. Оттуда он проехал почти по всей Италии и осмотрел все, что было в то время достопримечательного, после чего он вернулся ко двору великого государя, где оставил друзей и деньги.

Тут он узнал, что его дорогой Джованни в Египте и находится в рабстве; это заставило его поехать туда как можно скорее, чтобы выручить его и вместе с ним вернуться в Персию. Он освободил Джованни, и это путешествие было для него более счастливым, чем предыдущее, хотя конец его оказался очень печальным, потому что не успел он доехать до места, где мог получить вести об отце, как узнал о его смерти. Эта неожиданная смерть причинила ему невероятную боль и заставила его

принять решение долго не возвращаться на родину. Он сказал Джованни, что, посмотрев Грецию, Италию и большую часть Западной Азии, он хотел бы побывать теперь в Восточной Азии и проехать до Индии. С этой целью он попросил его поехать к брату, сообщить ему об этом намерении и получить от него все необходимое для путешествия. Джованни выполнил его приказание, и после того как они встретились с ним в одном городе, в котором условились увидеться, они оба поехали в Индию, оттуда на Японские острова и, наконец, в Китайское королевство. Во всех этих странах они переживали разные приключения. Северису не раз представлялся случай проявить свою доблесть, и тут он достиг той большой мудрости, результаты которой видны до сих пор среди севарамбов. Он путешествовал по Востоку так же долго, как по странам Запада, а затем вернулся домой, где надеялся отдыхать от трудов до конца дней своих, не зная, что небо избрало его для своих великих намерений, которые ему пришлось выполнять в дальнейшем. Небо при рождении вложило в него столько прекрасных качеств и подготовило его душу столькими испытаниями и несчастьями лишь для того, чтобы сделать его создателем законов самых справедливых, какие когда-либо существовали, и орудием счастья самой счастливой страны в мире.

Когда Северис вернулся на родину, он не только вступил во владение имуществом отца, но и принял звание верховного жреца Солнца,

которое было наследственным в их семье и обязанности которого в его отсутствие выполнял его брат с тем, чтобы передать ему по возвращении. Это было самое почетное звание у парси, и все носившие его считались суверенами, авторитет которых был особенно прочен, ибо народ подчинялся ему охотно, думая, что к тому его обязывала религия. Высокие должности не только оказывают честь тому, кто их занимает, но дают обладателям их новый блеск, если они оказываются достойными. Севарис, имевший бесконечные заслуги, возвел сан жреца до совершенно исключительной ступени славы и величия. Его прекрасное образование, долгие путешествия и пережитое горе во многом увеличили его врожденные познания и давали ему преимущества, мало обычные у восточных народов. Так что благодаря всем этим преимуществам, в сочетании с благородством его происхождения, блеском его сана и богатством, он вскоре прославился среди парси своим благоразумием и мудростью, что заставило их уважать его больше, нежели его предшественников. Со всех концов приходили к нему за советами по самым сложным вопросам, и он высказывал свое мнение или выносил решение столь мудрое и столь справедливое, что все оказывались удовлетворенными.

Через два или три года после его возвращения возник крупный спор между одним судовладельцем и местным купцом, разрешить который предстояло ему.

Купец, с одной стороны, жаловался, что моряки, которых он подрядил, чтобы перевезти его товары в Индию, а оттуда привезли другие, плохо исполнили поручение. С другой стороны, он говорил, что, втянув его в большой расход и распродав много из его товаров, они, в конце концов, вернулись, не достигнув цели путешествия, и приводили выдуманные ими самими химерические доводы, чтобы обманным способом лишить его принадлежащей ему собственности.

Моряки же, наоборот, чтобы снять с себя обвинение, утверждали, что бурей их занесло в южные моря, за которыми они нашли обитаемую страну, где вынуждены были прожить семь или восемь месяцев, прежде чем сумели вернуться, и во время их пребывания в этой неизвестной стране им пришлось сбыть с рук часть тех грузов, чтобы кормиться и запастись необходимыми для возвращения предметами.

Теварис, услышав о новом открытии на юге, где, как тогда думали, были лишь моря, стал расспрашивать моряков об этом столь удивительном и новом известии и узнал, что действительно буря прибила их к большой земле, расположенной на юге. Он стал им задавать различные вопросы обо всем, что они видели на этой новой земле, и они дали ему следующие ответы.

Они видели мужчин и женщин необыкновенного роста, но, впрочем, хорошо сложенных и к тому же мягких и сговорчивых; в течение всего своего пребывания на этой земле они по-

лучали все необходимое, в чем нуждались, при этом они отнюдь не пострадали ни своим имуществом, ни лично. Народ этот жил в хижинах и шалашах, все ходили нагие, прикрывая лишь те части тела, которые учит скрывать природа. Женщины были очень красивы даже без украшений, несколько довольно любезных женщин им было предоставлено, так же как и еда и жилье. Мужчины в виде оружия имели лишь луки и стрелы или большие палки, и они очень метко стреляли из луков. Их обычным занятием была охота. Страна была очень хороша и имела прекрасный климат; они могли бы по-своему жить счастливо, если бы не жестокая война, нарушавшая их покой, которую вели против них обитатели соседней страны, расположенной за какими-то горами.

Затем моряки рассказали, что, насколько они поняли, причинами этой войны были какие-то различия в религии. Те, которые жили за горами, ввели новшества в культ солнца, которому они все поклонялись, и вели войну против соседей, потому что они не захотели принять их нововведение и одобрить религиозные церемонии, относящиеся к культу великого светила.

Севарис, убедившись из единодушных показаний моряков, что их сообщение было верно, как бы удивительно оно ни казалось, почувствовал любопытство и желание поехать самому и посмотреть эту новую землю. Для этой цели он привлек своими благодеяниями и обещаниями всех моряков к себе на службу, а

чтобы прекратить жалобы купца, он дал морякам денег для возмещения его убытков. После этого он начал заботиться о приготовлении всего необходимого для путешествия и, наконец, снарядил два корабля, не считая судна, принадлежащего морякам и нанятого им. Некоторое время спустя под их руководством он отправился в путь с довольно большим количеством солдат, выбранных им из парси, которые пожелали испытать судьбу вместе с ним. Они долго плавали по морю, и им пришлось вынести много бурь, прежде чем они попали в эту вновь открытую страну. Но, наконец, они счастливо добрались. Прежде чем самому сойти на землю, Теварис высадил тех из моряков, которые лучше всего могли объясняться на местном языке. Он приказал сообщить этому народу, что он, верный посланник солнца, приносящий жертвы великому светилу от имени некоторых его действительных поклонников, пристал к их берегам, имея достаточные силы, чтобы защитить их от всех врагов; хотя количество его солдат и не было велико, но, будучи вооруженными громами небесными, они были способны разбить самые многочисленные армии. Он предвидел, что при помощи артиллерии и другого огнестрельного оружия, запастись которым он позаботился, ему действительно нетрудно будет посеять ужас среди этих невежественных народов, которые не только не знали, но и никогда не слышали о его употреблении. Имея это в виду, он захватил столько оружия, сколько могла позволить величина и

вместимость его судов, хотя ему стоило больших трудов достать такого рода оружие, потому что в то время оно еще не часто встречалось в Персии. Но у него были большие связи в Китайском королевстве, где давно было известно об изобретении артиллерии, хотя она и была новинкой в других местах, и он выписал орудия именно из этой страны.

Между тем люди, которых он спустил на берег и которых уже там знали, не замедлили выполнить его распоряжения, и их предложение после обсуждения было признано слишком выгодным, чтобы отказаться от него. Итак, через три дня после того как парси прибыли к этим берегам, местные вожди с большой свитой людей, вооруженных стрелами и палками, пришли на берег, принесли Севарису дары в виде их лучших кушаний и лучших плодов и стали просить его сойти на землю. Он принял некоторых их начальников на своих кораблях, величиной и оборудованием которых они могли полюбоваться, и так ласково и приветливо встретил их, что с первой же встречи завоевал их уважение и дружбу. Затем, узнав, что у этих берегов есть удобная бухта, он повел туда свой маленький флот, чтобы защитить его от возможных бурь. Это был именно тот залив, который мы открыли и куда мы перевели наш лагерь. Следовательно, Севарис шел по тому же пути, как и мы, когда поднимались к Спорунду. Правда, он вошел туда со стороны захода солнца, где путь шире и удобнее, чем со стороны восхода

солнца, откуда Морис проник в большое озеро.

Прежде чем спуститься на берег, Севарис принял все необходимые меры предосторожности, не желая безрассудно входить в соприкосновение с людьми, нравов и обычаев которых он еще не знал. Чтобы быть защищенным от каких бы то ни было покушений, он расположился на маленьком острове вблизи от материка против Сиденбурга. Там в течение нескольких дней он принимал окрестное население и почтительные подношения. Он им дал послушать пушечные выстрелы, чтобы внушить им страх и уважение. Ужасный грохот этих невиданных машин привел их в такое удивление и восхищение, что их легко было убедить, будто парси были посланы с солнца для их освобождения и привезли с собой громы, чтобы наказать их врагов.

Когда Севарис хорошо ознакомился с нравами этих народов, он увидел, что они живут сообща, разделившись на большие семьи, имевшие каждая нечто вроде своего особого управления; но, тем не менее, для общей охраны они ежегодно избирали полководца, в распоряжение которого каждая семья посылала определенное количество вооруженных людей. Он водил их на войну против их врагов-горцев, когда те спускались в долину и нападали на них или разоряли их страну. Далее он узнал из сообщения матросов, что они ходили нагими, прикрывая лишь те части, которые стыдливость не позволяет называть, шкурами живот-

ных, убиваемых ими на охоте; питались они главным образом плодами деревьев и кореньями и каким-то сортом овощей, которые они разводили и получали очень большие урожаи. Вместе с тем рыбная ловля и охота на оленей и банделисов были их самым обычным занятием, и ежегодно они приносили в жертву солнцу первые плоды всех культур.

Итак, Севарис, ознакомившись с нравами этих народов, нашел, что они соответствуют его чувствам, и решил, что в его интересах было прославиться как можно скорее каким-нибудь воинственным выступлением против врагов.

Для этой цели он велел показать места, по которым эти дикари каждый год спускались в равнины, и приказал соорудить укрепления, куда поместил несколько артиллерийских орудий и доброе количество мушкетеров. Он вывез из Персии около шестисот человек храбрых и ловких, которых вооружил шпагами, копьями и мушкетами. Выше его укреплений находился лес, куда он поставил сто парси и двести престарамбов (так назывались обитатели этой страны). В другом лесу, находящемся еще ближе к горам, он устроил такую же засаду и сам встал вместе с остальными своими людьми в новом укреплении, устроенном им в очень узком месте, чтобы дать возможность артиллерии произвести большее впечатление на дикарей на их пути. Когда он расположил таким образом своих людей, он послал большое количество престарамбов по направлению к горам, чтобы потревожить неприятеля, а

затем приказал им сделать вид, что они пускаются в бегство, чтобы завлечь врага в засаду. Они подошли к струкарамбам (так они называли своих врагов-горцев), бросились на их жилища и превратили их в море крови и огня. Этот набег взволновал весь гордый народ, не привыкший сносить оскорбления, в то время как сами они ежегодно поступали так же в отношении престарамбов. Они собрались отовсюду, чтобы отразить нападение силой, и, наконец, в количестве десяти или двенадцати тысяч, обрушились на тех, кто оскорбил их, решив оттеснить их к берегу моря и окончательно уничтожить. Те же, увидев это, согласно приказаниям Севариса, обратились в бегство, незаметно завлекая их к артиллерии, которая, выбрав подходящий момент, дала грозный залп и вселила в наступающих такой страх и ужас, что они в полном беспорядке бросились бежать в горы. Но их страх еще более увеличился, когда они стали попадать в другие устроенные им засады. Тогда они решили, что громы небесные сыпались на них отовсюду и всюду застигали их, что окончательно заставило их разбежаться. В этой суматохе и всеобщем смятении престарамбы, гнавшиеся за ними по пятам вместе с мушкетерами из парси, устроили жестокую резню, отомстив в этот день за все оскорбления и насилия, которые им часто приходилось терпеть от этих дикарей.

Они перебили их более трех тысяч и почти столько же забрали в плен, после чего они торжественно вернулись в свои жилища, всячески

выражая уважение и благодарность Севарису и его людям, которых они с той поры стали считать своими освободителями и богами-заступниками. Он очень сдержанно принял выражение их поклонения и старался внушить им, что за это дело они должны прославлять великого бога света, пославшего парси, чтобы их защищать и им покровительствовать. Он добавил, что было бы разумно и необходимо принести ему торжественную жертву, чтобы возблагодарить за счастливый исход сражения.

Этот благочестивый призыв был принят всеми, и тотчас же посреди поля битвы был воздвигнут алтарь, а Севарис, одевшись в самое богатое и блестящее священническое облачение, с торжественным богослужением принес в жертву солнцу оружие и останки врагов. К этой жертве он присовокупил жертву из благовоний, употребление которых было тогда незнакомо престарамбам, преисполнившимся во время церемонии уважением и восхищением при виде жертвы, блеск и великолепие которой значительно превосходили простоту их жертвоприношений.

Воздав эту дань благочестия и благодарности, Севарис вернулся к себе в лагерь, который через несколько дней после этого он перенес на один из островов озера Спораскомпсо, где был захвачен Морис в своей шлюпке, когда он отправился исследовать страну. Это место было более безопасным и более удобным, чем то, где он расположился ранее, и находилось гораздо ближе к горам, в приличном расстоянии

от моря. Как только он там устронлся, ои отослал два своих корабля в Персню под начальством Джованнн, которому приказал привезти с собой столько парси, сколько ему удастся нанять к себе иа службу. Кроме того, он прнказал ему привезти все, что он найдет необходнмым для того, чтобы прочно обосноваться, а в особениостн он наказал ие рассказывать никому об их прнключеинн, кроме тех парси, которых он заставит следовать за собой, добавнв, что нм также нужно приказать хранить тайну. Он опасался, что узурпаторы нз Персни, чтобы воспрепятствовать нх намерениям, помешают им выехать из страны и поселиться на этой новой земле, которая, казалось, была создана самим провидеинем для восстаиовлеиия там былого велнчия нстииных персов н иастоящего культа диевного светила. Джоваинн, получив этн распоряжения, троиулся в путь с попутиым ветром, который дул по иаправлеиию к Персин, куда через непродолжительиое время он благополучио прнбыл.

Тем времеием струкарамбы, которым удалось бежать, вериувшнсь к себе, прнвели всех в крайний ужас своим рассказом о битве, где громом н молиией (говорили оии) было уиичтожеио бесчнслениое колнчество их людей. Эта новость вскоре стала нзвестна н за горами среди струкарамбов, живущих в равинне, где сейчас расположеи Севариид. Такое иеобыкновенное приключеиие наделало среди инх миого шума и прнвело нх в нзумленне перед этим чудом. Оно даже заставнло нх опасаться

заранее кары, подобной той, которая постигла их соседей. Этот страх во многом облегчил выполнение намерений Севариса, который, получив новое подкрепление из парси, двинул в равнину свои победоносные войска.

В отсутствие Джованни Севарис был избран верховным вождем всех престарамбов, после чего, занявшись изучением страны и подсчетом населения, он увидел, что оно состоит более чем из трехсот тысяч душ, включая мужчин, женщин и детей. Так как этот народ жил общинами, подвергавшимися нападениям соседей, ежегодно разорявших их границы, они жили очень экономно и всегда делали запасы зерна на два-три года. Для сохранения зерна они выкапывали в земле большие ямы и так искусно потом их засыпали, что врагам было очень трудно их отыскать. Севарис заставил открыть несколько таких складов и перевезти зерно на остров на озере, куда он перевел свой лагерь, для того чтобы иметь там возможность употребить его на различные нужды.

Позаботившись таким образом о питании для своих войск, он заявил престарамбам, что недостаточно того, что они разбили врагов на границе. Если они не собираются напасть на них в их же стране и не будут считать своим долгом окончательно подчинить их своему влиянию, чтобы обеспечить мир и иметь возможность спокойно жить у себя, они никогда не смогут добиться полного покоя, пока их соседи будут в состоянии нарушать его, и прошлый их опыт мог быть достаточным доказа-

тельством того, чего они могут ожидать в будущем. Помимо этих убедительных доводов, он указал им, что если в их душе сохранилось чувство благородной жажды мести за оскорбления, которые так часто приходилось сносить им от врагов, они приложат все свои усилия, чтобы добиться удовлетворения и отомстить за разгромы и жестокости, которым эти дикие народы с давних пор подвергали их предков и их самих. Затем он добавил, что все победы их врагов зависели скорее от их численности, чем от силы, и что в будущем их большое количество послужит лишь к тому, чтобы придать больший блеск победам парси и престарамбов. Успех предыдущей битвы и благоволение их славного бога, который для этой цели послал им свои громы и молнии, обеспечивают победу легкую и верную.

Эта речь сильно подействовала на престарамбов, вселила в них новый пыл и усилила их нетерпеливое желание отомстить своим врагам. Они все, как один, стали просить Севариса вести их в бой, обещая идти за ним всюду, куда он их поведет, и клялись, что их самым страстным желанием было победить или умереть вместе с ним. Он похвалил их мужество и благородство и уверил их, что как только он получит подкрепление, которого ждет со дня на день, он поведет их в бой.

Некоторое время спустя Джованни прибыл из Персии в Престарамб — так тогда называлась страна, которую теперь называют Споромбом.— привезя с собой более тысячи вооружённых

женных парси, снабженных всем необходимым военным снаряжением. Он постарался навербовать и привезти с собой как можно больше каменщиков и плотников, а также привез все нужные инструменты для построек и для обработки земли.

С этим новым подкреплением Севарис решил перейти горы, как только растают снега, и занялся необходимыми приготовлениями к этой экспедиции.

После своей победы он занялся обучением обращению с оружием наиболее ловких молодых людей из престарамбов, в расчете, что когда он получит для них оружие, он поведет их вместе с парси, образовав сильный пехотный корпус. Из Персии ему привезли пятьдесят хороших лошадей, что оказалось очень кстати; поэтому он часто посылал туда свои корабли для доставки еще большего количества, чтобы иметь возможность устроить в Престарамбе конный завод.

Как только наступила подходящая погода и было подготовлено обеспечение войск всеми необходимыми припасами, Севарис пустился в путь со всей своей армией, состоявшей из восьми тысяч человек, из которых более трех тысяч были вооружены огнестрельным оружием. Пленных, которых он забрал во время сражения, он заставил нести съестные припасы и везти артиллерию, состоявшую из небольших боевых орудий, которые тащить было нетрудно. Эти пленные в большинстве своем были крупные и сильные мужчины, они несли

поклажу и везли пушки почти так же легко, как и лошади. Позаботившись, таким образом, обо всем, Теварис в сопровождении своей армии направился к горам. Слух о его походе навел такой ужас, что обитатели тех мест, где он должен был пройти, бежали из своих жилищ. Не встречая никаких других препятствий, кроме обычно встречающихся в пути, он пересек всю страну до долины Струкарамба. Это место, от природы очень красивое и плодородное, ему настолько понравилось, что он решил там обосноваться, если ему удастся покорить народ, его населяющий. Кроме того, он возымел намерение перевезти туда лучшую часть нации престарамбов, страна которых не была столь хороша и приятна, как эта.

Неожиданное появление его армии крайне поразило обитателей долин, но не настолько, чтобы помешать им собраться в нескольких местах для отражения нападения. Менее чем в две недели они собрали больше двадцати тысяч человек, полных решимости броситься в бой и насмехавшихся над теми, кто рассказывал, что парси метали громы небесные. Они считали это выдумкой и ловким способом, которым воспользовались их соседи, чтобы прикрыть позор своего поражения. Уверенные в этом, они стали приближаться к армии Севариса, расположившейся лагерем около леса невдалеке от большой реки и, из опасения возможных нападений на самый лагерь, устроившей укрепления в тех местах, откуда могли проникнуть враги. По правую сторону от ла-

геря была река, с тех пор получившая название Севаринго, слева защитой от нападений служил лес, сзади они выкопали большой ров, тянувшийся от реки до леса, где Коварис заставил повалить несколько деревьев, которые и преграждали доступ. Впереди лагерь был защищен только артиллерией из желания выставить в защиту против врагов лишь бдительность и доблесть войска. Когда Севарис увидел врагов достаточно близко, чтобы открыть сражение, он поставил всех престарамбов, вооруженных лишь стрелами и палками, во главе своей армии. Он приказал им идти навстречу врагам, первыми напасть на них, некоторое время выдерживая бой, а зат м постепенно отступать до тех пор, пока они не подведут их близко к артиллерии, что ими было в точности выполнено.

Дикари, увидев вначале лишь престарамбов, которых они привыкли побеждать и оружие которых было подобно их оружию, очень храбро встретили их, не боясь их маленькой армии, которую им, казалось, было так легко раздавить своей численностью. Эти же, со своей стороны, видя, что враги смело двигаются на них, стали постепенно отступать, пока не завлекли их поближе к пушкам, где они вдруг расступились, как им приказал Севарис, и в этот момент артиллерия стала громить врагов артиллерийским огнем, а фланговые мушкетеры, удвоив огонь, устроили такую ужасную бойню, что с первого залпа упало более пятисот человек. Ужасный грохот пушек и внезап-

ная смерть стольких людей сначала подавили пыл дикарей, а затем вселили такое смятение, что они, бросив оружие, обратились в бегство, опрокидывая друг друга, что привело к полному их поражению. Жажда мести, вдохновлявшая престарамбов, перешла всякие границы и заставила нарушить приказание Севариса, распорядившегося не убивать больше врагов, как только победа будет обеспечена. Но, несмотря на эту предосторожность, в сражении было убито пять или шесть тысяч человек и более трех тысяч было взято в плен, а ничтожные остатки этой большой армии нашли спасение в бегстве.

Потерпев поражение, все жители этих равнин убедились, что парси обладали громами небесными и что сообщение горцев было правдой, и их обуял страх и изумление. В момент, столь благоприятствовавший его планам, Северис поспешил воспользоваться их подавленным состоянием. После того как он принес новую жертву богу света, он стал продвигаться вдоль реки вглубь страны, не встречая никакого сопротивления, потому что враги продолжали бежать от него, бросая свои жилища и скрываясь в лесу. Когда не осталось ничего, что осмелилось бы ему противиться, он решил взять этот народ добротой. Для этой цели, как только он подошел к острову, где сейчас расположен Северинд, он раскинул там свой лагерь, укрепил его, чтобы иметь возможность в полной безопасности вести с горцами переговоры и убедить их заключить мир. А чтобы

они сами пришли просить о мире, он выпустил на свободу несколько пленных, с которыми очень ласково обошелся. Он велел им сказать своим соотечественникам, что он пришел не для того, чтобы их уничтожить или изгнать из страны, а только лишь для того, чтобы их наказать за жестокость, которую они проявляли по отношению к престарамбам, добавив, что отныне солнце их берет под свою защиту и он сам готов им покровительствовать, если они согласятся подчиниться без сопротивления законам этого бога всех людей, великим посланником которого на земле является он.

Этот способ вскоре возымел то действие, которого и ожидал Севарис. Менее чем через неделю к нему со всех сторон начали прибывать посланные, чтобы заключить с ним мир на условиях, которые он пожелает предложить. Его условия оказались очень благоразумными: вначале он предложил им лишь уплатить дань зерном, плодами и другими съестными припасами, необходимыми для его армии, а затем сказал им, что в другой раз, когда у них будет больше свободного времени и когда они лучше узнают друг друга, можно будет поговорить о новом соглашении. Струкарамбы, не рассчитывавшие так дешево отделаться, охотно пошли на эти мягкие условия и принесли в лагерь парси в большом изобилии разные необходимые для существования предметы.

Через несколько дней после заключения мира Севарис, взяв только часть своих людей и оставив бóльшую часть в лагере под началь-

ством Джованни, пошел на разведку в окрестности миль на десять вокруг. Он вернулся довольный, все более и более убеждаясь в своем решении поселиться здесь. Но так как ничего основательного он не мог создать, не построив города, он пустился на разведку как для того, чтобы подыскать удобное место, так и ради любопытства, желая познакомиться с местностью. Обитатели этих равнин жили тогда в хижинах и шалашах и никогда не только не видели, но и не слышали о каменных постройках, так что среди них нельзя было найти людей, которым можно было бы поручить такие работы. Хотя среди парси были каменщики и плотники, но количество их было столь ограничено, что без чужой помощи они долго не смогли бы закончить большого здания. Тем не менее решили, что в дальнейшем для какой-нибудь большой постройки общественного пользования можно будет получить немалую помощь от местных жителей, а пока следует перевезти из Персии столько рабочих, сколько окажется возможным. Чтобы иметь благовидный предлог для привлечения туземцев к работе, Севарис сказал им, что солнце приказало ему объявить от его имени о его пожелании, чтобы был выстроен храм. Если они почтительно подчинятся этому требованию, оно отныне дарит свое благословение и самое высокое покровительство, а если, наоборот, они откажутся ему повиноваться, оно отклонит от них свои благосклонные взоры и пошлет им тысячу несчастий. Этот приказ был встречен народом с

большой радостью и благоговением. Во все стороны были посланы разведчики для открытия каменоломен, откуда можно было бы получать необходимые для постройки материалы. Было обнаружено два-три места под горой и очень близко от реки, но за отсутствием лодок далеко увезти материалы было невозможно, а те места, где они имелись, не были столь красивы и удобны, как остров, расположенный посреди реки. Решили строить на этом острове как из-за красоты места, которое очень живописно и плодородно, так и в силу того, что оно представляло собой естественное укрепление. Однако, чтобы осуществить это намерение, надо было перевозить туда камень, а это казалось очень трудным. Тем не менее случай или, вернее, счастье Севариса преодолело это затруднение: гуляя однажды по горе, возвышавшейся на конце острова, находившемся против течения, он вошел, чтобы освежиться, в какую-то пещеру и увидел, что эта гора состояла из белого камня, легко высекаемого, который было бы удобно употребить на постройку предполагаемых им зданий. Он ловко воспользовался этим открытием и убедил струкарамбов, что солнце открыло ему, что тут же на острове найдутся необходимые материалы для постройки храма. Действительно, дальнейшими разведками было установлено, что эта гора состояла из рода мрамора различных цветов, а во многих местах острова росли высокие кедры и другие высокие строевые деревья, пригодные на сооружение лесов для большого здания,

которое предполагалось воздвигнуть. В настоящее время от этих скал ничего не осталось, потому что они все были употреблены на постройку города Севаринда, так что остров сейчас совершенно ровный и имеет лишь небольшой наклон по течению реки с нижней стороны. Северис сам наметил место, где должны были заложить фундамент храма и первых домов, которые можно видеть и сейчас.

Будучи занят этими постройками, он вместе с тем не выпускал из своих рук и другие дела. Во-первых, он позаботился о закреплении за собой перехода через горы, затем сделал большие запасы продовольствия и, чтобы иметь в будущем еще большее изобилие их, приказал струкарамбам посеять разных сортов семена, вывезенные им из Персии. Затем он приказал соорудить большое количество лодок и показал их употребление этим народам, пользовавшимся раньше маленькими лодочками, сделанными из древесной коры. После этого Северис уговорил нескольких престарамбов покинуть свои жилища и поселиться вместе с ним на их прежней родине, а чтобы их было легче убедить, он сказал им, что изгнал из головы все мысли о возвращении в Персию. Время от времени приезжали парси, которым стали уже известны его счастье и успехи и которые, видя в нем как бы возрождение былого величия и славы их нации, почти уничтоженной на родине, приезжали наперерыв предлагать свои услуги этому восстановителю персидской славы.

При сношениях, которые он имел со струкарамбами, Севарис обращал внимание на их наклонности, нравы, законы и обычаи, а также внимательно прислушивался к их языку и выучил его в очень непродолжительный срок. Внимательно изучая все это, он нашел, что они от природы умны и имеют некоторые зачатки благородства, хотя тогда их нравы и были очень грубы. Они жили почти так же, как и престарамбы, большими семьями или общинами, а когда того требовали их дела, они выбирали вождей, чтобы чинить правосудие или вести войну. Они жестоко карали кражу: ее было легко совершить и легко причинить этим большие потери, потому что их имущество не охранялось. Что же касается брака, то в этом отношении их обычаи ему очень не понравились, и он впоследствии старался их изменить. Так как они все жили большими семьями и сообща пользовались всем имуществом и даже людьми, находившимися в зависимости от их общины, они без всяких колебаний женились на своих собственных дочерях и сестрах, и это кровосмешение не казалось им преступным. Наоборот, их понятия в корне отличались от наших: им казалось более приличным жениться на людях своей крови, чем на посторонних. Они иногда позволяли себе браки с членами соседних семей и принимали к себе их дочерей, сыновья же никогда из своей семьи не выходили. Тот, кто женился на женщине, считался ее единственным мужем и отцом детей, которые у нее рождались, но он не был единствен-

ным ее обладателем, потому что разрешалось всем членам семьи, кого она пожелает принять, наслаждаться ею так же свободно, как тому, кто на ней женился, причем он имел такие же права на жен других членов семьи. Если же какая-нибудь из женщин отдавалась чужому, ее действие рассматривалось как великое преступление, наказываемое смертью. Так же наказывались и мужчины, заводившие связи с женами соседей. В каждой общине время от времени избирали начальника и нескольких помощников для экономического управления семьей; после этих руководителей наибольшим почетом пользовались старики. Начальник со своим советом пользовался правом жизни и смерти над всеми теми, на которых распространялась его власть, и полновластно распоряжался имуществом и самими подданными. Нельзя было ни выходить из семьи, ни завязывать каких-либо связей без его разрешения, и каждый был обязан повиноваться его распоряжениям. Для управления всей нацией избирался представитель от каждой общины, все вместе они составляли верховный совет, состоявший при вожде и принимавший участие в общественном обсуждении всех вопросов. Вот каким образом управлялись эти народы. Что же касается их языка, то Северис нашел, что он мягкий, размеренный и очень подходящий для письма, хотя и ограниченный и имеющий мало слов, потому что понятиями этих народов были самые простые вещи и они в то время не знали ни наук, ни искусства, которым их на-

учили парси с тех пор, как они с ними смешались. Он старательно занялся изучением языка, а так как он знал уже несколько языков, был способным и обладал навыками в изучении языков, а кроме того прекрасной памятью, он в короткое время достиг таких больших успехов, что его легко стали понимать струкарамбы и престарамбы, у которых язык был один, хотя и разные наречия. Эти последние жили почти так же, как и первые, кроме кровосмешения, о котором мы говорили и к которому они питали сильное отвращение. Они рассказывали, что этот обычай вкоренился у их врагов по примеру некоторых их соседей, которые жили в южной части страны, выражаясь на наш лад, по направлению к Южному полюсу. Затем они добавили, что это случилось после их разделения (потому что когда-то они все составляли одну нацию) в результате убеждений необыкновенного лгуна, именем которого они тогда назывались, околдовавшего их, развратившего их добрые нравы и причинившего тысячу неприятностей всем обитателям этих мест, которые до него назывались сефирамбами.

Между тем стены храма поднимались с каждым днем, и хотя сначала они не имели всех архитектурных украшений, они не казались от этого менее красивыми и прочными, а Севарис построил это здание так, что впоследствии было легко его украсить. Он наметил вокруг храма набросок нового города, приспособив здания к тому государственному строю, который

ои предполагал ввести среди этих иародов. Ои составил проект после того, как озиакомился со страиой, поинтересовался обычаями, и после того, как успех его оружия позволил ему надеяться приобрести над ними верховную власть. Когда храм был закоичен, он пригласил главных вождей нации иа торжественное освящение его и виес в эту встречу все великолепие и виешнюю пышность, оживившие и придавшие блеск этой церемонии. Ои выписал из Персии своих жеи и детей и мог бы обходиться без местных женщин, ио так как у персов многоженство разрешено, ои подумал, что было бы политически выгодно создать себе друзей путем новых браков с престарамбами и струкарамбами. Для этой цели он жеиился иа дочери одного из вождей первых и через некоторое время племяннице одного из вождей последиих, которым он оказал честь своим доверием и дружбой. Ои заставил парси проделать то же самое. И это его поведение оказалось очень выгодным тем, что сильно укрепило его власть, и эти браки ему очеиь помогли, когда ему пришлось объявить себя повелителем всех этих иародов.

Тем времеием количество подчинявшихся ему парси и престарамбов чрезвычайио возросло и увеличивалось с каждым дием, так что благодаря им ои все больше и больше приближался к тому, чтобы заставить бояться себя всю страиу. Ои часто заставлял их проделывать военные упражнеиия, а остальиое время они работали иа постройках и обрабатыва-

ли землю, которая, будучи возделана способами культурных народов, приносила несравненно больше, чем у дикарй. Он выписал из Персии лошадей, волов, верблюдов и многих других животных, которых он не нашел на австралийской земле, но зато он нашел много животных, неизвестных на нашем материке, в частности, банделисов, описание которых мы дали в первой части этой истории. Это — особая порода оленей, большие стада которых в то время можно было видеть в лесах этой страны. Севарис велел изловить несколько штук сетями, и, приглядевшись к их росту, силе и нраву, он решил, что их легко приручить и укротить, что и удалось сделать, согласно его намерениям. Итак, он приказал наловить их как можно больше, запретив избиение молодых, и пообещал австралийцам награды за тех, которых ему приведут. Они привыкли убивать их стрелами и есть их мясо, которое так же вкусно, как мясо оленя. В короткий срок он собрал их довольно большое количество и заставил их обучить, а затем употреблял их с пользой как для нужд перевозок и упряжки, так и для кавалерийских корпусов, которые он составлял из банделисов и привезенных из Азии лошадей. Он проделал все это в течение трех лет, и когда он увидел, что храм почти окончен, а кроме того, выстроено четыре больших квадратных дома, названных им ос*мазиями*, иначе говоря, общинами, в каждом из которых могла разместиться тысяча человек или около этого количества; когда он увидел в довершение,

что, заставляя обрабатывать землю на острове и в окрестных местах, он получал в большом изобилии съестные припасы, которыми наполнял свои склады, — тогда он решил, что не следует откладывать дальше свое избрание вождем всех покоренных им народов. Для этой цели он установил торжественный праздник в честь солнца и пожелал, чтобы его праздновали каждый год, приносили жертвы, устраивали пиры и общественные развлечения. Он пригласил самых главных из престарамбов и струкарамбов, и так как они были все в хорошем расположении духа и полны восхищения великолепием праздника, он предложил через одного из их полководцев, по имени Хостребаса, избрать вождя обеих наций, которому будет предоставлена верховная власть для управления ими и для их защиты. Так как Хостребас пользовался большим доверием и поддержкой всех сторонников парси, его предложение было принято, и с общего согласия честь стать королем была возложена на Севариса. Он сначала отказывался и говорил, что не может принять столь ослепительное звание, не посоветовавшись предварительно с солнцем, посланником которого он был, и согласно воле которого он и должен поступить. Если они считают это нужным, то для этой цели он принесет в жертву благовония, попросит великое светило наставить и повести их в столь важном деле и показать им, каким образом они должны в этом случае поступить. Они все согласились с этими скромными и разумными чувствами и

последовали за ним в храм, где он перед всем собранием, принеся солнцу жертву из благовоний, громко произнес следующую молитву или, вернее, хвалебную речь.

Стиль ее несколько поэтичен, и местами в ней можно заметить ритм и расстановку слов, встречающуюся только в стихах. Так как это было сделано умышленно, ибо такие обороты речи сильнее затрагивают сердце, чем обычная и пространная проза, то я не решаюсь удаляться от них.

Возможно, что не всякому понравится такая манера изложения и что эти стихи с частой перестановкой слов дадут повод для критики, но я уверен, что люди образованные, понимающие силу поэзии, будут судить иначе, в особенности будучи предупреждены, что Севарис достаточно хорошо изучил греческих и латинских поэтов и развивал в себе поэтический дух.

Впоследствии знаменитый поэт по имени Кодамиас, т. е. дух божественный, облек ее в стихотворную форму. В конце этого сообщения вы увидите историю этого знаменитого поэта, который, благодаря многим другим своим произведениям, достиг среди севарамбов почти такой же славы, как когда-то Гомер и Вергилий у греков и римляни. Но из всех его произведений среди этих народов пользуется наиболее глубоким уважением и почитанием молитва солнцу, потому что она вкратце содержит самое существо их религии, а также потому, что этот прекрасный поэт, насколько позволяло ему искусство, в своих стихах выразил

мысли Севариса, который, как мы уже сказали, молитву произнес всенародно.

Молитва Севариса солнцу

«Живительный источник света и жизни, прекрасное светило, блеску которого нет равного, наши слабые глаза не могут вынести твоих божественных взглядов. Мы не видим ничего более славного и более достойного поклонения, чем ты, когда обращаем свои взоры на те прекрасные предметы, которые мы видим вокруг нас благодаря тебе, единственному. Ты царственно прекрасно само и собою все украшаешь, тебя же ничто не может сделать еще более прекрасным. Твои лучи дают свет и блеск звездам, тебе подчиненным, твои лучи окрашивают небеса и облака тысячами разнообразных цветов, они золотят вершины гор и широкий простор долин, они изгоняют мрачные тени ночи, повелевают всем живым и, наконец, позволяют им видеть все, озаряемое тобой. Твоя красота безгранична, без тебя нет красоты, ничто не может показать своего очарования без твоего участия. С твоим появлением на нашем горизонте всё начинает радоваться, всё выходит из унылого молчания, чтобы, проснувшись, приветствовать тебя. Ты вырываешь из объятий смерти людей, уснувших на своих ложах, как бы возвещая им новую жизнь. Вечером же, когда ты отнимаешь у них свой свет и отдаешь его другим местам, их обволакивает густая тьма, прообраз смерти, которая была бы нестерпима, если бы не утешение сладкой

надежды твоего возвращения. Когда твое сияние тускнеет и затмевается, смертные бледнеют, как и ты, и сердца их охватывают страх и ужас.

Но вскоре снова радость и ликование сменяют их страх. В короткий срок ты пробегаешь свой путь по громадному своду небес, отмечая нам своим правильным и точным ходом времена года. С твоим приближением к нам все обновляется и приобретает новый блеск. Природа, которая замирает под снегами и льдами, разрушает свои оковы и цепи благодаря твоему живительному теплу, земля покрывается зеленью, и ты усеиваешь ее цветами и наполняешь плодами, зреющими для того, чтобы питать животных на земле, птиц в небе и рыб в воде. Они существуют благодаря твоей небесной доброте, и ты даруешь им жизнь. Ты — душа вселенной, все одушевляющая, без которой ничто не может существовать. Когда твое божественное тепло покидает нас, сразу же наступает холодный ужас смерти, все живое замирает, переставая видеть тебя. Их душа не что иное, как луч твоего всепобеждающего света, и когда ты отнимаешь свой луч у земного существа, оно тлеет, растворяется и снова возвращается в небытие. Когда в зависимости от времен года ты удаляешься от нас, во всем сказываются последствия твоего удаления, все тускнеет, все навевает грусть, и земля одевается в траур. Ты распространяешь свои благодеяния на всех людей, но неодинаково благоприятствуешь всем им в различных местах

вселенной. Некоторые едва могут пользоваться твоим теплом и твоим светом и остаются погруженными в долгий и ужасный мрак; будучи подвержены суровости зимы, они томятся в ожидании твоего возвращения. Они знают, что ты являешься источником всех благ или хотя бы тем благоприятным потоком, через который изливаются благодеяния и милости высшего существа, поддерживающего тебя и славным посланником которого являешься ты. Но все, кто так же, как и мы, наслаждаются твоими ласковыми взглядами и видят вокруг себя поля, покрытые цветами и плодами, обязаны любить и превозносить тебя еще больше. Каждое утро ты возвращаешь нам свет, который отнимаешь вечером, а если иногда из влажных паров моря ты образуешь густые облака, скрывающие от нас твой сияющий лик, то лишь для того, чтобы превратить их в освежающие дожди и в нежную росу, которые орошают наши долины и холмы, увеличивая их плодородие.

Но если твое благоволение вызывает поклонение, твой гнев, распространяясь на всех нас, не менее страшен и не менее дает себя чувствовать во всем. Как только наша неблагодарность и наши проступки прогневили тебя, у тебя есть множество способов наказать нас и испытать действие твоей справедливости: то ты превращаешь свое живительное тепло, от которого растут и зреют наши плоды, в жестокую жару, изнуряющую и сжигающую их, то ты сменяешь нежную росу неба на ливни и шумный град, уничтожающий богатства наших

садов и наших полей, то превращаешь сладкий зефир в вихрь и опасные грозы, то собираешь в кучу темные облака и поднимаешь густые туманы, чтобы скрыть от нас свой свет, и вместо ласкающих взглядов ты начинаешь метать молнии и вызываешь страшный гром, чтобы указать нам на наши проступки и предупредить о своем справедливом гневе. Иногда ты низвергаешь свои страшные молнии на самые гордые деревья, самые величественные горы, чтобы показать смертным, что ты можешь сразить все, что готово возвеличиться и возгордиться, и что если бы твоя доброта не сдерживала твой гнев, ты уничтожил бы неверующих и непокорных, не поклоняющихся тебе, божественному.

Мы, собравшиеся в твоем храме, чтобы высказать наши желания и выразить наше почитание и зажечь огонь на твоем алтаре, мы признаем, что тебе, единственному, мы обязаны своим существованием и теми благами, которыми мы обладаем, как и все остальные люди. Мы чувствуем, что должны особенно глубоко почитать тебя за твое покровительство в прошлом и будущем и за те милости, в которых ты отказываешь другим народам. Ты нам послал свои громы и молнии, чтобы покорить наших врагов, и даешь познания, полезные и приятные в жизни, которые предназначаешь только нам. Ты помогаешь нам разрешать самые важные дела, когда мы прибегаем к священным оракулам, и помогаешь в наших начинаниях, несмотря на то, что нам приходится

преодолевать самые трудные препятствия. Наконец, ты даешь нам познание, в чем должно выражаться наше поклонение и внешнее выражение нашего религиозного чувства, ты указываешь, чего мы не должны делать, чтобы не оскорбить тебя и твоей божественности. Для этого ты как бы за руку ведешь нас светлыми и верными путями в то время, как другие люди блуждают по темным и неверным тропинкам их суетного воображения. Одни создают себе кумиров, слабых и беспомощных, другие возводят в кумиры пустые призраки и поклоняются безумным мыслям своим. Мы же, руководимые простыми, чистыми и естественными чувствами, поклоняемся богу видимому и славному, власть которого нам известна, милости и доброту которого мы испытываем каждый день.

О, божественный свет, осыпай нас всегда своими милостями, рассеивай облака и мрак, которые могут затемнить и совратить наш разум. Он сам по себе слишком слаб и ограничен, поэтому мы и прибегаем к твоему божественному просвещению в выборе начальника и вождя, способного руководить нами согласно твоей воле. Если ты пожелаешь нам дать его, сделай так, о прекрасное светило, чтобы он обладал всеми качествами, требуемыми столь высокой должностью, и руководил нами, подавая нам пример во всех наших поступках, чтобы он защищал нас от наших врагов, чтобы среди нас воцарились мир, справедливость и все добродетели и, наконец, чтобы он поддер-

живал в нас веру и уважение, которое мы должны воздавать тебе, доставляя лишь радость и ничем не навлекая твоего гнева, чтобы вечно пользоваться твоим милостивым покровительством и выражением твоей особой доброты».

Молитва, произнесенная Северисом с большим чувством, затронула сердца присутствующих, и они постигли великое благочестие этого государя. Они были приятно поражены, когда сразу после того, как он кончил говорить, зазвучала нежная мелодия под куполом храма, которая слышалась как бы издали и постепенно приближалась. Они услышали прелестный голос женщины или мальчика, который, нежно пропев что-то, сказал всем собравшимся, что он посланный солнца и возвещает им, что славный бог услышал их молитву, принял их жертву и даже бросил свой взгляд на одного из них, чтобы возвысить его достоинство над другими. Однако он не хочет, чтобы избраннику было присвоено имя короля, потому что ни один смертный недостоин пользоваться суверенной властью над народом, который им избран из всех народов мира себе в подданные и истинные последователи. Будучи уже их богом, он сам желает быть их повелителем, чтобы они управлялись целиком согласно его законам, очень справедливым и очень простым, которые будут им даны через посредство избранного им наместника, ранее возведенного им до ступени верховного жреца. Лицо, избранное им, это великий жрец Северис, которого он публично объявляет своим наместником.

Наконец, он приказал им признать его и в будущем повиноваться ему и его преемникам в соответствии с теми небесными законами, которые он внушит избранному им самим наместнику для выражения его воли и распределения его благодеяний. После этой торжественной речи раздалась еще более нежная мелодия, чем первая, которая как будто удалялась, пока не замолкла совсем.

Между тем народ в глубоком восхищении думал, что действительно это был голос с неба, возвестивший им волю бога. Они ему подчинились сразу же и с большой охотой, ибо увидели, что славный король избрал себе наместником того, кого они хотели избрать своим государем, и что эту милость он еще увеличил великой честью, желая сам управлять ими и принять на себя особые заботы об их нации. Итак, народ признал Севариса вице-королем солнца, и самые знатные из его подданных приветствовали его и дали присягу в верности. Я нахожу его поведение в этом случае весьма замечательным и достойным его ума и предусмотрительности, потому что он поступил не так, как другие великие законодатели, которые, чтобы придать вес своим законам, говорили, что они получили их от какого-либо божества, а он заставил говорить голос неба (во что они поверили) и изъявить волю их бога. Кроме того, он думал, что если он откажется от верховной власти и присвоит ее целиком солнцу, то государственный строй, который он имел намерение установить среди этих наро-

дов, окажется более твердым и будет пользоваться бо́льшим уважением, а сам он, будучи наместником и выразителем воли этого славного повелителя, будет более почитаем и ему будут оказывать больше повиновения, чем если бы он получил власть от простых смертных. Он очень любил музыку и не плохо понимал ее: это убеждает меня в том, что при постройке храма он заставил устроить в куполе какое-то потайное углубление, чтобы оттуда могла раздаваться музыка, о которой мы только что говорили, и что у него было какое-то изобретение, благодаря которому казалось, что звуки сначала приближаются, а затем удаляются. Тем не менее простой народ севарамбов до сих пор верит, что голос, возвестивший волю солнца их предкам, исходил от него и что Севарис был избран велением великого светила. Но почти все умные люди, с которыми я запросто беседовал в Севарамбе, признавались, что они думали, что это была ловкая выдумка их законодателя, чтобы придать больше веса и полноты своей власти. Это можно увидеть еще и в поведении парси тех времен, которые уверили австралийцев, что солнце их научило искусствам и удостоивало их своего особого внимания, в то время как они вывезли свои знания с нашего материка. Севарис говорил то же самое в своей молитве к этому светилу, когда он благодарил его за дары и милости, как будто бы даваемые только ему и его подданным.

Струкарамбы, согласно свойству их языка, в котором окончание «*ас*» прибавляется к име-

нам лиц высокого звания, стали называть Севариса *Севариасом*. Они также изменили название страны, которую престарамбы называли тогда Струкарамбом, в *Севарамб*, прибавив первые слоги имени этого государя к слову *арамб*, что на их языке означает «страна», «местность», или «родина». Престарамбы проделали то же с именем Струкарас, что означает «мошенник» или «самозванец», во имя ненависти к старому врагу их нации; но те, вождем которых он был и которые впоследствии воздали ему божественные почести, назвали его *Омигас*, и сами от этого имени стали называться *омигарамбами*. Но когда оба эти народа объединились под властью Севариаса, они стали называться севарамбами и называются так до сих пор.

Севариас, достигнув, наконец, главной цели и добившись верховной власти, решительно принялся за обработку и украшение страны, за составление законов, предложенных им затем его новым подданным. Некоторое время он колебался, на каком из предполагаемых им и Джованни государственных устройств остановиться.

Первоначальным их проектом было разделение народа на различные классы, ибо они думали сначала делить земли и предоставлять их в собственность частным лицам, по примеру почти всех народов нашего материка. Все парси стояли за этот раздел, и было почти решено разделить народ на семь классов, подчиняющихся один другому.

В первом должны были быть земледельцы и все те, которые работают на земле. Во втором — все люди, занимающиеся грубыми ремеслами, как каменщики, плотники, ткачи и им подобные.

Третий должен был состоять из тех, которые занимаются ремеслами более тонкими и более сложными, как живописцы, вышивальщики, столяры и другие подобные им ремесленники. В четвертом объединялись купцы и перекупщики всякого рода товаров.

Богатые буржуа, литераторы и другие люди, занимающиеся свободным искусством, должны были составлять пятый класс. Простые дворяне должны были быть включены в шестой класс; и, наконец, седьмой — самый почетный — должен был быть классом разных знатных вельмож. При разделе земель добрая часть земли должна была отойти на обычное содержание государства, а в исключительных случаях каждый класс должен был принимать участие в расходах в соответствии с чинами и средствами, причем никто не мог представлять исключения или пользоваться особыми привилегиями, потому что несправедливо и противоречит здравому смыслу, чтобы те, которые являются членами государства, защищаются его законами и пользуются всеми общественными преимуществами, не принимали участия в его поддержании, в то время как другие обременялись бы податями и налогами. От них освобождалось лишь имущество государя, а все его подданные должны были участвовать в обще-

ственных расходах, каждый в соответствии со своим общественным положением и возможностями при равном распределении. Но чтобы они постоянно признавали власть государя и чтобы уплата податей вошла в привычку, предполагалось обложить каждого, достигшего двадцатилетнего возраста, умеренным годовым налогом, который должен был называться подушной податью. Кроме того, если достигшие в законном обладании имуществом и богатствами определенного ограниченного законами предела захотели бы перейти в высший класс, то они были бы обязаны уплатить государству сумму денег, в соответствии с правилами, установленными на этот предмет. Один класс должен был отличаться от другого своей одеждой, чтобы низшие никогда не могли воспользоваться почестями высших, и таким образом каждый занимал бы место соответственно его достоинству. Этот проект, действительным автором которого, мне кажется, был Джованни, должен был заключать в себе еще многие правила. Севариас же, ознакомившись с этим государственным строем и некоторыми другими проектами, предложенными ему, отказался от них и сам составил проект, несравненно более справедливый и лучший, чем те, которые применялись до тех пор. Обладая благоразумием и необыкновенной мудростью, он стал изыскивать и внимательно изучать причины раздоров, войн и других бед, которые обычно омрачают жизнь людей и приводят в уныние народы и нации, после чего он признал, что общественные

бедствия исходят главным образом из трех источников: гордости, алчности и праздности.

Гордость и честолюбие большей частью приводят людей к желанию возвыситься над другими и подчинить их себе, и ничто так непотворствует этой страсти, как преимущество знатного происхождения, когда дворянство является наследственным. Блеск знатного имени так сильно ослепляет получивших его из рук судьбы, что они забывают о своем природном происхождении, и мысли их направлены лишь на внешние блага, которыми они обязаны своим предкам, а не собственным заслугам. Они очень часто воображают, что все другие люди должны во всем им подчиняться, что они рождены, чтобы распоряжаться, и не задумываются над тем, что природа создала нас всех равными, не делая различия между дворянином и простолюдином. Природа подвергает нас всех одним и тем же болезням, мы все вступаем в жизнь одним и тем же путем, ни богатство, ни знатность не могут ни на минуту продлить жизнь монархов, а также и их подданных, самое же лучшее, что позволяет отличать людей друг от друга, — это преимущества, вытекающие из добродетели. Чтобы устранить все ненормальности, порождаемые неравенством происхождения, Севариас не пожелал иного деления среди своего народа, кроме как на должностных и на частных лиц, и среди этих последних лишь различие в возрасте могло составить разницу в положении.

Богатство и обладание собственностью вы-

зывают большие контрасты в обществе, и от них ведут начало алчность, зависть, вымогательство и множество других болезней. Поэтому он отменил право собственности, лишил его частных лиц и пожелал, чтобы все земли и народные богатства принадлежали исключительно государству, которое может ими неограниченно распоряжаться, так чтобы его подданные могли получить лишь то, что им будет предоставлено должностными лицами. Таким образом, он совершенно изгнал страсть к наживе, оброки, налоги, голод и бедность, порождающие столько бедствий в различных государствах мира. Со времени установления этих законов все севарамбы богаты, хотя и не имеют никакой собственности. Им принадлежат все богатства государства, и каждый из них может считать себя столь же счастливым, как самый богатый в мире монарх. Если среди этого народа кому-нибудь понадобится что-либо необходимое для жизни, ему стоит лишь попросить это у должностного лица, и он всегда получит. Ему не приходится заботиться ни о питании, ни об одежде, ни о жилище в продолжение всей своей жизни, ни даже о содержании жены и детей, хотя бы их у него были сотни и тысячи. Государство заботится обо всем этом, не требуя ни податей, ни налогов, и весь народ под управлением государя живет в счастливом довольстве и с обеспеченным отдыхом. Но так как должностное лицо, являющееся главой политического тела, нуждается в помощи других членов, которые необходимо уп-

ражнять, а также из опасения, чтобы они не возмутились в довольстве и в удовольствиях или не размякли от безделья, Севариас пожелал дать работу всем своим подданным и держать их в бодром состоянии посредством труда полезного и умеренного.

Для этой цели он разделил день на три равные части: первую часть он предназначил для труда, вторую для развлечений и третью для отдыха. Он пожелал, чтобы все люди, достигшие определенного возраста, которых болезни, старость и другие несчастья не освобождают от выполнения требований законов, работали по восемь часов в день и остальное время употребляли на дозволенные и пристойные развлечения или на сон и отдых. Так жизнь протекает очень спокойно, тело утомляется от умеренного труда, но не напрягается от непосильной работы. Ум занят, но в меру, и не обременен заботами, тревогами и горем. Развлечения и удовольствия сменяют труд, отдыхают и обновляются тело и ум, а затем покой освежает их и дает возможность восстановить силы. Таким образом, людям, занятым добрым делом, нет времени думать о зле, они почти не знают изгоняемых честным трудом пороков, к которым их привела бы праздность. Зависть, происходящая от трех причин, уже указанных нами, редко проявляет неистовую злобу среди этих народов, а сердце обычно согревается благородным соревнованием, исходящим из любви к добродетели и из справедливого желания похвал, заслуженных добрыми делами.

Севариасу ие стоило больших трудов заставить новых подданных принять его закоиы, ибо, будучи одобрены божеством, его законы к тому же немногим отличались от обычаев туземцев, ибо (мы уже раиьше об этом говорили) эти народы жили общииами и не имели почти никакой собственности. Когда мы будем говорить о государственном строе севарамбов, существующем в настоящее время, мы остановимся на этом более подробно, пока же ограничимся несколькими общими словами. Хотя этот великий законодатель сам установил основы закоиов и общественного управления, тем не менее он не устанавливал всех порядков, существующих ныне среди севарамбов, а предоставил своим преемникам право, в зависимости от обстоятельств, изменять, увеличивать или уменьшать все то, что они найдут необходимым для блага нации. Однако, ои очень определенно запретил им вводить что-либо противоречащее естественному праву или основиым закоиам государства, иаправленным к сохранению гелиократической формы управления, т. е. к непризнаванию другого государя, кроме солнца, и к иепринятию других законов, кроме тех, которые ои виушил своему иаместнику и его совету.

Вице-королем утверждать лишь того, кого избирает солнце из среды высших министров государства, что делается при помощи жребия и о чем будет рассказано дальше.

Ни в коем случае не допускать, чтобы собственность иа имущество перешла в руки част-

ных лиц, а сохранить полностью принадлежность его государству, с неограниченным правом распоряжения им.

Не разрешать наследственных чинов и званий, а заботиться о сохранении равенства по рождению, чтобы лишь собственные заслуги могли возвысить частных лиц до общественных должностей.

Заставить уважать старость и с самых ранних лет приучить молодежь уважать тех, кто стоит выше их по возрасту и опыту.

Изгнать праздность из всей страны, потому что она — мать пороков и источник ссор и беспорядка, и приучить детей к умению работать.

Не занимать их бесполезными и пустыми искусствами, служащими лишь для роскоши и тщеславия, возбуждающими лишь гордость и порождающими завист и раздор, отталкивающими сердца от любви и добродетели.

Наказывать всякую невоздержанность, ибо она развращает тело и душу и оказывает действие, противоположное добродетели, сохраняющей и то и другое в состоянии спокойствия.

Защищать законы о браке и заставить взрослых людей соблюдать их как для умножения рода и увеличения нации, так и для того, чтобы избежать супружеских измен, кровосмешения и других отвратительных преступлений, уничтожающих справедливость и нарушающих общественное спокойствие.

Особенное внимание обращать на воспитание детей, которые должны быть усыновлены государством, как только они достигнут семи-

летнего возраста, чтобы с самых ранних лет они приучались к соблюдению законов и к повиновению должностным лицам, являющимся действительными отцами родины.

Обучать молодежь обоего пола обращению с оружием, чтобы иметь во всякое время людей, способных отразить нападение врагов государства.

Наконец, укреплять религию, чтобы связать людей совестью, убедив их, что ничего не остается скрытым от божества и что не только в этой жизни, но и после смерти оно приготовило награды для добрых и наказания для злых.

Вот вкратце главнейшие статьи законов Севариаса, публично утвержденные через пять лет после его прибытия в австралийские земли и свято соблюдавшиеся его преемниками. Опубликовав их, он тщательно добивался выполнения их мягкостью и угрозой своего оружия. Он принял настолько правильные меры, добиваясь своего, что встретил весьма мало препятствий к выполнению своих намерений: находилось мало людей, осмеливавшихся им противиться, потому что, если, с одной стороны, законы были мало приятны для злых, то все добрые их одобряли, как правильные и справедливые. Правда, что парси было трудно привыкнуть к общности имущества, но все они были чужеземцы, и их богатство зависело исключительно от их вождя. Поэтому они в конце концов подчинились его воле тем более легко, что они видели, как струкарамбы, уже

привыкшие жить общинами, охотно этому подчинялись. Тем, которые всю жизнь провели в праздности, было труднее принудить себя к определенной работе, поэтому к ним эта статья не применялась со всей строгостью. Но молодежь заставляли точно выполнять ее, так что менее чем через двадцать лет она выполнялась уже всеми, и бездельников больше не стало, разве только среди пожилых людей.

Севариас счастливо и благополучно царствовал тридцать восемь лет и видел полное повиновение своим законам во всех землях, где он владычествовал, и никогда никто не осмелился противиться его воле. В течение этого долгого царствования народонаселение необыкновенно увеличилось, так что число его подданных, перепись которых он производил через каждые семь лет, достигло свыше двух миллионов, хотя в начале его царствования их было не больше восьмисот тысяч. Он всех их распределил по осмазиям — большим квадратным зданиям, где они жили общинами, в чем им всегда подражали и их потомки.

Еще во времена Севариаса город Севаринд сильно разросся, он сам заложил фундамент сорока осмазий и построил много других по дороге в Спорунд, основателем которого также был он. Он провел много каналов в долинах Севарамба, чтобы еще больше увеличить их плодородие, хотя они и были очень плодородны сами по себе, и задумал многие общественные работы, которые впоследствии были выполнены его преемниками.

От десяти или двенадцати жен, которых он имел в течение своей жизни, родилось много детей, потомство которых сильно увеличилось и пользуется большим уважением среди севарамбов. Они даже пользуются некоторыми преимуществами, не предоставляемыми другим подданным, главной из которых является возможность поступить на государственную службу на три года раньше, чем юношам из других семей.

Многие годы Севариас положил на то, чтобы обработать и обогатить местный язык, и его старания увенчались такими успехами, что в его время он был равен всем восточным языкам по изяществу и мягкости. Он сделал столько верных замечаний и так хорошо соразмерил основы языка для последующего развития, что в пятом царствовании язык этот был более красив и богат, чем латинский и даже греческий.

Наконец, процарствовав целых тридцать восемь лет и достигнув семидесятилетнего возраста, он почувствовал старческую немощь и решил передать власть другому, чтобы провести остаток дней своих в отдыхе, как простой смертный. Для этой цели он созвал всех осмазионтов нации, т. е. всех управляющих осмазиями, которые и поныне образуют генеральный совет, и сообщил им о своем решении. Одновременно он просил их приступить к выбору нового вице-короля, испросив совета у солнца, на волю которого они должны были положиться в таком важном деле, уверив их,

что славный король не откажется им указать при помощи жребия того, кого он наметит ему в преемники, если они бросят жребий, согласно указаниям, уже предписанным им. Но, видя, что эта речь опечалила всех собравшихся, он стал им доказывать, что ему уже очень много лет и силы его начинают слабеть, что ему стало трудно держать бразды правления и что было бы полезно для общества избрать вождя более молодого и более крепкого, чем он, чтобы управлять государством. Он поработал тридцать восемь лет для блага и счастья нации, и было бы справедливо, чтобы он, наконец, подумал о своем личном отдыхе. Затем он добавил, что, кроме этих веских причин, он получил тайное предупреждение от солнца отойти от дел и передать другому управление государством и сан главного жреца, который нераздельно связан с званием вице-короля. Когда он окончил свою речь, сильно огорчившую всех слушавших его, многие члены совета, засвидетельствовав ему свое уважение и благодарность и выразив сожаление, что ими будет управлять кто-то другой, просили его сохранить до конца дней звание, которое он носил уже так давно и с такой славой, или, по крайней мере, дать одного из своих сыновей, чтобы царствовать вместо него, если он будет продолжать упорствовать в своем намерении передать власть другому. Кроме того, они заявили, что нация во время всего его царствования имела столько ясных доказательств его рассудительности, доблести и любви к народу, что с

трудом сможет утешиться в этой потере, и единственным способом, могущим успокоить горе его подданных, причиненное этой потерей, было бы возведение на трон кого-либо из его детей, кого он сам найдет наиболее достойным его заменить, чтобы в его лице и в лице его потомков всегда можно было видеть живой образ их великого предшественника и чтить в них глубокую мудрость и несравненные достоинства государя, которому вся нация была обязана своим счастьем. Для этой цели они предложили ему сделать его звание наследственным в его семье, отдавая предпочтение его знаменитому роду перед всеми остальными. К этим настоятельным убеждениям они присовокупили еще много других и употребили все доводы и средства, пришедшие им в голову, чтобы заставить его принять их предложение. Но ничто не могло поколебать этого великого человека. Он твердо возражал против их доводов и просьб, и добродетель его восторжествовала в этом случае над всеми слабостями человеческого ума. Он возразил им, что государство у них чисто гелиократическое, и он не может согласиться на их предложение, ибо при выборе вице-короля, в соответствии с установленными законами, следует целиком руководствоваться волею солнца, которое посредством жребия указывает, кто из его подданных будет ему наиболее угоден и наиболее достоин руководить его народом. Тем не менее он поблагодарил их за их заботы и привязанность, сказав им, что хотя он относится к своим де-

тям со всей любовью и нежностью, на какую только способен отец, все же он никогда не уклонится от необходимого повиновения славному королю, давшему ему власть. Когда дело касается общественной пользы, следует заставить умолкнуть чувства отцовской любви и свои личные интересы принести в жертву государству, глава которого должен быть всегда его настоящим отцом. Затем он добавил, что в подобных случаях в будущем он надеется на добродетель своих преемников, которые должны следовать его примеру и показать потомству, что честь и слава монарха заключаются единственно в том, чтобы положить все силы на счастье своего народа, руководить и повелевать которым ему поручено небом.

Осмазионты совета, видя из этого ответа неотложную необходимость смены вице-короля, избрали из своей среды четырех человек, и жребий пал на одного из них по имени *Кхомедас*, которого впоследствии стали называть Севаркхомедасом, прибавив к его имени два первые слога имени Севариаса, что в дальнейшем стали делать по отношению ко всем его преемникам.

Три дня спустя после этого избрания Севариас в сопровождении всех высших должностных лиц государства повел Кхомедаса в храм, чтобы совершить религиозные обряды по случаю его воцарения, которые должны были быть очень торжественными, желая оказать честь своему преемнику и показать народу своим личным примером, каково должно быть

почитание, оказываемое монарху. На алтаре он принес жертву богу света и во второй раз произнес молитву, посвященную ему тогда, когда он был избран голосом с неба, добавив лишь, чтобы прекрасное светило наставляло и руководило новым наместником, которого оно избрало для того, чтобы управлять его народом.

Наконец, повернувшись к тому, который должен был стать его преемником, он громко произнес перед всем народом примерно такую речь:

«Прежде чем передать тебе то, что еще осталось от моей власти, я должен, о Кхомедас, сделать тебе несколько предостережений. Я чувствую, что должен это сделать во имя славы нашего божественного монарха, для блага его народа и для посвящения тебя.

Намерение, приведшее нас в этот храм, заключает в себе много необыкновенного: вчера ты был моим подданным, а завтра станешь моим повелителем; я добровольно удаляюсь от трона, и ты беспрепятственно взойдешь на него, и этим поступком мы покажем потомству самый замечательный пример, когда-либо показанный монархом. Редко в каком государстве происходят такие перемены, если они не вызываются в действительности отцовской любовью и слабостью государей, или если право победителя не делает их необходимыми. В данном случае дело обстоит не так: не право и не природа заставляют меня покровительствовать тебе, не сила твоя и не моя слабость заставляют меня передать тебе скипетр и ко-

рону Солнца, а только лишь воля нашего славного короля и мое повиновение его священным велениям возносят тебя до нового высокого звания. Выбор его, остановившийся на тебе и делающий тебя его наместником и моим преемником, справедливо наполняет твою душу возвышенными мыслями, но отнюдь не должен внушать тебе чувства гордости и заставить тебя забыть свое происхождение. Помни, что ты только человек, что по законам рождения у тебя нет никаких преимуществ над другими, что ты, так же как и они, подвержен недугам и превратностям судьбы, и роковой предел, которым оканчивается их жизнь, также прекратит и твою. Подумай внимательно о всей тяжести короны того, от кого ты ее принимаешь, и кому ты должен будешь дать отчет. Подумай о счастье предшествовавшего тебе царствования и посмотри, какому примеру ты должен следовать и какие примеры тебе нужно подавать. Обязанности вице-короля, которые ты призван исполнять, очень велики и ответственны, они требуют напряженного внимания, твердого ума, неустрашимой отваги, непоколебимой верности и чрезвычайной осторожности. Я не сомневаюсь, что ты обладаешь всеми этими качествами, раз лучезарный бог, направляющий нас, который все видит и все знает, предпочел тебя остальным своим подданным и сделал тебя главным исполнителем его воли. Разреши, тем не менее, тебе сказать, что в управлении государством есть два пути, приводящие к совершенно раз-

личным целям: первый — путь добрых монархов, второй — тиранов; один ведет прямо к славе, а другой к бесчестию. Тираны дают волю своим страстям и отдаются во власть плохих наклонностей своего сердца и всегда своими пороками уничтожают плоды своего благоразумия. Они редко думают о том, кто дал им власть, они мало задумываются над тем, что им придется отдавать ему отчет, и никогда не думают о том, что чем медленнее действие правосудия, тем страшнее его приговоры. Отсюда следует, что их власть ненавистна, они обречены на гибель, а память о них полна отвращения.

Добрые монархи, наоборот, руководствуются лишь светом чистого разума, долг свой они считают ненарушимым правилом и, верно следуя голосу предусмотрительности, укрепляют трон на основах, которые ничто не может поколебать. Их любят во время их жизни, сожалеют по их смерти, и память об их царствовании всегда дорога и ценна потомству.

Будучи далек от мысли, что ты хоть минуту можешь колебаться в выборе одного из этих двух путей, я убежден, что ты уже принял великодушное решение следовать поведению добрых монархов так же ревностно, как и избегать правил тиранов. Твой долг, твоя честь и твой собственный интерес безусловно обязывают тебя к тому, я же еще напоминаю тебе об этом от имени того, чей живой образ ты должен воплощать в этом государстве. Он дал нам законы, хранителем,

толкователем и исполнителем которых отныне будешь ты. Эти законы — законы мудрости, которая, будучи неизменна, не потерпит изменений и в конституции этого королевства. Уважай их первоисточник, остерегайся что-либо изменять в них и не упускай случаи наказывать дерзость тех, которые захотят осквернить священные веления солнца нечистою примесью своих выдумок. Пользуйся неограниченной властью, предоставляемой тебе этими законами, для осуществления правосудия, воздержанности и процветания мира. Покой и счастье народов заключаются в мире, но, чтобы сохранить его, нужно внимательно следить за чистотою нравов и в корне пресекать пороки. Легко руководить хорошими людьми, а плохими трудно, и единственная возможность славного царствования — это справедливое распределение наград и наказаний. Для этой цели государь всегда должен быть во всеоружии, как во время мира, так и во время войны, чтобы иметь возможность своевременно отражать врагов внешних и подавлять внутренние восстания, заставив одновременно и бояться и уважать всюду мощь своего оружия и святость своих законов. Я старался своими прошлыми действиями доказать истину этих правил, что торжественно и предлагаю тебе сегодня перед богом, наставляющим нас, и перед народом, слушающим меня, а тебе предоставляю извлечь пользу из моих советов. После этого я передаю тебе корону и скипетр Солнца, как последние доказательства власти, которую,

согласно его велениям, на тебя возлагаю. Пусть твои действия будут ответом на намерения нашего божественного монарха, мы возлагаем на тебя наши надежды, и, наконец, запомни непреложную истину, что слава истинного государя зависит меньше от блеска его короны, чем от счастья его подданных».

Окончив эту речь, он взял за руку Кхомедаса, повел его к алтарю и заставил поклясться богом невидимым, вечным и бесконечным, солнцем видимым и славным и любовью к родине, что он будет свято выполнять основные законы государства, не расширяя и не сокращая их. Затем, посадив его на трон, он возложил ему на голову корону, вложил скипетр в руку его и, поклонившись вице-королю солнца, первый почтил его. Он предложил всем присутствующим должностным лицам последовать его примеру, а затем, повернувшись к народу, стал призывать его к тому же. Он обратил внимание народа в особенности на то, что самый великий долг подданных состоит в уважении, повиновении и верности государю. Хотя одобрение и согласие народа необходимо для его вступления во власть, но не следует воображать, что воля народа основной ее источник — провидение принимает большее участие в избрании монархов, чем народ, монархи же на земле должны рассматриваться как живое воплощение божества, и хотя бы они плохо исполняли свои обязанности, их подданные не должны уклоняться от своих, ибо небо часто благословляло несправедливые

поступки монархов, чтобы наказать народ, который своими проступками навлек на себя гнев небесного правосудия. Народ должен безропотно подвергаться наказанию, не следуя мятежным советам. Возмущение — не только самое тяжкое преступление, но и самое большое безумие, ибо вместо того, чтобы доставить свободу тем, кто подпадает под его влияние, оно приводит лишь к более жестокому угнетению, независимо от того, на чьей стороне окажется победа. Наконец, подчиняться законной власти не только долг всех подданных, но в этом заключается их же собственная польза.

После сложения с себя обязанностей монарха Севариас удалился вместе со своей семьей в одну из выстроенных им осмазий, расположенную на расстоянии одного дня пути от Севаринда, в прекрасном месте, где был чудный воздух. Он жил там как частное лицо, совершенно не вмешиваясь в дела, кроме тех случаев, когда к нему приходили за советом; и это делали при разрешении всех важных вопросов, пока он был жив, как для того, чтобы оказать ему почет и уважение, так и для того, чтобы показать, насколько считались с его мнением.

Отказавшись от власти, он прожил еще шестнадцать лет, и ум его не подвергся слабости, свойственной его возрасту. Он сохранил рассудок и даже память до последней минуты своей жизни. Наконец, почувствовав приближение последнего часа, он напомнил своим детям о долге и любви к родине, указав им, что

действительная слава заключается в повиновении законам, в чувстве справедливости и в воздержанности. Затем он добавил, что хотя его тело и смертно, но душа бессмертна и, как только освободится от земных оков, она вознесется на славное светило, от которого ведет свое начало, чтобы облечься в новую форму, более прекрасную и совершенную, чем прежняя. То же самое будет и со всеми теми, жизнь которых была чиста и праведна и которые с радостью повиновались богу всевидящему и знающему не только все поступки, но и все мысли человеческие. Наоборот, все злые и нечестивые, не повиновавшиеся его законам, все безнравственные будут строго наказаны после смерти, и душа их воплотится в более презренное и немощное тело, чем первое, и, кроме всего этого, они попадут в места, отдаленные от сияющего лика солнца, где почувствуют жестокий холод зимы и будут жить, погруженные во мрак глубокой ночи, чтобы искупить свои грехи.

Сказав это, он испустил дух. Он оставил глубокое сожаление о себе во всем народе, носившем траур по нем в течение пятидесяти дней и выражавшем необычайное горе по поводу его отсутствия и смерти. Народ считал его отцом родины и создателем того благосостояния, которым все пользовались, так что память об этом великом человеке еще сейчас жива и всегда будет настолько жива и почитаема среди севарамбов, что они воздвигли бы ему алтари и воздавали бы ему божеские поче-

сти, если бы он сам, предчувствуя это и будучи кровным врагом идолопоклонства, не принял мер против этого перед своей смертью.

Ему были устроены царские похороны, по этому случаю приносились исключительные жертвы, и его преемник не пожалел ничего, чтобы почтить его память и показать всему народу глубокое сожаление по поводу его смерти.

Это почитание и мудрое поведение значительно увеличили питаемые к нему любовь и уважение, придали новый блеск его царствованию и заставили признать его достойным преемником Севариаса.

Он царствовал еще шесть лет после смерти Севариаса, а затем, почувствовав приступ жестокой болезни, он передал управление государством другому, подражая и в этом своему предшественнику, как старался подражать ему во всех своих действиях.

Во время его царствования было построено много осмазий и процветали все искусства, введенные еще во времена Севариаса, которому он воздвиг прекрасный надгробный памятник, существующий еще и по наше время в севариндском храме. При нем были построены два больших моста по обеим сторонам острова, чтобы облегчить сообщение, которое до того времени осуществлялось при помощи лодок; он задумал окружить остров толстой стеной, но так как он прожил не столь долго, то предоставил заботу об этом своим преемникам.

БРОНТАС, III ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

Тот, кто был избран на его место, звался Бронтас, а после его избрания, согласно обычаю, его стали звать Севарбронтасом. Он следовал примеру своих предшественников, заботился об обработке долин и даже гор в некоторых местах, в частности, по направлению к Спорунду, дорогу к которому он сделал более удобной, чем прежде, и заложил основания нескольких городов, с тех пор сильно выросших. При его царствовании, согласно намерениям Севаркхомедаса, начали обносить остров стеной. Затем, изучая на практике архитектуру, он приобрел в ней такие познания, что значительно украсил все здания, выстроенные его предшественниками. В его времена произошли неурядицы среди севарамбов, возникшие из-за нескольких вновь прибывших парси, захотевших установить имущественную собственность, вопреки основным законам государства. Это причинило ему много неприятностей, но, наконец, он восторжествовал и, чтобы на будущее время оградить себя от подобных беспорядков, он запретил сношения с нашим материком и не пожелал больше принимать подобных смутьянов.

Он происходил из престарамбов, что было причиною его забот о расширении Спорунда и других горных мест, чтобы облегчить возможность сношений с ними. Он царствовал тридцать четыре года, а затем, по примеру своих предшественников, передал власть другому.

ДЮМИСТАС,
IV ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

Севарбронтаса сменил Севардюмистас, по происхождению струкарамб. Он стремился расширить пределы государства и подчинить себе народ, живший в низовьях реки, приблизительно на расстоянии восьмидесяти лье ниже Северинда, но совет воспротивился и не пожелал без надобности завоевывать новые земли, тем более, что это противоречило законам Севариаса, повелевшего заботиться о благоустройстве местности вокруг Севаринда, прежде чем интересоваться более отдаленными местностями, если не считать дороги в Спорунд. Увидев, что его намерение потерпело неудачу, он занялся усовершенствованием земледелия, постройкой новых осмазий в различных местах, а в особенности в городе Аркропсинде, где он родился. Он установил новые религиозные обряды, придавшие лишь больше внешней торжественности, в частности и при обряде оспаренибона, или таинства брака. Ко всему этому он присовокупил различные распоряжения, касающиеся народных празднеств, установил новые пляски во время эримбазиона, или праздника Солнца, которые существуют и по настоящее время. Уверяют, что, потерпев неудачу в попытке затеять войну, он выбрал как раз обратное и развлекался установлением различных церемоний. Он царствовал всего лишь одиннадцать лет и был первым, сохранившим власть до конца своих дней. Правда, что причиной этого был несчастный

случай. Он умер скоропостижно от падения, и вследствие этого получилось междуцарствие, длившееся всего лишь пятнадцать дней.

СЕВАРИСТАС, V ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

На его место был избран Севаристас, потомок Севариаса, в лице которого род первого вице-короля солнца снова заиял трон. Его доблести и достоинства позволяли возлагать большие надежды на его царствование, и все были уверены, что он будет достойно занимать место знаменитого человека, от которого он имел честь происходить. И в этом никто не ошибся, потому что он был живым образом и достойным последователем Севариаса. Ему было всего тридцать лет, когда он стал управлять государством, но уже в этом возрасте он обладал необыкновенной мудростью и благоразумием. За его царствование население сильно увеличилось, всюду царили мир и благосостояние, и оно было счастливым с самого начала. У него было много подданных, которым, в соответствии с законами государства, надо было дать работу, поэтому он затеял большие постройки, представлявшие почти непреодолимые трудности. Сначала он окончил постройку дворца Севариида и стен, окружавших остров, а затем воздвиг громадный амфитеатр и проложил путь сквозь гору, о котором мы говорили в первой части этого рассказа.

Он возобновил торговлю с Персией и другими странами нашего материка, прекращен-

ную Севарбронтасом, изменив характер ее таким образом, что только немногие севарамбы отправлялись к нам, чтобы изучать те науки и искусства, которые, по их мнению, могли способствовать благосостоянию и славе их народа, но вместе с тем им было запрещено рассказывать нам что-либо о своей стране.

Эти заботы завершили просвещение народа и упрочили среди них науки, искусства и грандиозные публичные зрелища. При Севаристасе был установлен праздник, названный кодембазион, т. е. праздник великого бога, мысль о котором впервые возникла у Севариаса, но он так и не был установлен его преемниками из опасения, что они не так истолковывают желание законодателя. Однако Севаристас, пользуясь преимуществом своего происхождения или, быть может, поняв лучше, чем другие, намерения своего знаменитого предшественника, преодолел все трудности и пожелал, установив это торжество, чтобы его праздновали каждый дирнемис, т. е. через каждые семь лет. При нем это торжество праздновалось семь раз, ибо он царствовал сорок семь лет, после чего он отказался от власти и прожил еще двенадцать лет.

КЕМАС,
VI ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

За этим знаменитым государем последовал Севаркемас, увлекавшийся естественными науками. Он занимался изучением природных богатств и металлов, многие залежи которых были открыты им же, даже богатые залежи

золота, употребленные им на украшение храма Солнца и дворца Севаринда, ибо в этой стране денег не делали и их не было вовсе, а употребление их было запрещено основными законами государства.

Именно он украсил большой сияющий шар храма в Севаринде, изображающий солнце, массивной золотой доской, с вырезанными и выгравированными на ней лучами, которую можно и сейчас там увидеть. Он царствовал сорок три года и затем отказался от власти.

КЕМПСАС,
VII ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

После Севаркемаса последовал Севаркемпсас. Он любил путешествовать по своему государству, в котором осмотрел каждую маленькую осмазию, и любил садоводство. Он занимался постройкой дорог, на которых стал расставлять различные знаки для удобства путешественников. Он размерил и разметил расстояния от одного места до другого и распорядился, чтобы в каждом городе были рабыни для обслуживания проезжих. Он воевал с южными струкарамбами, народом гордым и жестоким, никогда не признававшим власть Севариаса, который и сам пренебрег их покорением и завещал своему преемнику не нападать на них, довольствуясь уже принадлежащими севарамбам землями, которые будучи хорошо обработаны, могли прокормить в десять раз больше народа, чем имелось у них. С того

времени этих варваров презирали и не имели с ними никаких связей, пока они сами ничем себя не проявляли. Но как только они осмелились вторгнуться на земли Севаркемпсаса, он пошел на них войной, в нескольких сражениях разбил их и заставил платить ежегодную дань девушками и юношами, которые становились рабами севарамбов. И так как в их горах он нашел много руды, он построил там крепости, оставив в них гарнизоны, где по очереди и в установленном порядке должна была служить молодежь севарамбов. Он царствовал двадцать восемь лет и сложил с себя власть, передав ее своему преемнику.

МИНАС, VIII ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

Сейчас царствует он, и он дал распоряжение, чтобы нас доставили в Севаринд. Севарминас царствует уже давно, и когда я уезжал из этой страны в Персию, говорили, что он собирается отречься от престола, чувствуя наступление старости. Многие большие постройки возведены при нем, в том числе и большой водопровод, по которому в Севаринд подается вода из реки, истоки которой находятся в горах на расстоянии шести-семи миль. Его предшественник начал эту работу, а он закончил ее в течение первых двенадцати лет своего царствования.

Это — человек строгий и справедливый, требующий повиновения, но вместе с тем любя-

щий народ, который также его очень любит. Я прожил тринадцать или четырнадцать лет во время его царствования и видел многое, что было осуществлено за это время, изучая законы и быт этого народа, о которых мне пора поговорить более подробно, чем я это делал до сих пор.

ЗАКОНЫ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ СЕВАРАМБОВ НЫНЕШНЕГО ДНЯ

В истории Севарнаса и его преемников я дал краткое описание законов этих народов и указал основы управления государством. Я бы мог здесь дальше продолжать в том же духе и описывать все правила и распоряжения, изданные вице-королями солнца, начиная от Севариаса до ныне царствующего Севарминаса, но такое перечисление было бы слишком долгим, и я ограничусь тем, что опишу здесь лишь самое замечательное.

Государственный строй там монархический, деспотический и гелиократический по отношению к главе, т. е. господство и высшая власть принадлежат единому монарху, и этот монарх является единственным хозяином и собственником всего государственного имущества. Таким монархом признается солнце, имеющее неограниченную власть. Но, рассматривая государственную власть в той части, где управляют люди, мы найдем, что это монархия последовательная и деспотическая, с которой сочетаются аристократия и демократия.

Это видно из того, что вице-король, являющийся единственным представителем государя и повелителя, назначается на эту должность не только по выбору солнца, но также избирается великим советом и народом. Когда происходят выборы вице-короля, то великий совет из своего состава избирает четырех лиц, которые тянут жребий между собой, и тот из этих четырех, который вытянет изображение солнца, тем самым объявляется главою и считается как бы избранным прекрасным светилом.

Все должностные лица, включая и должности осмазионтов и сенобиарков, сначала избираются народом в каждой осмазии, заняв же эту должность, они становятся членами генерального совета и имеют право обсуждения и решающий голос от той осмазии, которую они представляют. Вначале, когда нация была немногочисленна, осмазионты входили в постоянный совет, а когда численность населения увеличилась, они стали входить в генеральный совет, а в постоянный совет входил один представитель от четырех осмазий, впоследствии от шести и в настоящее время от восьми. Из этих последних, называемых бросмазионтами, избирали сенаторов, в зависимости от времени их избрания, то есть старший из них занимал место умершего сенатора: следует понимать, что старший по должности, ибо возраст его во внимание не принимается. Сенаторов в настоящее время двадцать четыре, они помогают вице-королю решать все важнейшие вопросы и образуют высший государственный совет. Их

называют севаробастами, то есть помощниками Севариаса и его преемников.

Существует другой, меньшего значения корпус, состоящий из брасмазионтов, числом в тридцать шесть человек, из них назначаются севаробасты, когда имеются свободные места, или губернаторы городов, за исключением Спорунда и Аркропсинда, являющихся городами большого значения, которыми управляют такие севаробасты, как Альбикормас и Бразиндас.

Помимо обязанности давать советы вицекоролю, почти все севаробасты занимают определенные государственные должности, причем самые высокие, как генерал, адмирал, префект зданий, продуктов, жертвоприношений, школ, торжественных праздников и др., и, кроме того, имеют при себе особые советы для исполнения своих обязанностей по данной должности.

При каждом губернаторе состоит особый совет для управления городом или провинцией, как мы видели вначале в Спорунде — самой значительной области всего государства, включающей в себе все города, расположенные по ту сторону гор, и всех оставшихся там престарамбов, бóльшая часть которых покинули свои земли и переселились в Севарамб. Вместо них туда посылают людей с умственными или физическими недостатками, и оттуда идет название местности Спорумб, о чем мы уже говорили ранее.

Кроме только что перечисленных мною должностных лиц и начальников, еще имеются

более низкого ранга должностные лица, в числе которых особенным почетом пользуются те, которые руководят молодежью, потому что от воспитания детей зависит будущее государства и всего народа.

Руководители некоторых производств также в большом почете, особенно руководители сельского хозяйства и построек, так как оба эти занятия наиболее полезны, и ими народ больше всего занят.

Должностные лица стоят выше народа, и обязанности их более почетны, чем у простых людей, поэтому они заслуживают большего вознаграждения, которое получают в зависимости от того положения, которое они занимают в республике. Прежде всего они имеют власть и получают удовлетворение от оказываемого им повиновения. Закон разрешает им иметь больше жен, чем другим гражданам, и каждый из них имеет определенное число рабов. Обычно они имеют лучшие жилища, лучшее питание и одежду, чем частные лица, и все оказывают им почет и уважение, в зависимости от их положения. Кроме того, получив государственную должность, каждый может надеяться добиться высшей власти, поднявшись до нее по тем ступеням, которые к ней ведут. Все вице-короли, после Севариаса, прошли этот путь, и другого пути к власти нет, так что все лица, обладающие заслугами и честолюбием, стараются добиться любви и уважения у своих сограждан, чтобы иметь их голоса при выборах. Если подумать серьезно об

обычаях и нравах севарамбов, окажется, что, в сущности, у нас те же желания и цели в наших заботах об увеличении своего имущества для пользования жизненными благами, как и у них.

Между ними и нами лишь та разница, что средства, которыми они пользуются для того, чтобы возвыситься, вполне законны и честны, в то время как мы сплошь и рядом доходим до низостей и преступлений, чтобы выкарабкаться из бедности и темноты. Если всеми правдами и неправдами мы достигаем богатства и почестей, мы обычно злоупотребляем ими или оставляем наследство детям, предоставляя им право распоряжаться всем, как им заблагорассудится. Севарамбы же, которым разрешены лишь благие поступки, могут сохранить свое имущество и общественное положение постоянными добродетельными действиями, а детям своим оставляют в наследство лишь свой добрый пример для подражания.

Если бы случилось междуцарствие, самый старый из севарамбов вступил бы в управление государством вместо вице-короля до тех пор, пока великий совет не изберет преемника.

Первое, что делает новый наместник солнца,— собирает генеральный совет всей нации, в котором принимают участие все осмазионты и все главные должностные лица. Он сообщает им, что солнце остановило свой выбор на нем, и спрашивает их, желают ли они добровольно подчиниться воле бога и короля и признать его наместником, на что все громко кричат Erim-

bas imanto, т. е. да будет исполнена воля короля света. После этого все сопровождают его в храм, где он приносит благоуханную жертву солнцу в благодарность за проявленную к нему милость, обязуется служить ему, дает ему клятву верности, а народу обещает справедливость и защиту. После этого он идет и садится на трон, на котором мы видели Севарминаса во время данной им аудиенции. Все северобасты следуют за ним, и самый старший надевает ему на голову сияющий венец, о котором мы уже говорили. Затем каждый из сенаторов обещает ему свою помощь и верность, а все остальные — подчинение и повиновение ему и его совету. Если у него имеется какой-нибудь закон для предложения, он объявляет его во всеуслышание, подтверждает его необходимость, раздает копии его всем осмазионтам, просит их внимательно ознакомиться с ним и сказать ему их мнение. Через девять дней на таком же собрании этот закон утверждается, и каждый присутствующий уносит с собой копию с него, после чего вице-король отпускает всех и сам направляется к себе во дворец.

Всякий раз, когда нужно принять какой-нибудь новый закон, собирают генеральный совет, и проделывается все то, о чем я только что говорил.

Государственные должностные лица продолжают занимать свои должности столько времени, сколько это угодно вице-королю и его совету, и очень редко случается, чтобы от них освобождали тех, кому они однажды были

предоставлены, если только они сами не отказываются (что обычно делается по достижении шестидесяти- или семидесятилетнего возраста) или же, если они плохо исполняют свои обязанности, что бывает очень редко. Но если вдруг, паче чаяния, случится, что вице-король окажется злым, нечестивым, тираном и пожелает нарушить основные законы, то делается все возможное, чтобы образумить его. Но если в конце концов это оказывается невозможным, старейший севаробаст может созвать генеральный совет, изложить положение дела и спросить мнение совета, не найдет ли совет возможным испросить у солнца опекуна для вице-короля, для того, чтобы законы выполнялись и имели полную силу и авторитет, согласно установлениям Севариаса и его преемников. Если прочие члены совета ответят утвердительно, то все идут в храм и после благоуханного жертвоприношения и молитвы солнцу севаробасты бросают между собой жребий, и тот, кто вытянет изображение солнца, объявляется опекуном вице-короля, который в этом случае будет рассматриваться как потерявший разум. После этого он больше не допускается в совет, его держат в отдельном дворце, но тем не менее с ним должны обращаться как можно лучше и с уважением до тех пор, пока божество не соблаговолит вернуть ему утраченный разум. Когда же он снова сможет выполнять свои обязанности, он публично восстанавливается в своих правах тем же путем, каким был лишен их.

Эта оговорка существует в законах Севариаса на случай, если подобная вещь произойдет, но до сих пор такого случая не было и, возможно, никогда не будет. Та же оговорка относится к тем, которые действительно потеряют рассудок и не пожелают добровольно отказаться от власти.

Севариас оставил на этот предмет ряд распоряжений, а также и распоряжения о некоторых молитвах солнцу по всяким поводам, а в особенности о той, которую мы перевели и которая читается всякий раз при избрании вицекороля.

Мне кажется, что теперь следует рассказать, как существует это большое государство, каким образом устроены там общественные склады и как ими пользуются.

Мы уже говорили, что одним из основных законов государства является отсутствие у подданных собственности на имущество и предоставление полного распоряжения им монарху. Это было заведено со времен Севариаса, а чтобы кормить людей и дать им возможность жить в довольстве, были устроены общественные склады всех полезных и необходимых для жизни предметов, а также предметов, служащих для удовольствий. Из этих складов, в зависимости от испытываемых потребностей, предметы распределяются по всем осмазиям. Каждая осмазия имеет свой особый склад, время от времени пополняемый из общих складов, для того, чтобы была возможность дать каждому то, что ему необходимо как для его суще-

ствования, так и для того искусства или ремесла, которым он заиимается. В деревеиских осмазиях главным образом занимаются земледелием, и иарод питается плодами урожаев. Каждая деревеиская осмазия берет столько пшеиицы, вина, растительного масла и других плодов, сколько ей необходимо, чтобы продолжать обработку земли и прокормить всех ее обитателей. Излишки отправляются в общественные склады. То же проделывается и в отиошении скота в тех местах, где его разводят в большом количестве.

По охоте, рыбиой ловле и другим отраслям имеются префекты, собирающие иеобходимый для данной работы материал в тех местах, где он иаходится или произрастает, и перевозящие его туда, где ои обрабатывается. Например, есть места, где имеются хлопок, лен, пеиька, шелк. Те, которые ведают этим делом, собирают все в тюки и отправляют в города, где производятся материи, а из городов эти материи отправляются туда, где в них ощущается иеобходимость. То же проделывается в отношении шерсти, кожи, металлов и всего остального, что необходимо для жизии. Что же касается строительных материалов, то интендаит строеиий организует склады, из которых берет все, что ему потребуется для постройки иовых здаиий, для ремоита и поддержания старых. То же проделывается и в отиошеиии предметов, предиазиачеиных для публичиых празднеств, разиых торжеств, зрелищ; для всего этого имеются интенданты и в помощь им должностиые

лица, в распоряжении которых есть определенное количество людей, предназначенных для этой работы. Существуют осмазии, в которых воспитываются дети обоего пола, но каждый пол — отдельно; там имеются директора и учителя, которые занимаются образованием молодежи и, кроме того, обучают ремеслам и искусствам, причем каждая из таких осмазий имеет свои особые склады, своих должностных лиц и для грязной работы рабов. Из этих складов берется все необходимое для содержания каждого человека.

Если понаблюдать, как живут другие народы, то, в сущности, окажется, что всюду имеются склады; что города берут продукты из деревень, а деревни из города; у одних труд физический, у других — умственный; одни рождены, чтобы подчиняться, а другие, чтобы властвовать; имеются также школы для молодежи и учителя, чтобы обучать ее ремеслам; некоторые работают и зарабатывают только самое необходимое для жизни, а другие живут с большими удобствами, и, наконец, есть такие, которые живут только ради наслаждений. Все это, в сущности, одно и то же, но способ распределения благ различен. Среди нас есть люди, у которых богатства через край, а другие нуждаются во всем; есть такие, которые проводят жизнь в праздности и наслаждениях, а другие в поте лица зарабатывают на жизнь и влачат нищенское существование. Есть люди, занимающие высокие должности, но не обладающие ни достоинствами, ни способностями

для выполнения своих обязанностей. И, наконец, есть вполне достойные люди, которые, не обладая богатством, погрязают в нищете и обречены вечно вести жалкую жизнь.

Среди же севарамбов нет бедняков, нет людей, лишенных необходимых и полезных для жизни вещей, каждый имеет свою долю участия в удовольствиях и общественных развлечениях, и для того, чтобы пользоваться всем этим, ему не нужно убивать свое тело и душу тяжелым и непосильным трудом. Работа, ограниченная восемью часами в день, дает все эти преимущества ему, его семье и всем его детям, даже если бы у него была их тысяча. Никому нет надобности платить оброк, налоги или копить деньги для обогащения своих детей и для приданого дочерям или выкупа наследства. Они свободны от всех забот, они богаты с колыбели. И если не все занимают общественные должности, то, по крайней мере, они имеют удовлетворение, что их занимают те, которые возвысились благодаря своим достоинствам и уважению своих сограждан. Они все дворяне и все разночинцы, никто не может их упрекнуть другого его низким происхождением, ни гордиться благородством своего собственного. Никому не приходится огорчаться, видя, как другие живут в праздности, в то время как он работает на удовлетворение их гордости и тщеславия. В конце концов, если подумать о счастье этого народа, то придется признать, что оно настолько совершенно, насколько это возможно на этом свете, и что все осталь-

ные народы очень несчастны по сравнению с этим.

Если же сравнивать счастье королей, принцев и других монархов со счастьем вице-короля солнца, то и тут окажется значительная разница. Обычно всем им очень трудно изыскивать необходимые средства для поддержания своих государств, и часто они вынуждены прибегать к силе и к жестокостям, чтобы достигнуть своей цели. Он же совершенно не прибегает к таким средствам. Он — абсолютный хозяин всего народного имущества, и никто из его подданных не может отказать ему в повиновении или претендовать на какие-либо особые привилегии. Он может по своему желанию давать и отнимать, он объявляет мир или войну тогда, когда это ему кажется необходимым, ему повинуются во всем, и никто не осмеливается противиться его воле. Ему нечего опасаться бунта или народного восстания, никто не сомневается в его величии, и все ему подчиняются. Он никому не обязан, и никто не может на него посягнуть, потому что у кого хватило бы смелости возмутиться против солнца и его наместников? Кто бы мог оказаться столь тщеславным, чтобы вообразить себя более достойным управлять, чем те, кого этот лучезарный король избрал своими заместителями? А если бы кто-нибудь оказался настолько безумным, чтобы захватить власть, как бы он мог это осуществить и где бы он смог найти людей, которые захотели бы его поддержать в его безумии и, возведя его в монархи, сде-

латься рабами? К тому же религия обязывает севарамбов повиноваться высшим, тем более что они не только признают солнце своим королем, но поклоняются ему как богу и верят в то, что оно является источником всех благ, которыми они обладают. Поэтому они глубоко почитают законы и формы управления их государства, веря, что они установлены самим солнцем через посредство его наместника Севариаса. Кроме того, получив хорошее воспитание, они с детства привыкают к повиновению законам; это становится как бы врожденным, и чем больше они в них вникают, тем охотнее они им подчиняются и тем справедливее и разумнее они им кажутся.

О ВОСПИТАНИИ СЕВАРАМБОВ

Мудрый законодатель, создавая столь прекрасные законы для своего народа, не мог пренебречь заботой о воспитании молодежи, прекрасно понимая, что от воспитания зависит сохранение или разрушение тех же законов и что падение нравов является обычно причиной многочисленных политических заблуждений. Очень трудно порочному и плохо воспитанному человеку стать умелым министром или хорошим подданным, потому что, с одной стороны, сила его страстей притягивает к пороку, а с другой — невежество не позволяет ему отличить добро от зла и правду от лжи. Люди от природы имеют большую склонность к пороку, и если не исправлять их справедливыми закона-

мн, хорошими примерами и воспитанием, дурные наклонности растут и крепнут и чаще всего заглушают заложенные в людях природой семена добродетели. Тогда они отдаются во власть своих разнузданных аппетитов, отдавая господство над разумом своим диким и буйным страстям, и нет таких несчастий, в которые бы они не были завлечены. Отсюда идут насилие и грабеж, зависть, ненависть, гордость и желание покорять, восстания, войны, разгромы, пожары, кощунства и прочие бедствия, которым обычно подвергаются люди.

Хорошее воспитание очень часто исправляет, а иногда и совсем заглушает порочные наклонности людей и развивает добродетельные.

Это прекрасно понимал великий Севариас, и поэтому он издал несколько указов, касающихся воспитания детей. Прежде всего, признавая, что детей очень часто портят родители своей безумной снисходительностью или слишком большой строгостью, он не пожелал оставить эти юные растения на руках людей, столь мало способных к их взращиванию.

Поэтому он учредил общественные школы, чтобы воспитывать их всех вместе и под руководством лиц избранных и умелых, не побуждаемых ни любовью, ни ненавистью, чтобы проводить равное воспитание всех детей при помощи наставлений, наказаний и примеров, приучая их ненавидеть порок и любить добродетель; а чтобы родители не могли мешать наставникам исполнять свои обязанности, он пожелал, чтобы родители, проявив первые

родительские заботы и свою первую нежность к драгоценным плодам своей любви, отказались от своей родительской власти и передали ее государству и его должностным лицам, являющимся политическими отцами родины.

Согласно этому распоряжению, по достижении детьми семилетнего возраста, отцы и матери четыре раза в год в определенные дни обязаны их отводить в храм Солнца, где, сняв с них белые одежды, которые они носили со дня рождения, вымыв их, обрив им головы и натерев маслом, облачают их в желтые одежды и посвящают божеству. Отец и мать целиком лишаются данной природой власти над детьми, сохраняя лишь их любовь и уважение, и с этого момента дети становятся детьми государства. Их тотчас же направляют в общественные школы, где в течение четырех лет их учат повиновению законам, обучают читать и писать, а также танцевать и обращаться с оружием.

После четырехлетнего пребывания в этих школах, когда дети физически окрепли, их посылают в деревню, где в течение трех месяцев их учат обрабатывать землю, заставляя работать по четыре часа в день, а четыре часа они продолжают упражняться в тех предметах, которым их уже обучали в школах. Разница между воспитанием девочек и мальчиков очень невелика, но воспитываются они отдельно: осмазии бывают для одного и для другого пола, и обычно в деревне они отстоят далеко одна от другой.

Когда дети достигают четырнадцатилетнего

возраста, меняются их жилища и одежда: желтую одежду снимают и надевают зеленую, и тогда на местном языке их называют *эдирнаи*, то есть живущие третье семилетие своей жизни. Первое семилетие их называют *адирнаи*, а второе — *гадирнаи;* иначе их называют также в зависимости от цвета их одежды: *алистаи* означает белые одежды, *эримбаи* — желтые одежды, *фурруаи* — зеленые одежды. Для девочек изменяется лишь окончание «аи» на «еи», например: *адирнеи, алистеи* и т. д. После этого их обучают основам грамматики и заставляют избрать себе профессию. В течение некоторого времени они проходят испытания, и если они оказываются способными, их отдают учителям для обучения, а если у них больших способностей не оказывается, то им предоставляется выбор либо стать земледельцами, либо каменщиками, что является основным занятием нации.

Девочек обучают соответствующим их полу ремеслам, не столь тяжелым, как мальчиков. Они занимаются пряжей, шитьем, ткут полотно и обучаются другим вещам, где не требуется, как для мужчин, применения физической силы.

Когда им исполняется шестнадцать лет, а мальчикам девятнадцать, им разрешается любить и думать о браке. Это делается следующим образом.

В этом возрасте им разрешается в присутствии учителей встречаться на прогулках, на балах, на охоте, на спектаклях и на всех публичных празднествах. В этих случаях юноши

могут обращаться к девушкам и свободно говорить им о своей любви, а девушки могут без стыда выслушивать их признания. Происхождение, богатство, положение и прочие жизненные блага не имеют для них никакого значения, потому что в этом отношении они все равны и отличаются одни от других только полом и тремя годами в возрасте между юношами и девушками. Неравные браки разрешаются лишь тем девушкам, которые, не найдя себе мужа, вынуждены выбрать себе в мужья общественного деятеля, чтобы не остаться старыми девами. Если у них бывают какие-либо немощи, врожденные или вследствие несчастных случаев, освобождающие их от обязанности выйти замуж, их отсылают в Споромб, так как таких людей в Севарамбе не терпят. Когда собираются вместе юноши и девушки, любовь делает свое дело и побеждает много сердец. Каждый старается понравиться красотою лица и очарованием ума. Тех, которые отличаются этими достоинствами в соединении с безукоризненной честностью и добродетелью, чаще всего предпочитают другим: благоразумные девушки предвидят, что такие легко достигнут высокого положения, а вследствие этого и они получат свою долю в почестях, ожидающих их мужей. Но бывает и совершенно противоположная предусмотрительность: из боязни, как бы достойный уважения человек, достигнув положения, не воспользовался в то же время соответствующей его чину привилегией иметь при желании более одной жены, они

предпочитают выходить замуж за человека, ничем не выдающегося, чем полюбить такого, который, возвысившись, пожелал бы разделить свое сердце, которым они хотели бы обладать безраздельно. И так каждый, имея свои собственные наклонности, приспособляет свое поведение к своим вкусам: одни любят наслаждения, а другие почести.

Так как севарамбы умны от природы, вежливы и хорошо воспитаны, любовники не упускают случая при встречах со своими возлюбленными преподносить цветы и фрукты, пускать в ход смех, песни и красноречивые слова, чтобы высказать им свою страсть. Все это им разрешено, и никто не может в этом найти повода к порицанию, наоборот, заслуживают презрения те, которых любовь не трогает, их считают людьми со злым нравом и гражданами, недостойными милостей родины.

Однако во всех этих случаях от правил приличия уклоняются очень редко, и ничего, что может оскорбить целомудрие, не делается и не говорится, это решительно запрещено, и даже самые дерзкие ничего не могут позволить себе, потому что они беседуют с девушками при всех и в присутствии их воспитательниц.

В течение восемнадцати месяцев девушки на выданьи, называемые *энибеи*, и юноши — *спараи* имеют возможность видеться, знакомиться и любить друг друга, не заключая никаких условий, но, согласно обычаю, по истечении этого срока договариваются и дают друг другу слово, после чего отвергнутые

соперники удаляются, а девушка продолжает видеться лишь с возлюбленным, обещавшим на ней жениться. Когда настает время оспаренибона, т. е. торжественного бракосочетания, они идут в храм, где их сочетают браком, что я уже описывал в первой части этой истории.

После свадьбы юношам выдают синюю одежду по случаю достижения ими двадцати одного года, а также и девушкам, потому что они соединены с ними узами, но чтобы отметить, что девушка не достигла еще четвертого дирнемиса, т. е. ей еще не исполнилось двадцати одного года, у ее синей одежды рукава зеленые. А достигнув полностью двадцати одного года, она надевает на голову покрывало и прикрывает волосы, которые до тех пор у нее остаются открытыми.

В вечер свадьбы устраивается пир, в котором принимает участие много людей различного возраста и пола; пир сопровождается музыкой и танцами. Это происходит в одной из зал, предназначенной для них осмазии, в которой им приготовляют две комнаты, выходящие одна на улицу, а другая во двор, и тут осуществляется их союз. Однако в первые три года их брака им разрешается проводить вместе лишь одну ночь из трех, а затем до двадцати восьми лет — одну ночь из двух, после чего они свободны проводить вместе столько ночей, сколько им захочется. Самым большим достоинством женщины является любовь к мужу и воспитание нескольких детей родине. Среди жен частных лиц наибольшим почетом поль-

зуется женщина, имеющая большее количество детей, а жены государственных должностных лиц — в зависимости от положения, занимаемого их мужем. Бесплодных женщин презирают, и если муж проживет с такой женой пять лет, то ему разрешается жениться на вдове или какой-нибудь девушке, не нашедшей себе мужа, или иметь рабу в качестве наложницы. Единственный возможный способ для бесплодных женщин смыть свой позор — это ухаживать за больными или, если у них есть на то способности, заниматься воспитанием молодежи. Каждая мать должна сама кормить своего ребенка, если она не настолько слаба, чтобы это представляло большой риск для ее здоровья. В противном случае ей дают кормилицу из женщин, у которых умер ребенок. Они очень уважаемы, потому что за неимением своего они кормят плод другой женщины и растят родине ребенка.

Вот каков у севарамбов обычный порядок воспитания и поведения молодежи. Однако дети, обладающие необыкновенными дарованиями и способные к наукам и свободным искусствам, воспитываются иначе, — их освобождают ради умственного труда от физических работ. Для этой цели существуют специальные школы, и из учеников этих школ через каждые семь лет отбираются лица, отправляемые на наш материк для изучения всего, что там есть полезного. Это у них практикуется с тех пор, как было установлено Севаристасом, одобрявшим такого рода путешествия.

Однако они не могут покинуть страну, не оставив по крайней мере трех детей, чтобы обеспечить свое возвращение. Не знаю, в этом ли причина того, что всегда, когда есть возможность, они возвращаются обратно, но я ни разу не слышал, чтобы с тех пор, как был установлен этот обычай, хотя бы один человек дезертировал и остался жить в другом месте; все те, которые не умерли в путешествии, вернулись на родину.

Благодаря этим путешествиям многие жители Севаринда и окружных городов умеют говорить на нескольких европейских и азиатских языках и обычно преподают их тем, кто предназначен к путешествиям, до их отъезда с родины. Вот причина того, что Сермодас, Каршида и другие моглу сразу же объясниться с нами; они уже знали несколько наших языков, беседуя в течение многих лет с азиатами и европейцами, причем те так и не знали, из какой они страны, обычно принимая их за персов или армян.

КОММЕНТАРИИ

ДЕНИ ВЕРАС

Биографический очерк

Точная дата и место рождения Дени Вераса неизвестны. Его биографы предполагают, что он родился около 1630 г. в городе Алле в провинции Лангедок. Верас происходил из протестантской семьи. Шестнадцати лет он поступил на военную службу и принял участие в войне в Италии. Возвратившись с войны, Верас горячо взялся за изучение права и совсем еще юным получил диплом доктора права. Несмотря на свои успехи на поприще адвокатуры, Верас вскоре бросил ее. Не пришлись ему по духу существовавшие во французских судах порядки и не чувствовал он призвания к деятельности адвоката. Поэтому, когда умерла мать Вераса, он распродал имущество и, уступая своему влечению к путешествиям, отправился странствовать по Франции, а затем и по всей Европе.

В 1665 г. Верас попал в Англию, где оставался в течение многих лет. В Англии Верас вращался среди придворной и сановной знати, познакомился с бытом двора и дворцовыми интригами, с жизнью и нравами различных слоев английского общества. Круг его друзей и знакомых в Англии был весьма обширен и разнообразен. Тут и представители аристократии вроде герцога Бекингема *, фактического

* Бекингем Джордж Вильерс (1628—1687) — английский земельный магнат, герцог. Во время гражданской войны между Карлом I и парламентом был на стороне короля. После реставрации был одним из приближенных Карла II. Бекингем был

руководителя английской политики того времени, или графа Шефтсбери * с его многочисленной семьей, тут и секретарь английского адмиралтейства, автор известного «Дневника» ** Семюель Пепис. Среди знакомых Вераса мы находим, с одной стороны, философа Локка, посещавшего те же политические круги, что и Верас, с другой — крупного авантюриста, некоего Джона Скота.

Особенно близок был Верас с герцогом Бекингемом, в дипломатических делах и интригах которого он принимал деятельное участие. Вращаясь в высших кругах английского общества, Верас лелеял весьма честолюбивые мечты. Но в 1674 г. Бекингем впал в немилость и покинул Англию. Потеряв такого высокого покровителя и рискуя навлечь на себя обвинения в участии в интригах Бекингема, Верас вернулся во Францию.

К этому времени Верас закончил первую часть «Истории севарамбов», которая вышла в Англии в 1675 г. В Париже Верас начинает новую во всех отношениях жизнь, порывает с политикой, с интригами и даже меняет свою фамилию, назвав себя по

организатором группы советников Карла II «Кабал» (Cabal), не пользовавшейся поддержкой парламента и рассматривавшейся в парламентских кругах как заговор против парламентских вольностей. После роспуска «Кабала» Бекингем стал лидером оппозиции. Он считался самым богатым человеком Англии.

* Шефтсбери Антони Эшли Купер (1621—1683) — граф, содействовал призванию Карла II, за что был сделан пэром и канцлером казначейства; с 1669 г. был членом «Кабала». С 1674 г. был в оппозиции к королю, требуя изгнания католиков из Лондона. Принимал участие в заговоре против принца Уэльского; когда в 1682 г. заговор был раскрыт, бежал в Голландию.

** Дневник Семюеля Пеписа — очень ценный исторический документ, представляющий собой летопись событий Англии 60-х годов XVII в.

месту рождения — д'Алле. В Париже Верас занимается литературой, дает уроки французского и английского языков, читает лекции по истории и географии. Большая эрудиция Вераса в этих областях знания, а также его красноречие привлекали на эти лекции широкие круги слушателей

Годы 1675—1685, проведенные Верасом в Париже,— наиболее известные годы его биографии. Здесь в 1677—1679 гг. он издал обе части «Истории севарамбов», в 1682 г. — методическую грамматику французского языка, в 1683 г. — краткую грамматику французского языка на английском языке, составленную им, повидимому, по просьбе его учеников-англичан. В своей методической грамматике Верас пытается упростить французскую орфографию, и его труд получает высокую оценку со стороны известных французских лингвистов.

На неоднократные предложения поступить на государственную службу Верас отвечал отказом, так как принятие такого предложения было связано с необходимостью менять религию.

В Париже Верас вращался в кругу образованных и даровитых людей своего времени. Так, он состоял в дружбе со знаменитым Пьером Рике *, строителем грандиозного Южного канала. Ему он посвятил первые части «Истории севарамбов». Большой симпатией Вераса пользовалась также семья Абрагама Дюкена, гугенота, выдвинувшегося на службе во французском военном флоте. В этой семье Верас встретился с племянником Дюкена, прибывшим из Батавии, который рассказывал ему о кораблекрушении голландского судна у берегов австралийской земли. Верас сблизился с сыном Дюкена — маркизом Анри Дюкеном, который несколько позднее, в 1689 г. замышлял основать

---

* Рике Пьер-Поль (1604—1680) барон де Бопрено — строитель Лангедокского канала (Canal du Midi). Работы по сооружению канала начались в 1666 г. на средства самого Рике и были закончены в 1681 г. Канал связывает Средиземное море с Атлантическим океаном. Длина канала 240 км.

идеальную республику на острове Бурбон *, уступленном ему Нидерландами в ленное владение (проект этот не был осуществлен). Близость Вераса с Анри Дюкеном была основана на общности их интересов к вопросам социального устройства. Во время своего пребывания в Париже Верас вновь встречался с Локком, который жил там в 1675—1679 гг. Их знакомство, очевидно, не было случайным.

В 1686 г. отмена Людовиком XIV Нантского эдикта вызвала эмиграцию из Франции огромного числа протестантов. Надо думать, что по этой же причине и Верас в 1686 г., покинув Париж, выехал в Голландию. Там он также добывал себе средства к жизни уроками французского и английского языков. Точная дата смерти Вераса неизвестна, но биографы полагают, что он умер в Голландии около 1700 г.

Даже те краткие биографические сведения, которыми мы располагаем, показывают, что Верас прожил трудную и беспокойную жизнь. Его принадлежность к протестантам была, повидимому, главным препятствием для его карьеры. Будучи, несомненно, человеком одаренным, с большими разносторонними интересами и знаниями, обладая даром слова и умением легко сходиться с людьми, Верас, как мы видели, имел друзей в разных кругах английского и французского общества. Особенного внимания заслуживает его близость с Локком. Эта близость с великим философом его времени оказала на Вераса большое влияние, пробудив в нем интерес к проблемам социального и политического устройств. Возможно, что беседы с Локком нашли некоторое отражение в политических суждениях, которые мы находим в «Истории севарамбов».

Роман «История севарамбов» имел большой успех во Франции и за ее пределами. Он издавался на французском языке вплоть до конца XVIII века в Париже

---

* Бурбон (теперь носит название Реюньон) — остров в Индийском океане, у берегов Африки, принадлежит Франции.

н особеино много в Амстердаме, выдержав ие меиее 20 изданий. Несколько раз роман издавался до середины XVIII века в переводе на аиглийский язык полиостью илн в отрывках, был неоднократио переведен на немецкий, итальянский и голлаидский языки. Наибольшее число издаинй падает иа начало XVIII века, но и в конце его, накануне Французской буржуазной революции, «История севарамбов» несколько раз была издана во Франции. И даже в XIX веке, когда ромаи был забыт во Франции, его охотио читали в Англии и в Германии.

«История севарамбов» как одии из первых самых крупных утопических романов вызвала много подражаний. Таков, например, роман Claude Gilbert. Histoire de l'île de Calejava. Dijon, 1700, нли Tyssot de Patot. Les voyages et aventures de Jacques Massé. Bordeaux, 1700, и ряд других. Некоторые отзвуки «Истории севарамбов» можно найти во многих произведениях более поздней утопической литературы.

«История севарамбов» привлекала также к себе виимание великнх французских просветителей XVIII века — Монтескье, Вольтера,— но нх она интересовала ие с точки зрения социальиых ндей, а с точкн зрения религиозной полнтнкн.

Впервые, как мы уже говорилн, на английском языке первая часть «Истории севарамбов» вышла еще в 1675 г. Через несколько лет неизвестный автор издал продолженне ромаиа, написаиное в фантастическом духе н не имеющее иичего общего с первой его частью. С выходом в свет в 1719 г. бессмертного «Робинзона Крузо» Дефо и в 1727 г. «Путешествия Гулливера» Свифта в Англии сильно возрос интерес к ромаиу Вераса. Английские критики часто сопоставляли «Историю севарамбов» с романами Дефо и Свифта. Быть может этим отчасти объясняется ее успех в Англии. В 1738 г. «История севарамбов» была впервые издана на английском языке полиостью в переводе с французского издания.

В Германии успех Вераса был наиболее длительным. Впервые «История севарамбов» была переведена на немецкий язык в 1689 г. и тепло принята

критиками. О романе хорошо отзывался Лейбниц, Кант называет «Историю севарамбов» вслед за утопиями Платона и Мора. У нас роман Вераса издан был только в советское время (1937 г.) под общей редакцией В. П. Волгина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Восточной Индии* — именем Восточной Индии (Ост-Индия), в противоположность Америке, называвшейся Западной Индией (Вест-Индия), называли обычно Индостан, Индокитай и острова юго-восточной Азии.

[2] *Таксель* — остров, принадлежащий Голландии и расположенный к северу от Зюдерзее.

[3] *Индийской компании* — имеется в виду Нидерландская Ост-Индская компания, существовавшая с 1602 до 1798 г. Это была монопольная торговая компания, способствовавшая созданию Голландской колониальной империи в юго-восточной Азии.

[4] *Я воевал в течение трех лет* — повидимому, речь идет о войнах Франции в союзе с Голландией против Испании, начиная с 1635 г.

[5] *Право veto* — veto (лат. «запрещаю») — формула, которой пользовались в древнем Риме народные трибуны для того, чтобы приостановить действие декретов сената. В более широком смысле — запрещение или приостановка верховной властью введения в действие какого-нибудь постановления законодательного учреждения.

[6] *Ланды* — равнинная местность во Франции вдоль Бискайского залива, площадью около 14 тысяч км^2. В XIX веке Ланды засажены соснами и дубами.

[7] *Не болел ли кто из нас неаполитанской болезнью* — подразумевается сифилис.

[8] *О положении империи* — имеется в виду положение Германской империи после Вестфальского мира, заключенного в 1648 г.

[9] *Около пяти туазов* — туаз — старинная французская мера длины, равная 1,949 м.

[10] *Я побывал при дворе Великого Могола* — Великий Могол — титул монгольских властителей, правивших Индией в течение XIV—XVII веков.

[11] *Арпан* — мера земли в 51 ар.

[12] *Род его шел от парси* — парси — последователь религии, основанной, по преданию, Заратустрой, или Зороастром (религия древнего Ирана).

[13] *Поклонение солнцу и огню* — в религии, основанной Заратустрой, огонь и солнце играют большую роль. Рай, ангелы созданы из света, а ад является созданием тьмы.

[14] *Софи* — Софи, или суфи,— мусульманская секта, основанная в Персии в IX веке.

[15] *Ко двору великого государя* — под великим государем, повидимому, подразумевается Великий Могол.

ЛИТЕРАТУРА О ВЕРАСЕ

1. Беер, М. Всеобщая история социализма и социальной борьбы. М.— Л. 1927.
2. В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. 1. М. 1928.
3. Ascoli G. Quelques notes biographiques sur Denis Veiras d'Allais, dans les Mélanges Lanson. Paris, 1922.
4. Atkinson G. The extraordinary voyage in French literature before 1700. New York, 1920.
5. Brüggeman F. Utopie und Robinsonade, Weimar, 1914.
6. Chinard G. L'Amérique et le rêve exotique dans littérature française au XVII-e et au XVIII-e siécle. Paris, 1913.
7. Hugo C. Socialismus in Frankreich von der Reformation bis zur Revolution in Vorläufer des neueren Socialismus, т. I и II, Stuttgart, 1895.
8. Kleinwaechter F. Die Staatsromane, Wien, 1891.
9. Lichtenberger A. Le socialisme au XVIII-e siècle. Paris, 1895.
10. Mohl, Robert von. Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erlangen, 1855.
11. Mühl E. Denis Veiras et son Histoire des sevarambes (1677—1679). Paris, 1938.
12. Van Wijngaarden N. Les odyssées philosophiques en France. Haarlem, 1932.

СОДЕРЖАНИЕ

Дени Верас

История севарамбов

*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская.*
Технический редактор *Е. Б. Поливанова.*

*

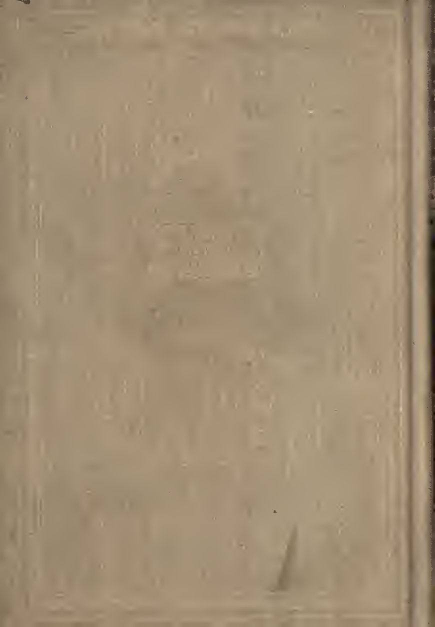
РИСО АН СССР № 5579. Сдано в набор 6/III 1956 г.
Подп. в печать 23/VII 1956 г. Форм. бум. $70 \times 92^{1}/_{32}$.
Печ. л. $9^{7}/_{8}$ = 11,55.+1 вкл. Уч.-изд, лист. 9,9+.0,1 вкл.
Тираж 8000. Изд. № 1729. Тип. зак. 3099. Т-05355.

Цена 7 р.

Издательство Академии иаук СССР.
Москва Б-64, Подсосеиский пер., д. 21.

2-я тип. Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10.

ДЕНИ ВЕРАС